

ТРЕТЬЯ ВОЛНА 7-8

Главный редактор — Александр ГЛЕЗЕР

Ответственный секретарь — Майя МУРАВНИК

На первой странице обложки
репродукция картины
Юрия ЖАРКИХ « Две девицы под окном »
Холст/масло. Музей современного русского
искусства в Монжероне

На последней странице обложки репродукция
работы Марка КЛИОНСКОГО
« Композиция »

ТРЕТЬЯ ВОЛНА

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Издательство
« ТРЕТЬЯ ВОЛНА »
Франция
Июнь 1979

Материалы авторов, проживающих в тоталитарных странах, в том числе в СССР, печатаются без их ведома

Цена номера 26 фр. франков
пересылка за счет подписчика.

Рукописи направлять по адресу :
M. Alexandre Gleser
Chateau du Moulin de Senlis
91230 Montgeron, France

Все права на издание принадлежат альманаху
« Третья волна »

© By « The Third Wave »

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОМ ГИНЗБУРГОМ

НЬЮ-ЙОРК, 30 АПРЕЛЯ 1979 ГОДА

- Какие у тебя ощущения в первые дни пребывания на свободе в Нью-Йорке?

- Никаких ощущений. Никаких ощущений. Только иногда, когда ели, ощущаю, что вкус пищи немного другой. А иных ощущений никаких. Такое впечатление, что я два дня в Москве.

- Тебя возили в Москву?

- Нет, (и смеясь), но здесь я вчера был у Литвинова и Турчина, так что...

- Знал ли ты заранее об обмене?

- Нет, мы ничего не знали. Нас всех увезли из лагерей. Сперва на пересылку. Потом в тюрьму. Как обычно, повсюду шмон. Все делалось, как надо. Сперва мы были разделены. Нас не сводили, но в какой-то момент впихнули в одну машину. И тогда стало ясно, что что-то происходит.

- Сидел ли ты в одном лагере с Хейфецем?

- Нет, не пришлось, но я о нем много слышал.

- А что с Щаранским?

- Он сидит в Чистопольской тюрьме.

- Это, кажется, новая тюрьма и условия в ней особые?

- Ну, что значит особые? Все, как везде. Переписка разрешена и посылки тоже. Только до него ничего не доходит и от него ничего не приходит.

- А что с Ковалевым?
- Ужасная история. Его жене сначала сообщили, что его освобождают вместе с нами, а утром она узнала, что его не освободили.
- Что мы можем сделать для тех, кто там?
- Надо бороться в первую очередь за освобождение тех, за кем не стоят никакие силы. Например, за Щаранским - сам президент Картер, за Кузнецовым и Дымшицем стояли еврейские организации во главе с Бегином. Но есть много людей, о которых никто не думает. И надо, конечно, бороться за освобождение членов Хельсинкских групп - Орлова, Тихого, Руденко и др. и, конечно, за Огурцова.
- Сколько, на твой взгляд, политзаключенных в СССР?
- Точно на этот вопрос ответить невозможно. Много.
- Но все-таки, сотни или тысячи?
- Я думаю, около двух тысяч.
- Что ты думаешь делать здесь?
- Я еще не знаю, что можно делать здесь. Надо оглядеться.
- Собираешься ли ты в Париж?
- Конечно. Но сейчас для меня будет установлен особый режим в Вермонте у Солженицына. Я там немного отдохну.
- Где ты предполагаешь жить? В Европе или в США?
- Еще не знаю.
- Мне хотелось бы знать твое мнение о журнале "Континент".

- Ну, мнения самые разные.
  - Но каких больше, хороших или плохих?
  - Конечно, хороших. Я еще на свободе читал двенадцать, нет, одиннадцать номеров. Естественно, не от корки до корки. Быстро. Ты ведь знаешь, как такое дают в Москве. На одну ночь. "Континент" - большое и важное для России дело. Это общее мнение.
  - Ты знаешь почти всех художников, с которыми я связан. И ты, наверное, слышал о создании в Монжероне русского музея. Как ты относишься к этому "мероприятию"?
  - Я не только слышал, но и видел афиши многих выставок, которые вы организуете. Афишу Пале де Конгре и японскую. Все это замечательно, что я еще могу сказать.
  - Ты знаешь, мы создали фонд друзей "Музея современного русского искусства". Не дашь ли ты нам свое имя, так как ты все-таки так близок со многими художниками?
  - Подожди, подожди. Дай мне во всем разобраться, а то на меня всех собак повесят.
  - Ты помнишь, как был у меня на проводах на Преображенке?
  - Конечно. Это было в 1974 году.
  - Получается почти как у Дюма. Пять лет спустя.
  - Да.
- И Алик улыбается такой знакомой еще с давних пор доброй и светлой, простите за штамп, но так оно есть, улыбкой.
- А телефон все время звонит. То Володя Бу-

ковский из Лондона. То Наташа Солженицына из Вермонта. Хотелось бы еще поговорить, не интервью продолжать, а просто посидеть, поболтать и даже чуть-чуть выпить.

- Ты знаешь, сегодня во Freedom House конференция "Третьей волны". Выступают Мамлеев, Довлатов, Михайлов. Выставка с участием Оскара, Шемякина, Целкова... Может, заглянешь? И потом, певица из Ленинграда. Кстати, очень красивая.

- Ну, я очень хотел бы. Но все решает мой комиссар. А комиссар - Люся Торн - уже торопит нас:

- Саша, простите, но я давала вам 30 минут. Здесь журналисты из "Нью-Йорк таймс" ждут. Пора.

Журналистов и вправду много. Осаждают Алика. А перед нами к нему пожаловал государственный секретарь США Венс. Вот ругаем мы американскую администрацию за пассивное отношение к нашим диссидентам, но все-таки молодцы американцы. Бжежинский для всей пятерки освобожденных устроил завтрак. Президент Картер принял пастора Винса.

- Ладно, ладно, Люсенька, уходим. Только одно фото. Патрик, пожалуйста.

И мы фотографируемся с Аликом в просторной комнате Н.У. отеля, что на углу 44-й стрит и 1-й авеню. И сзади нас возвышаются небоскребы этого огромного, прекрасного, бесноватого, клокочущего и гостеприимного города. Помните:

Пропер океаном. Приехал, стоп.
Открыл Америку в Нью-Йорке на крыше.
Братцы, глядите ж, это наш Конотоп -
Только чуть-чуть пошире и выше.

- До свидания, Алик, до свидания. До скорого. Мы снова обнимаемся, и он вновь улыбается своей улыбкой царевны Несмеяны. Наш Алик Гинзбург.

Брал интервью
Александр ГЛЕЗЕР

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей Довлатов

ВЫСОКИЕ МУЖЧИНЫ

РАССКАЗ

(Из сборника "Компромисс")

В этом рассказе нет ангелов и нет злодеев, нет грешников и праведников нет. Да и в жизни их не существует. Вот уже сколько лет я наблюдаю...

Один редактор говорил мне:

- У тебя все действующие лица - подлецы. Если уж герой - подлец, ты должен логикой рассказа вести его к моральному краху. Или к возмездию. А у тебя подлецы - нечто естественное, как дождь или снег...

- Где же тут подлецы? - спрашивал я, - кто, например, подлец?

Редактор глядел на меня, как на человека, оказавшегося в нехорошей компании и пытающегося выгородить своих дружков...

Я давно уже не разделяю людей на положительных и отрицательных. А литературных героев - тем более. Кроме того, я не уверен, что

в жизни за преступлением неизбежно следует раскаяние, а за подвигом — блаженство. Мы есть то, чем себя ощущаем. Наши свойства, достоинства и пороки извлечены на свет Божий чутким прикосновением жизни... "Натура — ты моя богиня!"... И так далее... Ладно...

В этом рассказе нет ангелов и нет злодеев, да и быть не может. Один из героев — я сам. Под фамилией Чулков выведен Миша Шаблинский с характерными для него выражениями: "спонтанная апперцепция", "имманентный дуализм"... Под фамилией Рошин скрывается Дима Беляев, которого тоже легко узнать. Пристрастие к анодированным зажимам для галстука и толстым мундштукам из фальшивого янтаря снискали ему широкую известность.

Что нас сближало? Может быть, как это лучше выразиться, легкая неприязнь к официальной стороне газетной работы. Какой-то здоровый цинизм, помогающий избегать громких слов...

В нашей конторе из тридцати двух сотрудников по штату, двадцать восемь называли себя: "Золотое перо республики". Мы трое в порядке оригинальности назывались — серебряными. Дима Шер, написавший в одной корреспонденции: "Искусственная почка — будничное явление наших будней", слыл дубовым пером.

В общем, мы дружили. Чулков работал в промышленном отделе, его материалы не вызвали дискуссий. В них преобладали цифры, рассчитанные на специфического читателя. Рошин трудился в отделе спорта, вел ежедневную хрони-

ку. Его точные деловые сообщения были лишены эмоций. Я писал фельетоны. Мне еще в апреле сказал редактор: "Будешь писать фельетоны, дадим квартиру".

Трудное это дело. Каждый факт надо тщательно проверять. Объекты критики изворачиваются, выгораживая себя. Город маленький, люди на виду. Короче, дважды меня пытались бить. Один раз - грузчики товарной станции (им это удалось). Затем - фарцовщик Чигирь, который ударил меня шляпой "Борсолино" и тут же получил нокаут.

На мои выступления приходили бесчисленные отклики. Иногда в угрожающей форме. Меня это даже радовало. Ненависть означает, что газета еще способна возбуждать страсти.

Каждый из нас занимался своим делом. Все трое неплохо зарабатывали. Чулков привозил из командировок вяленую рыбу, утиные яйца и даже живых поросят. Рошин писал монографии за одного ветерана спорта, которого называл - "добрый плантатор". Короче, работали мы добросовестно и честно...

Чулков собирался жениться. Рошин помалкивал о своих увлечениях. Я четыре раза в неделю бесплатно посещал театр. Симпатичная девушка Зоя оставляла мне контрамарки. Роли она исполняла эпизодические, но выглядела прекрасно...

Что же дальше? Ничего особенного. К Рошину приехала гостья из Двинска. Я даже не знаю, что она имела в виду. Есть такие моло-

дые женщины, не то, чтобы порочные, развратные, нет, а как бы это лучше выразиться - беспечные. Их жизнь - сплошное действие. За нагромождением поступков едва угадывается душа. С чудовищными усилиями, ценою всяких жертв обзаводятся, например, девушки импортными сапогами. Трудно представить, как много времени и сил это отнимает. А потом - демонстрация импортных сапог. Бесчисленные компании, танцы, или просто - от универмага до ратуши, мимо сияющих витрин. Иногда сапоги темнеют около вашей кровати: массивные подошвы, надломленные голенища. И не какой-то жуткий разврат. Просто девушки не замужем. Выпили, автобусы не ходят, такси не поймать. И хозяин такой симпатичный. В доме три иконы, автограф Магомаева, эстампы, Коул Портер... По вечерам девушки танцуют, а днем работают. И неплохо работают. А в гости ходят к интересным людям. К журналистам, например...

Рошин заглянул к нам в отдел. С ним была девушка.

- Посиди тут, - сказал он ей, - мой зав не в духе. Серж, ничего она здесь посидит?

Я сказал: "Ничего".

Девушка села у окна, вынула пудреницу. Рошин ушел. Я продолжал трудиться без особого рвения. Фельетон, который я писал, назывался "ВМК без ратуши". Что такое "ВМК" - начисто забыл...

- Как вас зовут?

- Белла. А правда, что все журналисты мечтают написать роман?

- Нет, - солгал я.

Девушка подкрасила губы и начала вертеться. Я спросил:

- Где вы учитесь?

Тут она начала врать. Какая-то драматическая студия, какая-то пантомима, югославский режиссер вызывает ее на съемки. Зовут режиссера Йошко Гати. Но какой-то "Интерсин" валюту не переводит...

Как благородно эволюционировало вранье за последние двести лет! Раньше ввали, что есть жених, миллионер и коннозаводчик. Теперь врут про югославского режиссера. Когда-то человек гордился своими рысаками, а теперь... вельветовыми шлепанцами из Польши. Хлестаков был с Пушкиным на дружеской ноге, а мой знакомый Геныч вернулся из Москвы подавленный и тихий - Олжаса Сулейменова увидел в ЦУМе. Даже интеллигентные люди врут, что у них приличная зарплата. Я сам всегда рублей двадцать прибавляю, хотя действительно неплохо зарабатываю... Ладно...

Стала она врать. Я в таких случаях молчу - пусть. Бескорыстное вранье - это не ложь, это поэзия. Я даже почему-то уверен, что ее вовсе не Беллой звали...

Потом явился Рошин.

- Ну все, - говорит, - триста строк у ответсека в папке. Можно и расслабиться.

Я мигом закруглил свой фельетон. Написал что-то такое: "...Почему молчали цеховые активисты? Куда глядел товарищеский суд? Ведь

давно известно, что алчность, умноженная на безнаказанность, кончается преступлением!.."

- Ну, пошли, - говорит Рощин, - сколько можно ждать?!

Я сдал фельетон, и мы позвонили Чулкову. Он искренне реагировал на призыв:

- У Розки сессия. Денег - восемь рублей. Завтра у меня творческая среда. Как говорится, одно к одному...

Мы собрались на лестничной площадке возле лифта. Подошел Жбанков со вспышкой, молча сфотографировал Беллу и удалился.

- Какие планы? - спросил я.

- Позвоним Верке.

Вера Хлопина работала в машинописном бюро, хотя легко могла стать корректором и даже выпускающим. Нервная, грамотная и толковая, она вредила себе истерической дерзкой прямоотой. У нее охотно собиралось газетное руководство. Холостяцкая обстановка, две комнаты, Верины подружки, музыка... Выпив буквально две рюмки, Хлопина становилась опасной. Если ей что-то не нравилось, она не подбирала выражений. Помню, она кричала заместителю редактора молодежной газеты Вейсблату:

- Нет, вы только послушайте! Он же темный, как Армстронг! Его в гараж механиком не примут!

И женщинам от нее доставалось. За все, за умение сублимировать грешки, за импортные наряды, за богатых и вялых мужей.

Нам троим Вера симпатизировала. И правильно. Мы не были карьеристами, не покупали автомашин, не важничали. И мы любили Веру. Хотя отношения с ней у всех троих были чисто приятельские. Вечно раскрасневшаяся, полная, чуточку нелепая, она была предельно целомудренна.

Хлопина не то чтобы любила выпить. Просто ей нравилось организовывать дружеские встречи, суетиться, бегать за рислингом, готовить закуску. Нам она говорила:

— Сейчас позвоню Людке из галантерейного отдела. Это фантастика! Осиная талия! Глазищи зеленые вот такие!..

Людке кричала по телефону:

— Все бросай, лови мотор, и к нам! Жду! Что? Писатели, журналисты, водки навалом, торт...

В результате приезжала Людка, высокая, стройная, действительно — глазищи... с мужем, капитаном УВД...

Все это делалось абсолютно бескорыстно. Просто Вера была одинока.

И вот мы к ней поехали. Купили джина с тоником и все, что полагается. Должен сказать, я эти вечеринки изучил. Знаю наперед, что будет дальше. Да и проходят они всегда одинаково. Раз и навсегда заведенный порядок. Своего рода концерт, где все номера значатся в программе. Чулков поведает о какой-нибудь фантастической горкомовской охоте. Там будут вальдшнепы орлиных размеров, лесная избушка

с финской баней, ереванский коньяк... Затем я перебую его своей излюбленной шуткой:

- А среди деревьев бегает инструкторы райкома в медвежьих шкурах...

- Завидуешь, - беззлобно ухмыльнется Чулков, - я же говорил - поедем...

Затем Рошин сообщит что-нибудь об ипподроме. И будут мелькать удивительные лошадиные клички: "Ганнибал", "Веселая песенка", "Рок'н-ролл". "Дукель его причесывает на вираже, у фаворита четыре сбоя, у меня в кармане шесть экспрессов, и в результате - столб-галоп!.."

Затем хозяйка опьянеет и выскажет то, что думает о каждом из нас. Но мы привыкли и не обижаемся. Рошину достанется за его безвкусный галстук. Мне - за лояльность по отношению к руководству. Чулкову за снобизм. Выяснится, что она требовательно и пристрастно изучает все наши корреспонденции. Потом начнутся вечные журналистские разговоры, кто бездарный, кто талантливый, и довоенные пластинки, и слезы, и чудом купленная водка, и "ты меня уважаешь?" в финале. Кстати, неплохая рубрика для сатирического отдела...

В общем, так и получилось. Жарили какие-то сосиски на палочках. Вера опьянела, целовала портрет Добролюбова: "Какие были люди!..." Чулков рассказал какую-то пошлость о Добролюбове, я вяло опроверг. Белла врала что-то трогательное в своей неубедительности, якобы Одри Хопберн прислала ей красящий шампунь...

Потом она уединилась с Рошиным на кухне. А Рошин обладал поразительным методом воздействия на женщин. Метод заключался в том, что он подолгу с ними разговаривал. Причем, не о себе, о них. И что бы он им ни говорил: "Вы склонны доверять людям, но в известных пределах...", метод действовал безотказно, и на учащихся ПТУ, и на циничных корреспонденток телевидения.

Мы с Чулковым быстро наскучили друг другу. Он, не прощаясь, ушел. Вера спала. Я позвонил Зое и тоже уехал.

Белле я сказал только одну фразу: "Хотите, незаметно исчезнем?" Я всем говорю эту фразу. (Женщинам, разумеется). Или почти всем. На всякий случай. Фраза недвусмысленная и безобидная при этом.

- Неудобно, - сказала Белла, - я же к Мите приехала...

Утром было много дел в редакции. Я готовил полосу о народном контроле и лечился минеральной водой. Чулков расшифровывал свои магнитофонные записи после конференции наставников. Появился Рошин, угрюмый, осунувшийся. Высказался загадочно и абстрактно: "Это такая же фикция, как и вся наша жизнь". В обед зазвонил телефон:

- Это Белла. Диму не видели?
- А, - говорю, - здравствуйте. Ну как?
- Гемоглобин - двести.
- Не понял?

- Что за странные вопросы: "Ну как? Ну как? "... Паршиво, как же еще...

Пошел искать Рощина, но мне сказали, что он уехал в командировку. В поселке Кунгла мать-героиня родила одиннадцатое чадо. Я передал все это Белле. Белла говорит: "Вот сволочь, и не предупредил..." Наступило молчание. Это мне не понравилось. Я - то причем? И полоску надо сдавать. Заголовки какие-то жуткие: "Баллада о пропавшем арифмометре"... А Рощин действительно хорош, уехал и барышню не предупредил. Мне стало как-то неловко.

- Хотите, - говорю, - позавтракаем вместе?

- Да вообще позавтракать бы надо. Состояние какое-то непонятное.

Я назначил ей свидание. Затем разбросал по столу бумаги. Создал видимость труда...

Был прохладный и сумрачный майский день. Над витринами кафе хлопали полотняные тенты. Белла пришла в громадном коленкоровом сомбреро. Она им явно гордилась. Я с тоской огляделся. Не хватало еще, чтобы меня видели с этим сомбреро Зоины подружки. Поля его задевали водосточные трубы. В кафе выяснилось, что оно ловко складывается. Мы съели какие-то биточки, выпили чаю с пирожными. Она держалась так, словно у нее могли быть претензии ко мне. Я спросил:

- У вас, наверное, каникулы?

- Да, - говорит, - римские каникулы.

- Действительно, принцесса среди журналистов. Как вас мама отпустила?

- А чего?

- Незнакомый город, соблазны...

- Встречаются две мамы: "Как же ты дочку-то отпустила?". "А чего беспокоиться? Она с девяти лет под надзором милиции..."

Я вежливо засмеялся. Подозвал официанта. Мы расплатились, вышли. Я говорю:

- Ну-с, был счастлив лицезреть вас, мадам.

- Чао, Джонни! - сказала Белла.

- Тогда уж не Джонни, а Джованни.

- Гуд бай, Джованни!

И она ушла в громадной коленкоровой шляпе, тоненькая, такая сыроежка. А я поспешил в редакцию. Оказывается, меня уже разыскивал секретарь. К шести часам полоса была готова.

Вечером я сидел в театре. Давали "Колокол" по Хемингуэю. Спектакль ужасный, помесь "Великолепной семерки" с "Молодой гвардией". Во втором акте, например, Роберт Джордан побрился кинжалом. Кстати, на нем были польские джинсы. В точности, как у меня.

В конце спектакля началась такая жуткая пальба, что я ушел, не дожидаясь оваций. Город у нас добродушный, все спектакли кончаются бурными аплодисментами.

Рано утром я пришел в контору. Мне была заказана положительная рецензия. Мертвея от табака и кофе, я начал писать:

"Произведения Хемингуэя не сценичны. Единственная драма этого автора не имела театральной биографии, оставаясь "повестью в диалогах". "Она хорошо читается", - подчеркивал

автор. Бесчисленные попытки Голливуда экранизировать..."

Тут позвонила Вера. Я говорю:

- Ей богу, занят! В чем дело?

- Поднимись на минутку.

- Что такое?

- Да поднимись ты на минутку!

- А, черт...

Вера ждала меня на площадке. Раскрасневшаяся, нервная, печальная.

- Ты понимаешь, ей деньги нужны.

Я не понял. Вернее - понял, но сказал:

- Не понимаю?

- Белке деньги нужны. Ей улететь не на что.

- Вера, ты меня знаешь, но до четырнадцатого это исключено. А сколько надо?

- Хотя бы тридцать.

- Совершенно исключено. Гонораров у меня в апреле никаких... В кассу семьдесят пять... За телевизор до сих пор не расплатился... А потом, я не совсем... Минуточку, а Рошин? Ведь это же его кадр...

- Куда-то уехал.

- Он скоро вернется.

- Ты понимаешь, будет катастрофа. Звонил ее жених из Саратова...

- Из Двинска, - сказал я.

- Из Саратова, это не важно... Сказал, что повесится, если она не вернется. Белка с февраля путешествует.

- Так и приехал бы за ней.

- У него экзамен в понедельник.

- Замечательно, - говорю, - повеситься он может, а экзамен игнорировать не может...

- Он плакал, натурально плакал...

- Да нет у меня тридцати рублей! И потом, как-то странно, ей богу... А главное - нету!

Самое интересное, что я говорил правду.

- А если у кого-нибудь занять? - говорит Вера.

- Почему, собственно, надо занимать? Это девушка Рощина. Пусть он и беспокоится.

- Может, у Чулкова спросить?

Пошли к Чулкову. Тот даже возмутился:

- У меня было восемь рублей, я их поджентльменски отстегнул. Сам хочу у кого-нибудь двинуть. Дождитесь Рощина и пусть он башляет это дело. Слушайте, я хохму придумал: "Все люди делятся на большевиков и башлеви-ков"...

- Ладно, - сказала Вера, - что-нибудь придумаю.

И пошла к дверям.

- Слушай, - говорю, - если не придумаешь, звони...

Тут меня вызвали к редактору. Генрих Францевич сидел в просторном кабинете у окна. Радиола и телевизор бездействовали. Усложненный телефон с белыми клавишами молчал.

- Садитесь, - произнес редактор, - есть ответственное задание. В нашей газете слабо представлена моральная тема. Выбор самый широкий. Злостные алиментщики, протекционизм, государственное хищение... Я на вас рассчитываю. Пойдите в народный суд, ГАИ...

- Чтонибудь придумаю.

- Действуйте, - сказал редактор, - моральная тема - это очень важно...

В тот день было еще много забот, конфликтов, споров, нерешенных проблем. Я побывал на двух совещаниях. Ответил на четыре письма. Раз двадцать говорил по телефону. Пил коктейли, обнимал Зою...

Все шло нормально.

А день вчерашний - куда он подевался? И если забыт, то что же вынудило меня шесть лет спустя написать: "В этом рассказе нет ангелов и нет злодеев, нет грешников и праведников нет..."?

И вообще, что мы за люди такие?

Александр ГЛЕЗЕР

Из книги "ХАВА НАГИЛА"

х х х

Я говорю на языке чужом,
Я знаю, что богат он и прекрасен,
И он, чужой, мне служит маяком,
И я ему с рождения подвластен.

Я рос в стране морозов и берез,
Распутиц, и распутниц, и злодеев,
Где над народом властвовал наркоз
Покорности царям и мавзолеям.

Но где-то есть сияющий Сион,
Иерусалим с неумолимым Ягве,
А я сижу, пишу российским ямбом
И таинством звучанья покорен.

Родной язык, ты от меня далек
На тысячу и тысячу столетий,
Но дух еврейства в сердце проистек
Сквозь баррикады русских междометий.

Дух и язык, о как вас совместить
Поэтам русским, но в душе евреям?
На языке чужом нам говорить,
Но кровь пролить, подобно Макковеям.

Москва, 1973

ПАСХАЛЬНОЕ

Гори и гори, семисвечник,
Гори, согревай, как извечно,
Над жизнью, как льдинка, непрочной,
Гори, моей силы источник.

Капели, капели, капели,
В России седьмое апреля,
Беременны ранней весной,
Плывут облака над Москвою.

А где-то арабами сбитый,
Родною землей не прикрытый,
С горячей израильской ночью
Обнялся израильский летчик,

Вчерашний мальчишка из Тулы,
Простреленный тульской пулей.
Гори же, гори, семисвечник.
Гори, согревай, как извечно.

Москва, 1973

НОСТАЛЬГИЯ

Оскару Рабину

Ностальгия по России,
Ностальгия у еврея,
Ностальгия, ностальгия,
Безоглядной тьмы чернее.

И плывут перед глазами
Кинолентой из бывшего
Три колодца с журавлями
В деревеньке под Кусково.

Жил несладко он в России,
По земле ходил несмело.
Почему же ностальгия
Налетела, одолела?

Вновь и вновь волною Волги
Бредит в скорби и печали,
Подмосковные дороги
Снятся длинными ночами.

Ностальгия по России,
Ностальгия у еврея,
Ностальгия, ностальгия
Безоглядной тьмы чернее.

Москва, 1974

х х х

Дмитрию Плавинскому

Последний день рождения в России.

О чем вчера глаза его грустили?
Полынный день рождения в России,
Печальный день рождения в России,
Прощальный день рождения в России.

О чем молчишь, Преображенка белая,
Закутанная в снега до бровей,
О чем кричишь под вьюжиною, бедная?
Прощается с Россией твой еврей.

Почудилось, иль вправду голосили
Надрывно бабы под окном моим...

А ведь вчера лишь был я молодым.
Последний день рождения в России.

Москва, 13 января 1975

Из книги "НЕВЕРНЫЙ МАРТ"
х х х

Окруженный готической Веной,
Безразличный к печали чужой,
Я теряю с последнею верой
Все, что связано с жизнью былой.

Одиночество, как гильотина.
Голова моя катится прочь.
Приласкай меня, смерть, словно сына,
Опусти в европейскую ночь.

Вена, март 1975

х х х

Неласково небо чужое,
В душе и разлад и разбой.
За смертной, заветной чертою
Найду наконец-то покой.

Я слышу дыханье последних
Печальных, прощальных минут,
Коротких, как полдень осенний,
Но долных нежданных прозрений,
Которые каждого ждут.

Вена, 1975

х х х

Володе Максимову и Мише Шемякину

Взвихрился март. Красавец месяц март.
Неверный март - ветра, ветра, ветра.
Они гогочут с раннего утра,
Листву кружат, как трефовую масть,
Раскачивают дуб, как тополь всласть
И, наконец, всю войдя в азарт,

Гремят по крыше, словно швы кладут.
Неверный март - ветра, ветра, ветра.
Они несутся, будто буера,
В окошко бьют холодным кулаком,
Берут в полон полузабытый дом
И волокут прохожих, как на суд.

Протяжной ночью диких кошек плач.
Неверный март - ветра, ветра, ветра.
Мне чудится стеклянная Кура,
Гора Мтацминда, теплая кора
Дерев грузинских. Выпьем спотыкач.

Порой поют, рыдают ни о чем.
Неверный март - ветра, ветра, ветра.
Кому-то в путь, в последний путь пора.
А волны гнутся на груди реки,
В которой рыба сдохла от тоски,
И только грязь, и только мразь кругом.

Монжерон, март 1978

ПАРИЖ - НЬЮ ЙОРК

Володе Марамзину

Облака подо мной, облака,
Словно пятна абстрактной картины.
Жесткой кистью Оскара - река
Пролегла под крылом самолета,
Смуглолицей Дианы рука
Чуть коснулась меня. О, мужчины,
Почему вам работать охота
В банках, в офисах, в прочей муре...
Позабывать о деньгах не пора ли
И рвануть по весенней поре
На Гавайи с веселой Дианой?
Бывший клерк, новоявленный жрец,
Разве прежняя жизнь вам не странна?

Ах, весна, ах, какая весна -
Первый раз за границей такая!
А во мне, словно девка, пьяна -
Никуда от нее мне не деться,
Не укрыться в пристанище сна -
Разметалась шальная Тверская,
Разгулялось далекое детство.

А вокруг - облака, облака,
Словно пятна абстрактной картины.
Легкой кистью Оскара - река
Под крылом самолета мелькнула...
Смуглолицей Дианы рука,
Негритянские черные спины,
Англо-сакская добрая речь...

А в России, России любимой
Над свободой карающий мечь.
Над Нью-Йорком, простите, свобода...
Под картечь красных псов, под картечь -
Не палите, пожалуйста, мимо!
Чтобы русскую землю сберечь -
Под картечь красных псов, под картечь -
Пусть изгибнет их злая порода!

А пока что, пока что весна,
Синебрюхое небо струится
Под крылом самолета. Весна!
Месяц март, милый март на исходе.
Написал бы сегодня Кранах
Лик Дианы, летящей как птица,
Из Парижа в Нью-Йорк в самолете.

Нью-Йорк, март 1978

х х х

"Ах, сегодня весна Ботичелли!.."

Александр Вертинский

Ах, сегодня весна Ботичелли!
Солнце шпарит -
и весь горизонт -
Ослепительно-розовый зонт,
Уходящий в ничто. А качели
Наших чувств, наших губ, наших глаз,

Словно вешняя песня свирели
На вершинах, где дремлет Кавказ.
Ах, сегодня весна Ботичелли!

Ах, сегодня весна Ботичелли -
Без разлук, без разрух, без ругни,
Беззаботно-беззлобные дни.
Это редкостный дар. А качели

Наших рук, наших дум, наших ран,
Словно дивная песня свирели
В тех краях, где тоскует джейран.
Ах, сегодня весна Ботичелли!

Ах, сегодня весна Ботичелли -
Коль уйдешь, не вернись с полпути.
Пусть играет пастух на свирели,
Чтобы весело было уйти.

Париж, апрель 1978

ГУЛЯНКА

Эх, гуляли мы у Пети
По грузински, черт возьми.
Позабыв про все на свете -
Пировали до зари.

Пили водку, пили вина
Под горячий звон гитар.
Смылась рано половина -
Одолел хмельной угар.

Остальные ж, как гвардейцы,
Не сдавались до утра.
Пели русские еврейцы:
Тари-тара-тари-ра.

Осушали Ира с Раей,
Саша с Петей, Я и Он.
Ничего уже не знаю,
Черным чертом взят в полон.

Пьем мы с ним, а он хохочет,
Лупит глаз в мои глаза.
Мне бы - этого не хочет
Лечь, залечь под образа.

Но откуда иудею
Взять подобный реквизит?
За окном рассвет алеет,
Как уральский антрацит.

Бьет в окно ветрило марта.
Семьдесят девятый год.
И поет девица Марта,
По цыгански, бля, поет.

Черт с тобою, черт зеленый,
Черт горбатый, черт хромой,
Окаянный, обделенный,
Как и я, для всех чужой.

Выпьем черт, гляди смелее,
Не робей и не страшись.

Заодно со мной , евреем,
Уносись в хмельную высь.

Нью-Йорк, март 1979

х х х

Сереее Довлатову

Я упаду на всем скаку,
И мне неведом час паденья,
Не стану я подобьем тени,
Как подобает старику.

В какой-то миг, рассветный миг,
Что кукла, сердце разорвется,
И, как в колодце, как в колодце,
В моих глазах застынет мир.

Подобно сонному стогу,
Я съезжусь, спрячусь, стану стылым.
Все было, было, было, было,
Но я упал на всем скаку.

Нью-Йорк, март 1979

х х х

О жизни смертельной стремнина...
Спасибо тебе Украина
За синее ложе Днепра,
За светлое имя Ирина,
За нынешний день и вчера.

Весенние ветры, что кони,
Пронзителен свод голубой.
О гомон нью-йоркской погони -
Погони моей за собой!

Лечу на ковре серебристом,
Бессмертным, как славная быль -
Не полем украинским чистым,
Рзлегшимся в завтра и вширь, -

Лечу я, лечу я по жизни,
Сгорая лечу и кричу:
"На тризне, тоскующей тризне,
Поставь мне, Ирина, свечу".

О гомон нью-йоркской погони,
Погони моей за собой.
Весенние ветры, что кони.
Мне шепчут они: "Ты изгой".

О гомон нью-йоркской погони...

Нью-Йорк, март 1979

х х х

Мы едем молча, едем молча,
Мы как покойника везем.
День обернулся серой ночью
И погрозил мне кулаком.

Печальный день, день расставанья,
Прощальный день, полынный день.
Ах, нам с тобой бы на венчанье -
Все остальное дребедень!

О, нам бы в церкви бело-белой
Сказать бы да, сказать бы да...
Ах, неужели никогда!
А мне вчера цыганка пела,

Гадала стерва по руке
И зря раскладывала карты.
Ты обвязала синим бантом
Своих волос медовый лес.
Бегут барашки по реке.
Ах, я подлец, такой подлец.

Мы едем молча, едем молча,
Мы как покойника везем.
День обернулся серой ночью
И погрозил мне кулаком.

Нью-Йорк, март 1979

ПОЛЮБИЛ, НУ И ПОТЕХА!..

Ах, все было, было, было,
Ах, все мало, мало, мало,
Зря цыганка мне гадала.
Было - сплыло, вдаль уплыло,
От себя не убежать.
Неужели все сначала,
Все как некогда бывало,
Все по новой, все опять!

Эх, весенняя стремнина,
Ты роди, роди мне сына,
Повенчайся ты со мной.
Я - буйан, грузин, повеса, -
Но смирю хмельного беса -
Только стань моей женой.

Засмеяться б. Не до смеха.
Полюбил. Ну и потеха!
Ах, печаль, печаль, печаль.
Как поется в песне старой
Под застольный звон гитары -
Ни хрена уже не жаль.

Безнадежное безумье,
Беспощадное бездумье,
Позвони мне, старый черт!
Все, что было - сплыло, сплыло,
Все швыряю я за борт.

Никто не знает, что случится завтра.
Над городом вставал закат багряный —
И я ушел, хоть был совсем не пьяный.

Нью-Йорк, апрель 1979

х х х

Я хожу по улицам с тобою,
Я с тобой гуляю по Бродвею,
Мчусь по черно-грязному собвею,
Ощущая крышья за спиною.
Что же еще надобно еврею?

Я тебя люблю. Слова простые.
Я тебе поведать их не смею.
Я перед тобой благоговею —
Счастлив, счастлив, может быть впервые.
Что же еще надобно еврею?

Между нами стенка — не разрушить.
Тишина меж нами — не нарушить.
Только верю, верю без еляя,
Что сольются где-то наши души...

Что же еще надобно еврею?

Нью-Йорк, апрель 1979

ПРОЩАЛЬНАЯ

1

Ах, прощаться, ах, прощаться мне с тобой
Все равно, что прямо в омут с головой,
Все равно, что под расстрел иль под петлю,
Потому что как безумец я люблю.

Потому что, потому что без тебя
Я - очаг, очаг бесплодный без огня.
Потому что без тебя я - старый ствол,
Потому что без тебя я сир и гол.

Без тебя я не хочу и не могу -
Задыхаюсь, загибаюсь на бегу.
Без тебя я, что колодец без воды,
Без тебя не миновать крутой беды.

Что же делать, что же делать, ты скажи.
Ты поверь мне. Я живу-то не по лжи.
Все равно, что прямо в омут с головой -
Так, любимая, прощаться мне с тобой.

11

Не прощаюсь, не прощаюсь я с тобой,
Не бросаюсь в черный омут с головой,
Я Христом самим и Дьяволом клянусь -
За тобою, за любимой возвращусь.

Я разрушу сто и тысячу преград,
Запродам я душу черту - что там ад!
Без тебя и правда в пламени сгорю
И Париж огнем прощальным озарю.

Но - пускай кричат об этом и галдят,
Пусть гадают, что цыганки наугад,
Пусть судачат, осуждают за спиной -
Возвращусь я, возвращусь я за тобой!

Париж - Нью-Йорк, апрель - май 1979

х х х

Сумасшедшая ночь. Сумасшедшая гонка.
За рулем Валентина.О, бред и кошмар.
Облик женщины, бляди и полуробенка
И осанка грузинской царицы Тамар.

Из "Царевича" в дансинг и к гангстерше Тане,
А потом, а потом по дороге прямой
Мы неслись и неслись, как горячие кони,
Обгоняя машины на трассе крутой.

И шарахались сытые Жаки от страха,
И кричали невнятное что-то вослед,
А какой-то француз, как слепая собака,
Мчал на красный, запретный, безжалостный свет.

Сумасшедшая ночь. Сумасшедшая гонка.
За покорным рулем Валентина сидит.
Облик женщины, бляди и полуробенка
И осанка, которой гордится джигит.

Париж, май 1979

два рассказа

КОГДА ЗАГОВОРЯТ?

Иван Иванович Пузиков жил у себя. Правда это у "себя" занимали у него два обычных, вне мира сего кота, взъерошенных от звука собственного голоса, собака Джурка, бегающая за своим хвостом, и просто корова, мычащая в углу.

Всё это находилось в старом, полуповаленном домике, отгороженном от земли серым, неприютным забором. Большею частью Иван Иваныча в доме не было : потому что своё присутствие он не считал за присутствие.

Он весь жил своими животными.

Правда, по видимости многие другие обыватели тоже жили животными. Но на самом деле всё было не так. Они приходили на скамью Иван Иваныча, стоящую перед домом, и долго-долго сидели на ней. Все такие ладные, с животиками и точно сделанные из света.

Кроме того, что они молчали, они то и дело вскрикивали, глядя на собаку: "Джурка, Джурка!..." и вздрагивали. Помолчат, помолчат, а потом опять кто-нибудь вскрикнет: "Джурка... Джурка!"

Сначала собака виляла хвостом, а потом совсем одурела от этих вскриков и вместо того,

чтобы оборачиваться на людей, приподнимала морду вверх, на небесные светила.

Этот ежечасный, среди общего могильного молчания, вскрик "Джурка" собственно ничего не выражал, кроме формы существования самих обывателей. Поэтому он был обращен в них самих, а не на животных.

Так и проводили люди, окружающие Иван Иваныча, отпущенное им время.

Но у "самого" отношение к животным было совсем противоположное.

Почти не существуя на протяжении десятилетий и ощущая вокруг себя одну пустоту, Иван Иванович вдруг, выйдя на пенсию, родился духовно, пристально, сам по себе, всматриваясь в тела животных. Его поразила прежде всего "тайна"; "такие оформленные, с разнообразием, а существуют", - думал он. "Ишь", и вилял своим воображаемым хвостиком.

Ещё его пугала страшная близость животных к человеку; всматриваясь в глаза этих тварей, он искал в них ту силу, которая перебросила или может перебросить мост между животностью и сознанием. В замороженных глазах собаки, похожих на человеческие внешне и не похожих по отсутствию в них тайного огня разума нащупывал Иван своим не то пропитым, не то метафизическим взглядом эту жуткую власть; желая разгадать её, он внутри надеялся тогда понять и себя, который, возможно, был когда-то животным. Он не думал о силах, стоящих вне

этой цепи, но действующих на неё ; его интересовала только прямая связь между сознанием и этими лохматыми, то непомерно большими, то до смешка мелкими тварями.

Почему у них сейчас нет разума? — почесываясь, думал Иван. И что заставит его появиться в них ?

Пытаясь понять, охватить эту связь в целом, а не объяснить механически, наивно, как учёные, он, чувствуя, что по-настоящему проникнуть в тайну выше сил человеческих, прибегал к странным, нелепым, чёрным ходам.

То вставал на четвереньки и, приближая своё лицо к собачьей морде, мысленно обнюхивал животные глаза и, главное, то, что за ними скрыто. Правда, иногда он не выдерживал и начинал кусать Джурку или бегать за ней на четвереньках, ломая лопухи.

Эти сцены повергали местных обывателей в полное молчание. Они молчали так, как будто души их улетали на небеса.

Иногда Иван пытался разговаривать с коровой и даже читать ей зоопсихологию.

Постепенно его методы, пляшущие вокруг непознаваемого, совершенствовались.

Убедившись в том, что эту скрытую в животных божественную силу нельзя расшевелить человеческим разумом и языком, Иван решил прибегнуть к телесному шифру.

Например, он полюбил испражняться перед кошкой, как будто опускаясь до её уровня.

Нередко делал перед коровой замысловатую гимнастику, описывая в воздухе начальные буквы алфавита.

Нюхал собачьи следы.

Так продолжалось года два-три; и наконец, Иван почувствовал, что его животные скоро заговорят. Он ощутил это вечером, ошалевший от жары и вечного тупого молчания зверей. Он вдруг взмок от страха, что они всю жизнь будут так молчать. И спрятался от всего существующего в темный сарай, между сеном и простой, точно разрезающей ад деревянной, досчатой стеной.

И вдруг — то ли солнце не так прошло свой изведанный путь, то ли повеяло новым существом — Иван почувствовал: Заговорят! Заговорят! Сейчас заговорят!

Как он мог раньше сомневаться!

Он приподнялся из угла и торопливо засеменил вперёд к изменяющемуся миру.

"А если животные станут, как мы, то во что мы превратимся?! Для кого мы заговорим!?" радостно мелькнуло у него в уме.

"Заговорят, заговорят", заглушило всё в его сознании.

Юрк и Иван очутился вне сарая, на лужайке. А где же животные?

"Корова, корова обязательно заговорит", подумал он. Иван представил себе, как он обнимет её теплую, мягкую шею, поцелует в мяготь, как раз в то место, которое не раз у

других коров - шло в суп, и расскажет ей о Господе, о сумасшествии и об атомных взрывах.

И корова удивится своему пониманию. И расскажет ему о той силе, которая превратила её в разумное существо.

- Пеструшка, Пеструшка! - поманил её Иван со значением.

Но увы - ни в хлеву, ни на участке, нигде поблизости - коровы не было. А верёвка, которой он привязывал её к столбу - была оборвана.

- Ушла, - холодно, с жутью подумал Иван. - Как только появился разум, ушла.

Он пожулил вокруг своего заброшенного домика, как будто ловя пустоту. Корова исчезла.

- Морду ей за это надо набить, - твердо подумал он.

Спрятав кошку и собаку, которые пока ещё не проявляли явных признаков человеческого сознания, в конуру, Иван решил действовать.

Больше всего он боялся, что корова, обнаружив у себя разум, запыёт.

Поэтому прежде всего он рысцой побежал в ближайшую пивную. Пивная была лихорадочна, в зелёных пятнах, но облепленная у дверей сонно-боевыми людьми.

Тьма их, стуженная у стойки, была еле видна. Иван полез внутрь, расталкивая старушек и инвалидов. Вдруг он увидел знакомую, пропито-обросшую, отключенную физиономию.

- Вася, Вася! - заорал он, - корова тут не пила? Или ты не заметил?!

- Не толкало, не толкало, - мотая головой, ответил Вася и скрылся в темном, заваленном людьми углу.

- Не смущай ум, - вдруг фыркнул Ивану в ухо седой, как лунь, старичок.

- Значит не пила, - выскочил Иван из заведения. - Потому что не тот шум сегодня.

Он успокоился и, виляя мыслью, стал обдумывать, куда бы ещё могла пойти корова, ставшая по его мнению идеєю.

Вдруг лицо Вани раздвинулось в добродушно-ощеренной улыбке.

- В библиотеку небось пошла, - подумал он. - Читает. Информирован.

И Иван, покрякивая по дороге на столбы, поскакал в местную читальню. Он почему-то не сомневался, что корова там.

Старушонка-заведующая, онанирующая между тем в уборной, была "разбужена" резким стуком в клозетную дверь. Это ломился Иван.

Оказывается, не найдя в читальном зале никого, кроме перепуганной библиотекарки, Иван бросился искать корову около клозета, так как естественно, клозеты самые грязные места.

- Не хулиганьте, молодой человек, - орала на него выскочившая и мутно-встревоженная старушка. - Чорт знает чем занимаетесь! Книжки бы лучше читали!!

- Ты мне зубы не заговаривай! - кидался на неё Иван. - Говори, куда спрятала корову?!

- Идиот! - взвизгнула старушонка.

- Патология! Патология! - заорала она ,
подняв руки вверх и бросившись по коридору.

Везде вдруг стало тихо. Иван спокойно ос-
мотрел клозет, директорский кабинет, несколько
закоулков с портретами - и нигде не нашёл
животное.

Отдышавшись, он выпрыгнул в окно.

Действительность разумной коровы мучила
его. Притихнув душой, он ковылял по улице к
домику, где жил старичок, занимавшийся оккуль-
тизмом.

- Что тебе, Ваня? - осторожно спросил
его старичок, заглядывая в глаза.

- Корова от меня ушла, вознеслась что ли,
- угрюмо буркнул Иван.

- Будет, будет, будет всё будет! - закри-
чал старичок и резко захлопнул дверь перед
носом Иван Ивановича.

- А ну его на хрен..., - подумал Иван и
пошёл дальше непонятной дорогой.

В поте забрёл к соседу, Никифору, не очень
странному человеку, воровавшему у себя само-
го кур. Жил он в углу. Сели за стол. Никифор
вынул из портка бутылку с водкой.

- Корова, корова исчезла, - проговорил
Иван.

- Да украли твою корову, тяпнули, - помор-
щившись, прикрикнул Никифор. - Я сам видел.

- Не может быть, - обмяк Иван Иванович. Она
у меня стала разумная.

- А ты откуда знаешь? - и Никифор из-под

бутылки уставил на него пристальный взгляд. Помолчали.

- Я, правда, не говорил с ней, - ответил Иван. - Не успел. Как только я почувствовал, что у ей - разум, её, значит, увели.

- Увели, увели точно, - оскарбился Никифор. - Какая бы она не была разумная, хоть с умом, как у божества, но всё равно - корова есть корова. Она для жратвы предназначена. На мясо. И ты не мути ум.

- Кто ж это её увёл? - плаксиво промычал Иван.

- Да из шайки Косого. Они и милицию всю прирежут, не то что корову, - рассудил Никифор, - ишь... теперь её - ищи, свищи... Они уж небось её пропили... На базаре...

Ну я пойду, - отвернулся вдруг Иван. - Раз Косой, то дело кончено.

Дома ему вдруг стало страшно одиноко, и он всю ночь стремился уснуть, пряча голову под охапку с сеном.

Весь следующий день он мучился отсутствием непознанной коровы. Мир всё больше дробился, принимая вид неба, усеянного бесчисленными звёздами-сущностями.

Вскоре Иван решил кончать всю эту хреновину.

У запертых в сарай кошки и собаки не появлялся разум. Возможно, нужно было очень много ждать. Но Ивана тянуло куда-то вперед, на действие, в бесконечность. Да и измотали его

ум эти животные... Поэтому Ваня решил их съесть. Утром растопил сало на огромной, ещё свадебной сковородке.

И поплелся в сарай, к бестиям.

Сначала, встав на колени, удавил руками кошечку, причитая о высшем. Пса заколол ножницами. И в мешке отнёс трупы на сковородку. Ел в углу, облизываясь от дальнего, начинающегося с внутренних небес, хохота.

Поглащая противное, в шерсти мясо, вспомнил кровию о своей голубоглазой, разумной корове, вознесшейся к Господу.

Прожёвывая кошачье мясо, думал, что поглатывает Грядущее.

Много, много у него на уме бурь было.

А когда съел, вышел из избы, вперед, на красное солнышко, и ...

Москва. 1966 г.

Г Р О Б

Старушка Полина Андреевна Спичева, лет шестидесяти, отходила. Комнатушка, где она лежала, была маленькая, загаженная портретами великих людей и остатками еды. Кроме неё здесь обитали ещё её сестра Анна Андреевна с двумя сыновьями и невесткой.

Отходила Полина Андреевна тяжело, матерясь

и ежеминутно харкая на пол. Ей почему-то особенно жалко было расставаться со своим огромным, жирным животом.

"То, что я умру - понимаю, - надрывно говорила она самой себе, - но куда денется живот? Этого я не понимаю. Неужели я его никогда не увижу?"

Часто со свистом и храпом она приподнималась на постели и, откинув грязную рубашку, подолгу, качая головой и что-то припевая, рассматривала свой лоснящийся от смертного пота живот. Иногда судорожно-вяло ощупывала его или стирала слюни, упавшие на него из рта. Один раз заметили, что она пытается расставлять на животе оловянных солдатиков.

- Ты, тётъ, не волнуй нашу психику, - сурово говорил ей тогда младший племян Коля, парень лет семнадцать.

Он очень любил жирных баб, и огромный, предсмертно-живой, многозначительный тёткин живот мутил его ум.

Мечта Коли была переспать не с хорошенькой женщиной, а с чудовищным, розово-лоснящимся животом, выпускающим из себя густой пар от удовольствия. Поэтому любимым стихом Коли, который он часто повторял и к селу, ни к городу, была пушкинская строфа: "Мечты, мечты, где ваша сладость, где ты, где ты, ночная радость!"

Эти строчки стали его гимном, и по живости своего ума он бормотал их всегда, даже

когда попадал в закрытый на ремонт клозет. Он был единственным из обитателей комнатухи, кто хотел, чтобы Полина Андреевна подольше протянула, так как она интересовала его своим животом.

Другой её племян, Саня, — парень лет двадцати шести — был ко всему равнодушен, кроме одинокого пребывания под деревом. Правда, порой ему нравилось пить водку, но опьянение делало его еще тише и смиренней — тогда он обожал, тяжелый, неповоротливый, выходить на далекое шоссе, уходящее в поле, и гулять, заложив руки в карманы, по лужам.

Было в нём, наконец, что-то несоизмеримое страшное, непонятное для него самого, что находило на него озарениями. Тогда он любил убегать от себя, прятаясь целыми днями в пустых канавах.

Его жена Тоня — упитанно-флегматичная женщина двадцати семи лет — не могла дожидаться смерти Полины Андреевны. Она мечтала об этом вслух, почти каждый час, так как считала, что Полина Андреевна сама хочет умереть, но только искусно скрывает это.

— Какой бабе хочется жить на белом свете, ежели её мужик не дерёт, — говорила Тоня набив рот яйцами, старушке. — Брось притворяться. Хочешь свечку в церкви поставлю, чтоб ты скорей померла?!

Её муж Саня мало удовлетворял её, и она "изменяла ему на стороне", но очень спокойно

и патриархально, принося в дом в узелке остатки еды и водки, сохранившиеся от загула.

Кто немножко нервничал из-за Полины Андреевны, так это её сестра, Анна Андреевна, бабушка лет пятидесяти, но уже рано состарившаяся и напоминающая юркую старушонку.

Дело в том, что лицом она была очень схожа со своей отходящей сестрой, и не раз по ночам мочилась от страха, когда во сне из-за сходства ей казалось, что вместо Полины Андреевны помирает она сама.

По здравости ума Анны Андреевны её нервозность снималась всегда практическим действием, и однажды, проснувшись, соскочив с постели, она понеслась в дамскую парикмахерскую, чтобы по возможности преобразить там своё лицо... После этого она сделалась веселей, и совсем бойко стала ухаживать за сестрой, как за родным, проживающим долго в её комнате, моржом...

Отошла Полина Андреевна ночью, с пятницы на субботу. Перед этим, проснувшись, она почувствовала, что внутри её всё опустошено, и только в этой чернеющей пустоте слабо, но истерично бьётся сердце... Её поразило также что маленькая нежная складка жира на боку её живота, которую она очень любила, тихонько, почти невидимо пульсирует, как бы даже плачет и прощается...

Она прикрыла складку рукой и подумала. В комнате как-то по-животному храпели. Все спал

ли... Ей очень захотелось приподняться и громко обложить всех матом... Временами она впадала в забытие, вернее в полоумную предсмертную сумеречность... Но в промежутках, между провалами, она опять, всей своей уходящей душой, всем полумертвым тенеющим телом, хотела выругаться, громко и наверняка, чтобы разбудить спящих... Но сил едва хватало для шепота...

Наутро Коля сразу же взглянул на Полину Андреевну. Он ожидал, что она опять рассматривает свой живот, и очень удивился её неподвижности...

Весть о смерти переполошила всех домочадцев.

- Слава Богу, отмучилась, - сказала Тоня, - теперь уж она моему бабьему счастью не будет завидовать.

Старушка Анна Андреевна вдруг куда-то исчезла.

Только Саня остался около покойной : он думал, что умереть - это , наверное то же, что идти одному по далекому шоссе, не выпив ни грамма водки, и переминался с ноги на ногу. Ему было скучно, а скука - было единственное состояние, которое он любил.

"Если бы ещё под ногами текли лужи - совсем вышло бы хорошо" - думал он. Коля же забился в уголок и от страха стал читать стихи.

В это время в дверь сурово и серьезно

постучали. Дверь распахнулась, и первое, что увидели Спичевы, был белый, корявистый гроб, который медленно влезал в комнату. Позади шушукались здоровенные соседи, проталкивая гроб и между ними виднелось заботливое, покрасневшее личико Анны Андреевны.

– Спасибо, благодетели! – зыкнула она на соседей, и те скрылись в темноте коридора. – Николай, принаравливай гроб!

– Откуда гроб, мамаша? – сердито спросил Саня.

– Крестный твой, гробовщик, подкинул. Ещё месяц назад. Так я его, затаюсь на черном ходу хранила, – затараторила, чуть не подпрыгивая, Анна Андреевна. – Из мастерской ихней гроб. Бракованный, совсем хреновый. И деревцо гнилое, с дуплом. Зато по дешёвке. Крестный за четвертинку уступил.

– Вот мёртвых обжуливать – это ничего, терпимо, – разговорился Саня, – а живых не стоит; сколько вы, мамаша, у сестры носков уперли и пуговиц...

– Ты бы, Саня, чем языком болтать, свои мужицкие обязанности справлял, – вмешалась Тоня.

– Не время сейчас, тюря, – буркнула в ответ Анна Андреевна.

Она заражала всех приподнятостью своего настроения; дело в том, что, когда Полина Андреевна умерла, Анна Андреевна вдруг как-то глупо обрадовалась, что умерла сестра, а не

она сама, как будто она должна была умереть; точно камень упал у неё с души; она так истерически взволновалась, что сразу же побежала за припасённым гробом на чёрный ход; пролила кошкину миску, и в голове её мелькнула даже мысль: не сбегать ли сразу же в лавку за четвертинкой водки и не распить ли её от радости где-нибудь в подворотне, у помойки, пританцовывая.

Единственно, почему она это не сделала, то только потому, что в невротическом состоянии занималась всегда делом, а не баловством.

От её деловитости пыль стояла в комнате.

- По христьянски надо, по христьянски! - кричала она. - Обмыть: черт с ней, а одеть надо... Ишь, покойница совсем гольшом любила спать.

Анна Андреевна быстро настроила сыновей наряжать покойную. Саня одевал неспеша, заботливо, словно перед ним был не труп, а малое неразумное дитё; у Коли же тряслись руки; он как раз почему-то натягивал нижние штаны.

- Не в ту дырку суешь, обормот! - взвизгнула на него Анна Андреевна. - Ишь, небойсь, как в другую дырку палку вставляешь, так не промахнёси... Живоглот!...

Наконец, Полину Андреевну, как большую помятую куклу для нервных с воображением детей, уложили разодетую в горб.

Тоня посоветовала было поставить гроб с покойницей под кровать, где ночные горшки, но

Анна Андреевна цыкнула на неё.

- Ишь, безбожница! - гаркнула она, добавив матерное слово...

- А чево, мамаша?!... Неприятно ведь будет, ежели мы с Саней захотим лечь, а она маячит тут на столе, перед носом... Саня и так плохо кончает, а таперя и вообще Бог знает что будет...

Гроб оставили все-таки на столе.

- Хулиганье! - взорвалась Тоня, - я хоть зарежь, а за стол жрать не сяду...

-Еще как сядешь! - рассердилась Анна Андреевна. - Когда проголодаесси...

Тоня, хлопнув дверью, ушла в уборную и просидела там полчаса. Вскоре появился толстозадый доктор.

- Ну, а я по дялам, - вымолвила Анна Андреевна после ухода врача. - К крестному. И оформлять документы о смерти. И всё по блату. Чтоб завтра же её спихнуть. А то взаправду жрать противно. Комнатушка маленькая, а гроб эвон какой. Чуть не с сучками. Полкомнаты занял... Большой... Точно не на людей. Сам на столе, а прямо на подоконник, в окно выпирает... Народ будет глядеть... Срамота.

После её ухода в комнате сгустилось тяжёлое философское раздумие и сопливое одиночество. Коля насвистывал песенки и поминутно исчезал в коридор, веселый, диковатый и слегка перепуганный.

- Ну как, стоит? - то и дело спрашивала

Тоня у Сани, поглядывая то на гроб, то на его брюки.

Саня отмалчивался и сурово, величаво ходил, как лошадь, вокруг гроба. Тоню стало изматывать это непрерывное хождение.

- Посиди ты на месте, ирод! - прикрикнула она. - Полежи... Подумай. Может, встанет.

Коле между тем страшно захотелось выпить. И особенно в той пивной, недалеко от дома, где торговала жирная, пузатая, вечно грязная и задумчивая баба. Счастливая мысль осенила его.

- Скажи, что встанет, Сань, - приласкался он к брату, когда Тоня вышла. - Тогда мне надо будет уйти, а я скажу Тоньке, что без рупь пятьдесят не уйду. Она даст.

- Ну, ладно уж, скажу тебе на радость... Только по случаю гроба... Первый и последний раз... Смотри, - вымолвил Саня.

А через полчаса Коля уже торчал в душной, пропитанной мокрой грязью, потом и мыслями пивной, где торговала жирная задумчивая баба. Пивная показалась ему сумасшедшим раем, в котором горят огни и в котором можно целый день говорить о гробе, который довлел над его умом... Баба же эта, продавщица, была сальная и помятая, но со странно нежными волосами. При всем при этом было в ней нечто, отчего можно было внутренне вздрогнуть и закричать, или наоборот, прильнуть - навсегда.

К вечеру все семейство опять было в сборе.

К удивлению Анны Андреевны, гроб был накрыт простыней. Это Тоня прикрыла труп, чтоб он не смущал силы любви. Но все равно ничего не вышло. Тоня матерясь сидела в углу и говорила, что она лучше залезет под кровать, но при виде гроба жрать не будет.

Саня сидел на стуле, прямо около гроба, и чинил башмаки. Пьяненький Коленька скинул простыню.

- Правильно, сынок! - орала Анна Андреевна. - Ишь гады, не хотят правде в лицо смотреть... Нехристи... Я вот принципиально буду жрать за столом.

Все повернули головы в её сторону.

- Я могу даже понюхать покойницу! - разволновалась она. - Не испужаюсь от правды, не испужаюсь... Я правду завсегда люблю нюхать, в лицо, в зубы, в глаза, всё как есть! - завизжала она.

И Анна Андреевна, подпрыгнув, изловчилась понюхать прямодушный, безумный и желтый нос сестры. И от этого соприкосновения у неё разгорелся несвойственный ей, жуткий аппетит.

Обед она сварила наредкость жирный и обильный. Ели все по-разному, каждый по своим углам. Тоня ела на кровати, повернувшись спиной к гробу; ела надрывно и истерично, ругаясь, выплевывая куски изо рта.

Саня ел медленно, тихо, как хоронил. Смотрел все время в окно.

Коленька же совсем забылся ; он краснел, хохотал - из-за хмеля гроб потерял для него прежнее значение - и порывался сально-пьяными игривыми губками поцеловать покойницу в ногу.

Анна Андреевна кушала хлопотливо, самолюбленно ; кастрюлю с супом поставили совсем под носом у покойницы, так что пар заволок её мертвое лицо... Кушала так упоенно и долго, что все уже разбрелись по кроватям, а она сидела у гроба и все ела и ела. Капли пота стекали по её лицу.

Она думала о том, что наутро покойницу можно будет спихнуть, так как благодаря благу вся документация уже оформлена.

Однако, Анна Андреевна весьма побаивалась ночи; но, обалдев от сладкой и жирной пищи, она быстро и уютно заснула. Да и все остальные, утомленные обычно-необычным днем, недого бодрствовали...

Под самое утро Коля проснулся и, взглянув на стол, увидел не всю Полину Андреевну, а только вздымающееся из гроба пухлым холмом брюхо. Он всплакнул, так как очень любил теткин живот и испугался, что больше уже никогда его не увидит. "Холодно ему там будет, пузатому, в могиле", - подумал он.

Похороны проходили энергично, бодро, но как-то загадочно. Когда гроб стали вытаскивать из комнаты, Анна Андреевна разревелась.

Погода была вялая, скучно-осенняя и под-

ходила скорее не для похорон, а для игры в карты или мордобития.

Коленька улизнул из дому задолго до того, как приехала машина, сказав, что приедет на кладбище в трамвае. По дороге он изрядно нагрузился, размахивал руками, потерял шапку, и приехал на похороны весёлый, обрызганный грязью, как весенняя, оголтелая птичка.

Кроме родственников, провожать отправились также соседи, но они держались кучкой, особняком и всё время молчали. Говорили, что один из них показал покойнице кулак.

Тоня была то не в меру сурова, то болтала и оживленно, как на базаре, завязала знакомство с двумя мужиками, хоронившими своих жен.

Ветер во всю гулял по небу. Пошел дождик и некоторых покойников накрыли, чем попало. Полине Андреевне прикрыли только лицо, и то носовым платком. Так и дотащили до могилы... Финал был серый, скучный и прошел как во сне.

Саня возвращался с похорон один. Сначала ему было, как всегда, все безразлично и нудно. Тихонько купил в столовой из-под полы четвертинку водки. И отхлебнул немного только для вкуса. Заговорил о чем-то с инвалидом, в заброшенных глазах которого горело какое-то жуткое, никем не разделяемое знание. /Этого инвалида, звали его Васею, мало кто примечал по-настоящему/. И вдруг отошел от него в бесконечном забытии. словно душа

Сани провалилась в собственную непостижимость.

От дурости он немного запел. Прошел по переулку - вперед, вперед, к таниственным бабам, у которых непомерна была душа. И еще увидел мертвый зрак ребенка в окне. Этого с ним никогда не бывало раньше, даже когда сучка вдруг превращалась в озарение, от которого он шалел. Но теперь все было иное. Точно глаз инвалида осветил его или просто душа его стала ему в тяжесть, выйдя за пределы всего человеческого.

И тогда Саня опустошенно-великой душой своею увидел внезапный край. Это был конец или начало какой-то сверхреальности, постичь которую было никому невозможно и в которой само бессмертие было так же обычно и смешно, как тряпичная нелепая кукла.

И всевышняя власть этой бездны хлынула в сознание Сани. Для мира же он просто пел расточая бессмысленные слюни в пивную кружку.

Москва. 1963 г.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ "МЕСТО И ВРЕМЯ"

ЧАСТЬ Ш "РУССКОЕ ПОЛЕ"

Демократ Сергей Солдатов

1. Исток

В Саранском изоляторе мне попала в руки "История Италии" с портретами деятелей эпохи Рисоружименто. Поразило сходство молодого Маццини с Паруйром Айрикияном, а Сергей Солдатов удивительно напоминал Манина, вождя Венецианской республики 1848 года. Сергей и правда, обладает внешностью интеллигента прошлого века: невысокий, коренастый, лысый, с погруженным в себя взором голубых глаз. Уважают его не только соратники, это естественно, но и противники. Мишель Коренблит, который часто беседовал с местными гебистами, как-то сказал: "Солдатов?... Они жалеют, что он не на их стороне.". (Да и сам я чувствовал, как высоко ГБ оценивает Солдатова, когда был вызван на беседу к замначальника эстонского ГБ в качестве "друга Солдатова")...

- Я родился в 1934 году в независимой Эстонии в Нарве, - начал он первую "исповедную беседу", - от чистокровных русских родителей.^{x/} Отец мой - мастеровой человек, грубоватый и

---

^{x/} Сергей, возможно, отметил эту деталь потому, что незадолго до разговора некий зк брюзгливо заметил: "У Солдатова мать - аптекарь. Знаем мы, кем были аптекари, надо бы проверить его родословную..."

жестковатый. В старой Эстонии, где даже трое суток в "холодной" считались событием, о котором говорилось годами, он являлся своего рода анфан террибль, а попросту - кем-то вроде местного хулигана. Кажется, был тогда фильм "Барышня и хулиган"? Мать моя была барышней. Образованная интеллигентная куколка, любительница французских романов и "тонкого искусства" - кокетливая, манерная, не умеющая делать ничего из того, что отец считал важным для семьи: ни варить, ни стирать, ни вести хозяйства, ни экономить деньги. Дочь старого земского врача, основателя нарвской больницы, ученого, мягкого и не совсем от мира сего интеллигента, она считалась любимицей отца. Правда, семьей заправляла у них бабка, это, скажу тебе, был характер - как у Володи Осипова - вся из чувства долга! - но дочку и она баловала... По-моему, в романе между отцом и матерью виновато было самолюбие: он хотел покорить барышню, вокруг которой увивались первые кавалеры городка, а ей лестным казалось держать возле себя грозу местного общества.

... В результате возник брак, из которого заранее ничего не могло выйти хорошего. Вскоре отец оставил мать, но уже со мною, когда исполнилось лет пять, он вдруг потребовал сына к себе. Зачем? Я ему мог только мешать при его многочисленных спутницах, женщинах-эстонках, которых этот буйный и сильный славянин притягивал магнитом. Думаю, возникло желание какое-то за что-то отомстить моей матери - мол, не будет у

тебя моего сына, он - мой сын. Конечно, меня не отдали, и законных способов забрать тоже не было: все-таки дед имел вес в городе. Отец обошелся без закона: попросту украл меня и спрятал у себя в доме. Днем он уходил на работу и боялся, что меня уведут обратно или я сам сбегу. Начал запирасть: я сидел в комнате, как в камере, тут случился эпизод, в котором вижу первое проявление своего характера. Вдруг я почувствовал: взаперти не буду жить. Пусть что угодно, но в клетке мне не сидеть! Инстинкт свободы. Когда отец ушел на работу, я разбил телом окно и, порезанный, окровавленный, вывалился на улицу. Сбежались соседи. Пришел отец, при людях не сказал ничего, перевязал меня, накормил, а после ужина, когда никто не видел, запер дом и хладнокровно, методично избил. Отчетливо помню, что в тот день я впервые подумал о несправедливости: пока он бил меня, я думал, как это неправильно и нечестно, когда большой и сильный пользуется силой и бьет маленького и слабого. Наутро он снова ушел, я опять выбил окно телом и все повторилось по кругу, на третье утро - я опять вылетел в окно израненный. И отец уступил. Я получил право приходить и уходить, когда и куда хочу, лишь бы ночевал дома.

Второй матерью мне тогда стала... - тут Сергей назвал имя какой-то эстонки, подруги его отца. - Когда меня посадили в "Батарейку"^{х/}, я

---

^{х/}"Батарейка" - прозвище таллинской тюрьмы.

в камере вспомнил и сосчитал все грехи своей жизни, их было, - он назвал число, я забыл его, - и среди них первым стояло, что забыл за суетой жизни сходить к ней на могилу.

2. Смерть и школа

Кусок воспоминаний Сергея о жизни Эстонии после прихода советских войск и начала войны я уже использовал в первой части "Места и времени". Тогда он впервые столкнулся с убийством знакомого человека... Это был лесник, помогавший, видимо, "лесным братьям" продуктами, которого поймали советские солдаты и изрезали штыками. Потом труп преступника для устрашения провезли через город... Сергей трупа не видел, взрослые не пустили на улицу. Со смертью близко столкнулся года через три.

- ...Фронт подошел к Нарве, и позиции заняли эсэсовские части, - рассказывал он. - Пацаны воровали у немцев оружие: менялись, играли. Для интереса... Выследили как-то эсэсовский бронетранспортер, оставил я товарища "на стремя", а сам залез внутрь, пока немцы обедали. Нашел шикарные пулеметные трассирующие ленты - у патронов такие красивые медные головки. Сунул одну ленту в карман, хватаю вторую - чувствую, кто-то сдавил мне плечо. Оглядываюсь - за спиной эсэсман, черный верзила. Товарищ испугался, удрал без звука. Я попался. Повел он меня к солдатам. Чувствую, нет, знаю, сейчас расстреляет. Преступление-то военного времени:

кража оружия вражеским мальчишкой, да еще во время отступления, когда настроение не располагает к милосердию. В общем, знаю, ведет на расстрел - уже мысленно я покойник. Он поставил меня перед солдатами и ударил. Я - с катушек. Он делает знак - встать. Встаю. Бьет. Опять падаю. Снова бьет. Снова - "Встать!!"... Сил нет и смысла нет - все равно расстреляет, так пусть стреляет лежачего. Какое-то мальчишеское упрямство заговорило: не буду лежать перед ним. Встал. Он сделал знак рукой: "Вон" и сказал: "Ап". Помчал я домой - о, как я бежал! Уже в городе, на улице, заплакал, все лицо в крови, мороз страшный, и слезы, и кровь коркой на щеках заледенели - и вдруг я осознал, что - жив! Захохотал. Соседи долго судачили, что сын Солдатова сошел с ума, весь в крови, а смеется...

А потом на позицию немцы привезли штрафников, и эсэсман бил палкой тех, кто плохо работал. Я следил за ним, и детским умишком видел, что бил он их жестоко, зверски, но все же по справедливости: кто хуже работал, тех сильнее, кто хорошо работал, тех не трогал. С тех пор у меня осталось вот такое вот ощущение немецкой природы: жестокая, страшная, но в своих рамках - справедливая.

- Не понял, Сережа.

- Я здесь, в зоне, со стариками беседовал, спрашивал: в чем разница между гестапо и ГБ? Они прошли все. Говорят, жестокость и там, и тут - там, пожалуй, еще страшнее. Но

зато в гестапо на самом деле выясняли - враг ты фюреру, его идея или нет. Если враг, они безжалостны; если нет - ты их не интересовал, тебя выпускали. Конечно, Гитлер все это искажал - были расстрелы заложников, убийства толпами, но, кажется, национальную, исконную немецкую черточку прощупать можно. "А в ГБ следователь оформлял тебя в зону, и что было у тебя на самом деле - его не интересовало. То же национальная черточка..."

Сергей рассказывал, как в конце войны он все же вернулся в семью к матери, как умер дед, как он стал учиться в школе...

- После войны мы, пацаны, тоже увлекались оружием. Я считался в первых - у меня была редкая специальность. В неразорвавшихся зенитных снарядах есть часовой механизм - когда его вывинчиваешь, если чуть-чуть сдвинешь лишнее, игла ударит по взрывателю - и конец на месте. Зато, если сделаешь точно, получишь удивительно красивые часы с металлическими цифрами. Эсты - люди благоразумные - они сами за такое рискованное дело не брались, но мне платили хорошо. Помню, за часы дали вот такой - показал руками - кинжал!

Я привык представлять эстов по "Одному дню Ивана Денисовича" - народом без недостатков, забывая, что так о них думал не автор, а Иван Денисович, покорный, тягловый мужик. В лагере заметил, что некоторые из них, при всей внешней честности, бывают излишне ловкими в отношениях с начальством. Не подлыми, а именно

податливыми и оттого скользкими. Спросил об этом Сергея, благо к слову пришлось.

- Нет, они не трусы, - не очень охотно пояснил он, - но благоразумны, оппортунистичны. Например, арестовали у эста друга, соседа, конфисковали дом, имущество. Эст не пойдет этот дом грабить - упаси Бог - но если представится случай, купит конфискат за бесценно. Мол, если против силы ничего не сделаешь, почему не устроиться поумнее...

- Понял, - отвечаю, - они из благоразумия свою независимость тоже профукали?

Сергей молчит. Я цитирую ему слова французского мыслителя Шамфора: "Вильгельм Оранский сказал: "Голландцы никогда не будут рабами. Если их победят, они сядут на свои корабли, уплывут и создадут новую Голландию - где-нибудь в Африке". Только такие народы бывают свободными", - заключил Шамфор. Сергей Солдатов по натуре из такого голландского племени... А эсты?

Рассказывал он мне, как в момент юношеского созревания переломился его характер: из вожака отчаянной уличной компании вылупился мизантроп, "лесной человек". Мир казался ему скопищем пошлости и подлости, он начал жить книгами, доходил до галлюцинаций, бросил школу и убежал в лес. Мать не выдержала "закидыв" сына, помирилась с отцом: вместе решали, что делать. Но тут период ломки закончился, он вернулся в класс и финишировал в десятилетке среди первых. Только стал в это время язви-

тельным, ехидой - грозой учителей. Поступать решил в авиаторы.

3. Первая развилка пути

Сергей говорит, что и тогда, в семнадцать лет, он не имел иллюзий насчет советской власти: эстонская духовная действительность, видимо, отличалась от российской. Но в то же время он ощущал себя русским патриотом, обожавшим свой народ, который, казалось мальчику, не имел отношения к "подвигам" коммунистической власти. Наоборот, народ казался ему страдающим богатырем, причем в мозгу пацана рисовался образ "богатыря без шлема", то есть без авиации. Долг жизни - надеть на богатыря железный убор для защиты с воздуха.

В пилоты его не взяли по зрению. Он поступил на сланцевый завод кочегаром и начал готовиться к учебе в авиастроительном. В это время судьба и подготовила Солдатову первую развилку. Вызвали его в секретный кабинет, и некий человек в штатском, спросив, где он работает и сколько получает, вдруг предложил мальчишке ехать на учебу в институт по направлению - в Высшее училище КГБ в Минске. Стипендия на первом курсе составляла 800 рублей: столько, сколько он зарабатывал физически тяжелым кочегарским трудом. Для сравнения скажу, что я в те годы в педвузе получал 220 рублей.

- Сергей, и не было соблазна - все-таки разведка, приключения, тыр-пыр...

- Нет; я отказался сразу. Он потребовал - чтоб я назавтра пришел с окончательным ответом, так, помню, я злился, зачем приходиться... Говорю тебе, российских иллюзий насчет "карающего меча революции" в Эстонии не было.

- Почему выбрали тебя?

- Во-первых, русский. Во-вторых - прилично учился. Потом дядя у меня, брат матери, - в партийной номенклатуре. В общем, я мог стать чекистом, такую вот дорожку предлагала судьба. После этого разговора поехал в Москву, в Московский авиационный институт. Конкурс там был!!!

- Представляю.

- Нет, представить не можешь. Не помню точно, кажется, человек восемнадцать на место. Прошел по конкурсу. Но принят не был. Графа в анкете - "был в оккупации". Вернулся в Эстонию, уже на следующий год подал документы в Ленинград, в Политехнический институт - там тоже готовили авиастроителей...

4. Письмо в ЦК

Ленинградский Политехнический - это фирма в те годы знаменитая. Деканом на нашем факультете был академик Иоффе, его выгнали с основанной им кафедры сравнительно незадолго до моего поступления, но кадры Иоффе еще у нас сохранялись. И школа была хорошая, надо отдать

должное. Мне потом приходилось работать преподавателем в таллинском Политехническом, и скажу, что чисто внешне ленинградцы значительно уступали эстам, ну, там во внешнем шике, в оформлении работ; но по глубине постановки научных задач они обошли таллинцев. Конкурс тоже был серьезный, и у меня в памяти остались тысячи абитуриентов, заполнявших огромные корпуса сверху донизу. Одна девушка провалилась и выбросилась из окна. На этот раз анкета мне не помешала - прошел.

Потом оказалось, что трудное только началось. Денег не было: из дома не помогали - ни мать, ни отец. На стипендию не проживешь, разве что за угол хватит заплатить. Правда, я проявил определенную напористость - выбил общежитие. Но все равно жить было не на что. Мне пошли навстречу в деканате: дали разрешение работать по ночам. Мы с моим другом Олегом Смагдавым устроились кочегарами на соседний завод. Работали через ночь по очереди. Было зверски трудно: не спать три или четыре ночи в неделю, без выходных и праздников, и не просто не спать, работа была физически тяжелой, несколько тонн угля, бывало, перекидаешь за ночь, и одновременно учиться в Политехникуме, а там главный пункт у преподавателей - черчение! Громадные и очень сложные чертежи. Я выдержал - прямо скажу - нечеловеческое напряжение только потому, что был очень свеж и не пил, не курил, не участвовал в разгульных и развратных студенческих компаниях. Только учился да рабо-

тал, и на это уходили все без остатка силы организма. И все-таки, вспоминая годы учения, иногда удивляюсь, как хватало моих сил.

В институте я завел знакомства и связи, которые пригодились потом на нелегальной работе, причем, завел вполне сознательно; уже тогда я подумывал, что эти связи могут пригодиться таким именно образом. Но о них не стоит говорить. Вообще, думаю, что из институтских лет тебе могут пригодиться эпизода три: письмо в ЦК, дипломный проект и распределение на работу. Значит, первое - письмо в ЦК... Когда мы учились на каком-то из старших курсов, проходил очередной съезд комсомола. Сейчас странно вспоминать, но тогда, в конце пятидесятых годов, это событие возбуждало общественную активность. Среди студентов шли разговоры, мол, как же так, в Политехникуме десять тысяч комсомольцев, это же сила, неужели мы ничего не скажем съезду о наших мыслях, желаниях. В общем, говорили на сию тему довольно много, долго, ну, и я решил эти разговоры как-то перевести в дело. Возникла идея составить письмо в ЦК КПСС от нескольких тысяч комсомольцев. По моим прикидкам, такое письмо могли подписать полторы-две тысячи комсомольцев.

- Минутку, Сергей. О чем именно было письмо?

Он задумывается: - Понимаешь, - говорит наконец, - это юношеский документ, наивный, я бы сказал, в духе ранней сахаровской программы.

- А если конкретнее?

- Ну, писали, к примеру, что в комсомол при-

нимают всех подряд, в результате - убежденных комсомольцев почти нет, в этой организации - мертвечина, она - кладбище, и члены ее - гробы повапленные! Предлагали провести чистку комсомола от мертвых душ, а чтобы не подумали, что мы занимаемся пустым критиканством, предлагали начать чистку с нас. Признавались, что вступили в комсомол с целью беспрепятственного прохождения в институт, вовсе не разделяя программных и моральных идей организации, и убеждали: выгоните нас первыми от себя. К чему вам покойники? Ну, писали, что вот это лживое положение, при котором членами политической организации состоят люди, на самом деле ей внутренне чуждые. Не просто бесполезно для общества - такое положение вредно, в первую очередь, для молодежи. Это фальшивое положение порождает, как следствие, духовную пустоту, а также пьянство и разврат, мошенничество и тушевание. Мы предлагали - в виде первоочередного дела - составить комсомол исключительно из идейного меньшинства и дать ему возможность отстаивать идеи коммунизма не в тепличных условиях монополии, а в серьезной идейной борьбе с противником, то есть, разрешить для всех направлений общественной мысли гласность. Ну, и так далее...

- Неужели многие решились это подписать? - Я, помнивший себя и свое поколение еще спеленутыми в те годы не столько страхом перед ГБ (мы его не очень ощущали, в отличие от более старших поколений), сколько инерцией сталинской ортодоксии поведения, не мог представить.

чтобы большая группа студентов дерзнула тогда подписать письмо со своими мыслями и чувствами.

Сергей уныло помотал головой: - Какие были смелые слова и как быстро, под разными предложениями, все отказывались от первого же дела! Причем, отказывались чаще всего из "принципиальных соображений": я, дескать, написал бы по-иному, резче и определеннее, тут, мол, все слишком мягко и интеллигентно. Ну, хорошо, отвечаю, возьми письмо, переделай, исправь, напишем по-твоему. Э-э, нет! В конце-концов, мы остались вдвоем с Олегом Смарагдовым, моим лучшим другом, да и Олег согласился подписывать только при условии, если я дам ему картбланш на изменение текста. Мне стало до того противно и безразлично, что я согласился. Правда, смысл письма он не изменил, только смягчил некоторые резкие выражения. Вдвоем подписали, отправили и стали готовиться к диплому.

Через месяц, кажется, вызывают нас в партком. Ну, мало ли зачем зовут, мы и не думали, что придет ответ туда. Никому ничего не сказали, идем - а в парткоме сидит секретарь ленинградского обкома партии, так он представился. Логунов, кажется, была фамилия. Рядом с ним - работники обкома, сбоку сидит весь Выборгский райком.

- Партии или комсомола?

- Какой там комсомол! Партии. А где-то позади расположился на запятках наш партком. Мы немного растерялись - Логунов вежливо начал с

благодарности, правда, довольно ехидной, что письмо наше в ЦК получили, размножили и раздали каждому члену ЦК /не знаю, правду ли он говорил/, и это очень похвально, что студенты не жалеют своего времени, необходимого для напряженной учебы, и тратят его на сочинение писем об обществе. ЦК, мол, поручил ему ответить нам по существу. Ну, и стал говорить обычную нудятину, совершенно неубедительную.

- А что именно?

- Ну, в таком роде, что факты у нас верные, а выводы - нет. "Нам, - сказал он, - требуется, чтобы стояла каменная стена, а если в ней попадутся трухлявые кирпичи, это нас не волнует". В таком духе...

- То есть, он вас не опровергал по сути?

- В том-то и дело, что нет! Наоборот, он сказал, хорошо помню, что идет съезд, а десять тысяч комсомольцев Политехникума ничего не сделали для страны, кроме такого вот письма, - с иронией, конечно, - и что это - кладбище, а не комсомольская организация! Просто мы поняли, что хотя кладбище - плохо, но все же лучше, чем та живая жизнь, которую мы им предлагали.

Где-то посреди его выступления вдруг услышали шум в приемной парткома. Дверь распахнулась, и в помещение ввалилась куча наших товарищей, которые заполнили все уголки, - те люди, которые побоялись поставить подписи. Оказывается, кто-то гукнул на факультете, что нас потащили на расправу, и товарищеская со-

лидарность студентов все же оказалась сильнее трусости. Они гурьбой пошли нас выручать. Навалились: "Что вы Солдатова и Смарагдова мучаете; мы все одинаково виноваты!" - и прорвались к нам. А мы в это время огрызались, и я скажу, довольно бойко отмахивались от наскоков Логунова. Он - свое, мы - свое. Но, видимо, у них уже заранее было принято решение нас не карать, этот спектакль имел некоторое воспитательное значение не для нас, а для райкома и парткома, мол, как же это они допустили, чтобы из их епархии вышло такое письмо? Весь запал обрушился на них, а мы как бы остались сь на втором плане. В заключение Логунов сообщил, что мы - не враги, а заблуждающиеся товарищи, и нас оставили в покое. Институт кончили, и это письмо мне никогда потом не инкриминировали. А из комсомола мы, естественно, выбыли автоматически, но и это сошло.

- А что было дальше с Олегом? Он распределился в Рязань /кажется, Сергей назвал этот город, но, может быть, я путаю/. Переписывались... Когда я занялся нынешними делами, написал, предложил участвовать. Он отказался - у него, видите ли, Галка... Как будто Галка у него одного, а у меня никого нет, - обиженно сопнул Сергей. - В общем, я порвал с ним все отношения.

5. Подручный Сателя

Второй эпизод - диплом. Темой его я выбрал технологию изготовления нового авиадвигателя^{х/}. Занимаясь, увидел, что лучшим методом обработки лопастей турбины будет так называемый метод гидрошлифовки, разработанный бельгийским профессором Сателем. По сути дела, я ввел в технологическую цепочку новый станок, который резко сокращал расходы, время, труд и улучшал качество лопастей. Представил проект на кафедру, и вдруг мне так осторожно, поначалу деликатно, заявляют, что все, мол, хорошо, только от гидрошлифовки следует отказаться. Как, зачем? "Ну, а на что вам нужна эта гидрошлифовка?", но я - то вижу, что это лучший метод, - ничего не понимаю в их позиции! Отказываюсь переделывать проект. Тогда со мной говорят уже по-другому: если не выбросите из проекта гидрошлифовку, то диплома не получите. Выдадим вам на руки справку, что прослушали курс института, и все. Есть, оказывается, такая форма репрессий. Нет, говорю, не выброшу, а если диплом зарубите, обращайтесь в Москву, к министру высшего образования, - пусть создает комиссию из представителей других вузов... Они решат, прав я или нет! И сра-

---

^{х/} Снова оговариваюсь, что так мне помнится, тема, возможно, формулировалась и по-другому - точно помню, что связана она с технологией авиастроения.

зу все переменялось: "Да нет, зачем же так, представляйте диплом к защите". И защита прошла быстро, беспрепятственно. Помню, жалко было труда, затраченного на подготовку и вычерчивание чертежей, никого они не интересовали, мне сразу, практически без обсуждения, поставили "отлично". Уже потом узнал, что у нашей кафедры шла война с московским Высшим Техническим Училищем имени Баумана из-за гидрошлифовки: баумановцы ее защищали, наши - отрицали. Я со своим дипломом нечаянно влез в самую круговерть спора.

6. Вторая развилка судьбы

Я записал эпизод с дипломом Сергея, хотя внешне он не относится к теме - к формированию общественного лица демократа Солдатова. Наоборот, может показаться, что персонаж чуть ли не списан с советского производственного романа, где "положительный" пробивает техпроект вопреки интригам "отрицательных". Но Сергей не добивался внедрения проекта в производство, то есть, практического использования своих технологических идей: проект остался лежать на полке, как другие студенческие дипломы. Сергеем не двигали Высокие Соображения о пользе обществу, стране и т.д. - после защиты он отказался работать в авиапромышленности:

- ...Меня распределили в Выборг, на авиационный завод - это считалось лучшее место выпуска. Все завидовали - курортный город, ря-

дом с Ленинградом, работа по профилю, дипломный проект - в заводской лаборатории, с выходом в науку - через три-четыре года там давали возможность защитить диссертацию. Квартиру дали. Я отказался, и меня сочли сумасшедшим... На всякий случай, зашел в ленинградский Совнархоз - там сразу пригласили в Ленинград. Зарплата была чуть поменьше и квартиру не давали, но ставили на очередь - предложили пока снять комнату и оплачивать ее за счет производства. Я отказался и от Ленинграда, вернулся в Эстонию без распределения. Тут все оказалось похуже: во-первых, потому-что русский, во-вторых, без направления. Местный шеф увидел, что имеет возможность получить инженера с дипломом ленинградского Политехникума (я уже говорил, что это - знаменитая учебная фирма), причем, получить за бесценок - и воспользовался этим. Мне не дали жилья и я поселился в комнате отца за городом, и дали низшую из возможных ставок - 1000 рублей.

- А почему же не согласились на Выборг и Ленинград?

- Имелись планы, связанные именно с Эстонией. И еще - не хотелось работать в авиапромышленности. Я теперь по-другому думал о богатых без шлема, понимал, кому этот шлем нужен и на кого я должен тратить свой мозг и свое время в авиапромышленности. Нет, не хотелось... Нет!

Когда сопоставляешь этот эпизод с рассказом о защите диплома, видно, насколько не го-

дится Сергей в положительные советские герои. И можно задуматься вдобавок об особенностях характера человека, который, что называется - горбом, трудом, дневным и ночным, заработал право на диплом и, будучи всего-навсего студентом, поставил на кон и диплом этот, и свою дальнейшую инженерную судьбу из-за вопроса, в сущности, для него неважного...

7. "Расскажу тебе компромат..."

Хорошо помню, как рассказывал Сергей следующий эпизод. Он увел меня из секции (где мы беседовали обычно) на "круг" - дорогу, огибающую все бараки зоны, и, смущенно поперхнувшись, сообщил:

- Сегодня я буду давать на себя компромат. С нашей компанией в Эстонии, когда я в школе учился, ходила девочка. Хороша была! Высокая, светловолосая, голубоглазая, длинноногая. Звали ее ребята "Прекрасная полячка". Русская. Екатерина. Почему-то я ей понравился. Не обращал на это внимания: может, потому, что при такой необычайно красивой внешности она, в общем, оставалась заурядной советской школьницей. Помню, любимым писателем считала Шолохова. Потом я уехал в Ленинград и забыл о Кате: до того ли было с сумасшедшей учебой днем и кочегаркой ночью! Но друзья стали писать из Эстонии: Катерина одиноко живет, грустит, никого не подпускает к себе - в общем, ждет... И когда я приехал на каникулы, у нас как-то

сами собой установились особые отношения. Молодость, видимо, требовала компенсации за ту монашескую жизнь, которую я вел в Ленинграде, да и внезапный переход от страшной загрузки и времени, и сил в институте к каникулярной свободе и отдыху тоже вызвал игру этих сил. В общем, - он сделал паузу, - зашли наши отношения довольно далеко...

Я относился к этому легкомысленно - приезжал и снова уезжал в Ленинград, не думая о будущем. Вдруг получаю от нее письмо: "Я устала вечно ждать тебя одна. Буду теперь ждать вдвоем." Забеременела... Потом родился ребенок - сын Александр. Екатерина продолжала жить у своих родителей, там же воспитывался и мальчик. Передо мной стоял выбор: жениться на ней или оставить все, как есть. Собственно, я ничего ей не обещал, в этом смысле моя совесть была чистой, она сама выбрала свою судьбу, - но как же ребенок без отца, и потом я думал - ведь если я оставлю ее, она пойдет по рукам... В общем, я женился.

Сергей сказал это покаянным тоном, будто произнес: я струсил. Помню, уже потом, в камере, я рассказывал сокамерникам историю моего шурина, молодого пианиста, от которого забеременела девица. Шурин не любил ее, но решил, что раз беременна - надо жениться. Сергей в этот момент лежал на полу, в углу, головой к печке, подложив под ухо шизовскую подушку - тапки, обернутые вместо наволочки куском газеты, украденной из туалета. Сверху голову нак-

рыл робой и, казалось, спал. Внезапно, когда я сказал, что шурин решил жениться - девица предпочла, правда, аборт - из-под сергеевой робы донеслось сонное, будто загробное: "Это большая ошибка!".

-...Семейная жизнь наша, - продолжал Сергей, - продлилась несколько месяцев. Все как-то обрушилось на нас сразу. Не было квартиры - и жили мы, я уже говорил, в одной комнате с отцом. В этот момент ее родители отказались помогать нам и держать у себя сына. Но забрать в нашу комнату было его невозможно - возражал отец. В том же бараке имелось еще одно, пустое помещение, и совхоз согласился пустить нас туда, если Катерина пойдет работать к ним. Выхода не было - пошла. На нее навалили самую тяжелую работу, зная, что деваться нам некуда, - ручную прополку. Она возвращалась домой измотанная, с исколотыми руками, главное - это ничему не помогло: ведь с Александром все равно должен был кто-то сидеть. А кто? Я на работе целый день, ведь мне в Таллин надо ездить, Катерина в поле, нанимать человека - не по средствам: у меня минимальная зарплата, она - еще студентка... Места в детсаду не дали, места доставались блатным, "нужным" людям - а я, молодой специалист, кому нужен? Катерина решила оставить работу в совхозе - и нас начали выселять из комнаты. В конце концов вынудили к тому, что мы избрали единственный, казалось, выход: отдали сына в Дом малюток. Это было тяжело! И мне, а ей каково!.. Тут новый удар: вы-

зывают меня в военкомат и направляют меня на двухмесячные сборы. Сколько я ни просил отсрочки, указывал, что я без квартиры, что начал только работать, еще не устроен - ничего не помогало: мне пальцем указывали на плакат: "Всеобщая воинская повинность есть священная обязанность советского человека", в таком, кажется, роде - и все просьбы отскакивали шарами от забора. Катерина в это страшное для нас время осталась вдвоем с моим отцом, который ее терпеть не мог. Вдобавок, перед уходом на сборы мы поссорились: она не могла понять, почему я хочу работать в Эстонии, уговаривала перейти на другое место, вернее, в другую республику, где у ее родителей имелся "блат"... В общем, внутренне мы тогда оказались совсем чужими и непонятными друг для друга. И, когда я вернулся со сборов, мы подали на развод. Сына она оставляла мне. Его потом взяла и воспитала моя мать.

А Катерина на долгие годы - лет на пятнадцать - уехала в добровольную ссылку, в Заполярье, на остров Колгуев. Работала метеорологом. Замуж не выходила. Впервые после разрыва я столкнулся с ней только на следствии - через полтора десятка лет. Вдруг следователи предъявили мне показания моей первой жены...

- Слушай, а она причем?

- Это показания "для фона", чтобы изобразить на суде, какой я аморальный... Прочел я и возблагодарил Бога: "Ныне отпускаеши". Ведь всю жизнь мучила совесть - судьбу сломал че-

ловеку, все эти пятнадцать лет ощущал я свой грех. И вдруг вижу, что моя бывшая супруга дает по делу такие показания, что в иной международной обстановке привели бы меня под пулю. На вышку она тянула. Советскую власть он - это я - ненавидел с детства, всегда мечтал собрать тайное общество, чтобы ее свергнуть, был поклонником Наполеона и Гитлера... Удивительное появилось чувство, когда читал это. Конечно, ничего она не поняла из того, что когда-то говорил ей, отсюда и "поклонник Наполеона и Гитлера", и много иной чуши. Но я увидел, что ее это интересует, что она над этим, оказывается, думала!.. Господи, да если бы хотя бы вот так, враждебно, но думала тогда, мы бы, наверное, не разошлись. Я ведь кроме быта от нее не слышал ни единого слова и считал, что она и не собирается ни о чем другом в жизни думать, а ее вон куда занесло! И второе - ведь знала, по какому делу ее допрашивали, и дала такие показания, сознательно подталкивающие меня к расстрелу. Значит - мы, наконец, квиты с ней. Снят грех с души моей. А вскоре узнал, что она вышла замуж... Дай Бог ей счастья!

- А на суде она выступала?

- Нет. Когда кагебисты представили ее показания, я возражать не стал, но потребовал, чтобы в суд в качестве свидетельницы вызвали и мою вторую жену, Ильиничну, с которой я прожил не месяцы, а годы, причем, те самые - которыми следствие занималось. Спорить им

было трудно, и они решили не приглашать обеих - ни Екатерину, ни Ильиничну.

8.Квартира на улице Рустуку

По-моему, в истории развода проявилась характерная черта Сергея. Он - бесспорно мыслящий, умный человек, но в мгновенно возникшей новой ситуации не умеет принять решения сразу: ему обязательно нужно время - подумать. У него имелись тогда деньги, сбереженные после нескольких лет каторжного труда - нужно было мгновенно сориентироваться и снять комнату да поискать работу получше. Но судьба не отпустила времени, вернее, Екатерина Солдатова не захотела потерпеть, и еще вернее, не выдержала нахлынувших испытаний. И - остался Сергей жить вдвоем с отцом.

- ...Отец занялся тем, что не удалось жене - стал учить меня жить. Требовал, чтобы я по его указке сделал то, что является только личным делом каждого человека.

- Жениться, что ли, требовал? - Перевожу я со свойственной мне грубоватостью эту философию в житейский ряд.

- Ну да, - угрюмо выдавливают Сергей. - А когда я отказался, он поднял на меня руку ... В общем, я сдержанный человек, но не надо доводить меня до крайности. В крайности я не знаю сам, откуда сила берется... Я обошелся с ним так, как сын никогда не должен обходиться с отцом (я понял, что они подрались, но тол-

ком Сергей ничего не сказал)... Было это ночью, помню, как звенели хрустальные подвески на люстре. Под утро я ушел из-под отчего крова, чтобы уже никогда туда не возвращаться... Надо было успеть на работу, транспорт не ходил, и я прошел двадцать пять километров до Таллина пешком. Шел и думал: Господи, за что? Я сделал только один свободный поступок - пошел работать не туда, куда меня направляли, а куда захотел сам - и вот иду один на свете, без крова, без семьи, сын брошен неизвестно где; не знаю, где самому придется ночевать следующую ночь. Попросил у шефа разрешения ночевать на работе - он не дал. Стал проситься переночевать к знакомым, меня преследовала милиция: помню, однажды, кто-то из соседей донес, что у приятеля живет человек без прописки - я, то есть, - а тот с матерью жил на казенной квартире, откуда их могли выселить по первому доносу. При больнице жил, где мать работала. Ночью приходит участковый: "Проверка документов" Они меня уложили на стол для вскрытий, мент не заметил... Потом я уже не мог являться туда - мать возражала. Боялась. Но постепенно все образовалось, купил квартиру - полдома, обстановку, с работой тоже наладилось, меня постепенно узнали в городе, перешел в Таллинский политехнический старшим преподавателем...

- Что читал?

- Вел семинары и практикумы по металловедению и технологии машиностроения. В одном из "движенческих", "культурнических" салонов

встретил мою нынешнюю жену, Людмилу Ильиничну. Она дала мне счастье, которое только возможно испытать человеку на грешной земле. О ней хочу сказать вот что: если когда-нибудь то, что сделал, помянут, как говорится, добром, пусть не забудут - больше, чем кому бы то ни было на свете я обязан поддержке моей Ильиничны... Вот это и все для тебя, связанное с моими личными сюжетами.

- Нет, Сергей, не все. Купленная тобой квартира - это та, на улице Рустику?

- Да.

- А почему ее конфисковали? Она же не казенная, твоя собственная. Ты же в кочегарке ночами на нее работал!

Маленькое пояснение. Незадолго до нашего разговора в лагерь пришло сообщение: поскольку сын Сергея Александр, прописанный на улице Рустику, попал в лагерь за 'хулиганство!', то оба хозяина, как заключенные, потеряли на нее право, и их жилище забирало себе государство.

- Э-э-э... - задумался Сергей. - Видишь ли, быть домовладельцем непросто. Исполком решил, что нашему дому требуется немедленный ремонт. Да плюс мы обязаны отремонтировать тротуар перед его фасадом. Мой совладелец-пенсионер уговорил меня не возиться с этим, а передать дом жилконторе в собственность. Тогда исполком сам должен делать ремонт. Так-что дом все-таки казенный.

- Ну а как, - спросил я, - произвел исполком этот совершенно необходимый ремонт, из-

-за которого ты отдал ему свой дом?

Солдатов, кажется, впервые об этом задумался:

- А ведь нет, - вдруг изумился, - не произвел.

И мы расхохотались. В общем-то, история довольно грустная. История про то, как человек ночами зарабатывал деньги на жилье для своей семьи и как родное начальство прикарманило это жилище, заключив отца и сына в тюрьму. Но мы смеялись. Очень уж ничтожным выглядело оно в своем маклаческом жульничестве, в своих крысиных хитростях, любимое начальство. Мы смотрели на него свысока и смеялись над ним на лагерном плацу.

9. "Кадровка" и мораль

Дальше воспоминания Солдатова побежали по запретным темам и, естественно, стали отрывочными: появились пробелы, возникли лица-анонимы и туманные сюжеты. Я беседовал все же с человеком, ведшим восемь лет подпольную работу, он наработал за этот срок кучу явок, связей, приемов конспирации. КГБ и само не сомневалось в том, что пять человек, которых Комитету удалось посадить на скамью подсудимых, только малая шишка айсберга, который назывался "Демократическое Движение Эстонии" - региональная организация Демократического Движения Советского Союза". Ясно, что Сергей не мог подробно говорить про тот период его жизни, который ин-

тересовал ГБ. И сам я стремился обойти эти вопросы - может, больше, чем было необходимо.

С начала шестидесятых годов в жизни Сергея наступил период напряженных занятий историей и философией, религией и социологией. "Я могу и по восемнадцать часов в сутки работать, не отрываясь от книг, причем, годами. В тот раз я просидел над книгами больше четырех лет". И постепенно выявились центральные направления в изучении им общественной мысли.

В философии учителями жизни стали - из русских философов, Владимир Соловьев, особо чтимый Сергеем, и Николай Бердяев; из европейских мыслителей - Альберт Швейцер и Тейяр де Шарден, из восточных - Махатма Ганди и совершенно незнакомый мне Ауробинда Ганди.

В религии, как я понял, Сергея долгое время интересовали мистические учения. У него возникли связи с самыми разными религиозными кругами и общинами...

- Когда потом занялся политикой, друзья из религиозников довольно-таки сурово отнеслись ко мне. Большой круг людей. Жил, мол, человек духом, Высоким, Настоящим, и снова уходит в Мир, к Дьяволу.

Что касается истории, то ее он не только изучал, но и сделал попытку "математизировать" ритмы исторических событий: видимо, нечто в духе Н.Морозова, В.Хлебникова и других историков-поэтов. Солдатов составил какую-то диаграмму хода всемирной истории - по его словам, она заинтересовала московских специалистов. Верю.

Однажды в карцере Сергей признался мне, что высшим эстетическим наслаждением его жизни бывало решение какого-нибудь изящного интеграла (мы даже договаривались, что когда нам дадут в дни Битвы за Статус по шесть месяцев ПКТ - лагерной тюрьмы - то он начнет обучать меня интегрированию. Но нас прокатали только по карцерам. Начальство решило - и, в общем, довольно справедливо, - что они "изнурительнее ПКТ", по выражению лагерного врача Сексясева)

Человек с математическим складом души не мог не попытаться "упорядочить" историю. Я же, как лицо в исторической методике сугубо консервативное и сугубо скептическое по отношению к модной "математизированной истории", не стал даже расспрашивать Сергея, в чем заключалась суть выводов "диаграммы", и потому не могу здесь сказать ничего вразумительного об этих научных попытках... Наконец, основы мировоззрения определились, и в середине шестидесятих годов Сергей перешел к организационным делам - к "кадровке".

...На воле я встречал более радикальных и более умных и, тем паче, более одаренных людей, чем среди политзаключенных. Людей политзоны отличает не мировоззрение, ум или талант, а характер. Ведь в наших условиях переход к антисоветизму в мыслях очень легок для советского человека (а уж инакомыслящими, с тем или иным заворотом идей, были почти все встреченные мной кагебисты). Но зато переход к делу в условиях заведомой безнадежности борьбы и кос-

мического неравенства сил - это в России явление исключительного характера. Например - для меня, человека, живущего исключительно в сфере собственного духа, такой переход на воле остался непреодоленным^{х/}.

Иное дело - Сергей, принадлежащий к лучшим экземплярам людей дела. Он и начал сколачивать организацию. Помню, как рассказывал мне Сергей про "кадровку"... Мы сидели в большой отрядной "комнате отдыха" возле окна, вокруг дулись в домино и лишь отдельные "мыслители" в шахматы. Сергей на листочке бумаги чертил кружки, в которых стояли обозначения: "Враг", "Поэт", "Директор", "Журналист", "Поляк", "Иисус", "Юрист", "Педагог", "Холостяк" Кружки соединялись стрелками, от каждой из них отходили ответвления к новым кружкам, кое-где группы кружков соединялись в большие круги, кое-где стрелки уходили за пределы цепи, заполнившей, казалось, весь лист, и тогда на концах стрелок возникали названия: Москва, Ленинград, Киев, Рига, Вильнюс и других мест Союза... Мы увлеклись, - только в последний

---

^{х/}С тем большим изумлением слушал я исповеди товарищей - начиная с камеры № 207 ленизолятора КГБ, где встретился с первым из них - инженером Юрием Васильевым: "Пришел я к таким выводам: что ж, думаю, значит, надо бороться. Надо дело делать..." Васильев сочинял рукописные листовки и посылал их по почте - каждую в одном экземпляре - людям, адреса которых он находил в газете. Осужден на четыре года лагеря.

момент услышали звяканье подковы солдатских сапог: за нашими спинами приближались помощник начальника лагеря капитан Чекмарев с двумя надзирателями. Возможно, их вызвал мой или Сергея опекун-стукач. Не отрывая стержня от листка, Сергей сразу набросал несколько формул: $X + Y = 3 Z$, $Vx = \text{Log } Y$ и т. д. В момент, когда Чекмарев заглянул из-за наших спин в бумагу, я уже оспаривал, что $X = 3 Y$ ... По-моему, математика действует на персонал устрашающе: все так же клацая, они удалились...

...Невозможно преувеличить никаким сочинением организационные трудности создания подпольной организации в Союзе. С одной стороны, как будто бы и существует массовое недовольство ^{х/}буквально всех окружающих, даже коммунистов^{х/}.

---

^{х/} Один из руководителей Демократического Движения Эстонии Артем Юскевич - член КПСС, теперь, конечно, бывший. Артем по характеру напорист и забиячлив, непрерывно атакует собеседников в спорах аргументами личного характера, типа: "Вы, господа либеральчики из салонов" или "Вы - болтуны-гуманитарии" и т.д. и т.п. Полушутя, в общем, но в споре эти аргументы *ad hominem* действуют. И вот я обезвреживал кавалерийские атаки Артема одним и тем же, но безотказным приемом: "А ты, зато, в партии был..." У раскалившегося в брани Артема немедленно отвисала челюсть,

Но с другой, на этих же самых людей неотразимо действует и парализует их волю массовый миф о всесии КГБ, которое - "все знает". Сергей как-то сказал: "В Советском Союзе не уничтожили церковь - в нем просто заменили предмет культа. Здесь существует церковь Сатаны. Ты только послушай, как вроде бы интеллигентные люди говорят о КГБ, о его всесии, всезнании и прочих атрибутах божества! Погляди, как они приходят в кабинет следователя, как едва не кланяются его столу, будто алтарю...^{хх/}"

он замолкал, почти икая, и лишь через некоторое время возобновлял в ответ постоянную легенду, якобы в КПСС он вступал "по заданию" Увы, не говоря о том, что таких заданий никто не дает, легенда грешила и в плане дат: членство в КПСС возникло в жизни Артема задолго до создания ДДЭ...

^{хх/} На самом же деле, КГБ (как я убедился на собственном опыте) - организация, нынче работающая довольно бледно и примитивно. Куда же ушла ее былая, поистине сатанинская сила? Сила ГБ времен Дзержинского, Ягоды, Ежова и Берия держалась на двух китах - на информационном могуществе и на безбрежном терроре... Теперь у него нет ни того, ни другого.

Информационное могущество ГБ основывалось некогда не на его собственных заслугах, а на факторах политических. В период романтического коммунизма "Бури и натиска" (когда комму-

Поэтому всякий взявшийся за создание организации постоянно сталкивается или с совершенно откровенной, или с прикрытой трусостью, причем, именно того слоя людей, на который социально, вроде, можно рассчитывать. Сергей живописал это следующим образом: "Беседую с интеллигентным, умным, талантливым, тонким... Вздыхает: "Эх, что можно сделать!" Даю ему для пробы почитать "Гулаг". Возвращает совершенно раздавленный: "Вы же видите, Сергей Иванович, какие ужасы! Нет, нет, я ни за какие дела не могу браться. Ах, как это страшно, что делали с людьми, негодяи, палачи!.." Вдобавок к психологическим трудностям присоединяются, по словам Сергея, и чисто технические: раз орга-

---

нистами могли стать Мальро и Джилас, Эйзенштейн и Лукач) в СССР существовала романтика доноса в качестве священной обязанности советского человека. Уже пионерам проповедовали житие святого мальчика Павлика Морозова, который сначала доносил на соседей, а кончил тем, что посадил в ГПУ родного отца и сказал: "Раз он помогает кулакам, он мне не отец!" В тот период все это действовало эффективно - и не следует заблуждаться! Обыватель же, равнодушный к Павлику, вовлекался в доносительство системой коммунальных квартир в городах, где частная жизнь любого человека проходила на глазах соседей по коридору. Люди жили в тесноте и вечных сварах на общей кухне; но зато - по рассказам наших отцов - когда органы ко-

низация создается в глубокой тайне, она может "кадроваться только из людей, лично известных основателям, а в такой ситуации множество ценнейших и подходящих людей иногда остаются вне или на периферии организации, в центр же проникают лица, завербованные от нужды, от безвыходности. Часто приходится брать не того, кто более подходит, а того, кто, хотя и не очень подходит, но согласен взяться за опасное дело и подставить голову под секиру ГБ. "Мы много говорили об этом с Володей Осиповым, - рассказывал Сергей. - Мало того, что сами основатели организаций - люди с недостатками и их личные минусы неизбежно отпечатываются на

го-то "изымали", то комната его доставалась в виде приза доносчику. Понятно, что поток частной информации и от идейных людей, и от обычных изливался на ГБ водопадом и делал его информационно очень насыщенной организацией... Но с разоблачением шэфов Павлика Морозова летом 53-го и осенью 56-го годов, с одной стороны; с переездом многих жителей в отдельные квартиры - с другой, информационное изобилие ГБ ощутимо иссякло.

Второй источник былой силы ГБ - неограниченный террор. В случае возникновения любого очага опасности тайная полиция большевиков не утруждала себя поисками именно виновных. Из общества просто изымались все лица, которые в силу их анкетных данных казались подозрительными. Часто в этот бредень попадались и под-

организациях. Но они-то, в свою очередь, вынуждены привлекать в дело людей, ясно видя не только их недостатки, но иногда даже пороки вербуемых и крупные пороки! Выбор-то у нас невелик. А эти люди, попав в функционеры организации, в свою очередь, начинают существовать своей жизнью, приобретать за счет Дела свой, и порою, немалый авторитет и - пачкают Дело своими пороками, а иногда и губят его..." Вдобавок, руководители организации практически лишены естественного человеческого права на ошибку и ее исправление при вербовке прозелитов - ведь каждый новообращенный проникает в "Тайну", откуда выход если и возможен, то крайне опасен для всех остающихся. Насколько я понял, Демократическое

линные виновники того или иного дела, что укрепляло миф о всеилии и всезнании ГБ. Вот пример из новейшей литературы: в повести В. Богомолова "В августе сорок четвертого" описано, как на поиски шпионской немецкой группы из пяти человек по приказу Сталина бросают несколько дивизий под руководством нескольких министров! Еще до поимки группы арестовывают массу людей, не имеющих к ней отношения... Если бы настоящая группа не была обезврежена, ее роль в докладе "наверх" несомненно сыграл бы кто-нибудь из этих "параллельных" арестантов!

Но и этот источник силы ГБ сейчас значительно подорван бдительным партийным контро-

Движение Эстонии (вернее, фракция, возглавляемая Солдатовым) в организационных делах предпочитало проводить гибкую линию: от членов организации требовалось не беспрекословное повиновение вышестоящему руководителю (как, например, делалось в НОП, руководимом П. Айрикяном), а лишь посильное содействие общественному делу. Единственный принцип, проводившийся, как я понял, неукоснительно - моральная чистота в среде членов организации. Вот характерный эпизод из рассказов Сергея: "Один человек, назовем его, скажем, "Поэтом", получил задание встретиться с молодым членом организации на явке. Случайно молодой человек не сумел придти вовремя, и "Поэта" приняла его невеста. По словам Сергея, женщина эта была

лем. Конечно, у ГБ тоже имеются большие возможности: массовость сил, профессиональное упрямство и наличие тайного законодательства, специально для органов ГБ разработанного Президиумом Верховного Совета. Частые обвинения органов в "нарушении законов" неверны: сам же законодатель отменил в отношении них обычные ограничения законов и предписал им действовать по особым законам - тайным предписаниям (это рассказал мне гебист и я верю ему). Но зато деятельность ГБ лишена, по моим наблюдениям, главного: понимания идейного смысла борьбы, которую оно ведет, понимая поэтому психологии идейного, а не шкурного (этих-то они отлично знают) человека. Нет у органов даже серьезной

постарше юного идеалиста-движенца и куда поопытнее его: под пару гостю! И вот в течение двух часов (на которые опоздал хозяин) "Поэт" успел увести его невесту к себе домой и вернуть по принадлежности только под утро.

- Сергей, "Поэта" я понимаю - что ему терять, кроме своих цепей. А баба - зачем ей понадобилось делать все это так нагло и открыто?

- По-моему, просто хотела порвать с женихом. Он был честный мальчик, тяготил ее этим, ну, искала предлога... Я потребовал и добился изгнания "Поэта" из Движения. Ты не представляешь, сколько нареканий, сплетен во всех кружках и компаниях это вызвало. "Поэт" - человек с большими заслугами, один из первых членов организации - и вдруг из-за какой-то твари - это он так кричал на всех перекрестках - все забыто, всем пренебрегли. Да таких, как она, кричал, на каждом углу десятков продается! Я отвечал одно: на этой квартире она была под защитой организации, на этой квартире она была не тварь, а невеста товарища. Ты можешь наплевать на товарища - ты можешь наплевать на всех. И на Дело тоже. Богемная

информации. Не раз я видел, как проваливались сексоты лишь потому, что информация так скудна, а желание блеснуть осведомленностью так велико, что следователь практически не в состоянии уберечь агентов.

натура! - Сергей произнес это с видом снисходительного, понимающего, но все же пастора из хорошей протестантской общины. Кстати, к числу его недостатков принадлежит тот, что он ждет от людей, страдающих моральными недочетами, уже самых тяжких прегрешений - и далеко не всегда, кстати, справедлив к несомненным достоинствам этих людей. Так и в этот раз:

- Знаешь, - удивлялся он, - когда во время следствия "Поэта" вызвали на допрос, я не очень-то надеялся на него. А он дал принципиальные показания. Сказал, что знает Солдатову, как честного, высокоморального человека, а что касается политических убеждений, то он считает взгляды Солдатову абсолютно правильными, полностью их разделяет... Сказал это в КГБ, на следствии, где статья 70-я переросла в 64-ю.

10. Ханжество?

Сергей рассказал еще один эпизод, связанный с моральным "пуризмом", который он внедрял, как основной принцип жизни организации. Однажды ему пришлось работать на хуторе над каким-то программным документом. Возвращаясь оттуда, он вдруг в лесу почувствовал приступ. Я не помню точно, какой приступ, сердце, или, кажется, камни в почках, помню только, что хотя прошло уже много лет, он, человек огромного терпения по отношению к физическим недомоганиям и болям, рассказывал об этом приступе с животными нотами ужаса. Неимоверным напряжением добрался до

ближайшей квартиры "движенца" (при нем была рукопись и идти к незнакомым людям или в "скорую" оказалось невозможно), а там потерял сознание. Очнувшись, увидел над собой холеного бородатого врача, быстро поставившего его на ноги. Оказалось, врач этот сочувствует целям Движения, своей по взглядам. "Так я познакомился с будущим со-редактором по "Эстонскому вестнику", - усмехнулся Сергей. "Врач" оказался человеком, способным к творческой деятельности, одним из лучших литераторов организации. Но через некоторое время выяснилось, что он пьет. Сергей предложил оставить вино, тот обещал, нарушил обещание, снова обещал и опять нарушил... И его удалили из организации. Эта мера, как и предыдущий случай, вызвала у многих сильное недовольство "пуризмом" и "ханжеством" Солдатова. Но примерно через три года "Врач" болтовней в пьяном виде обратил на себя внимание ГБ, был арестован и - дал ключевые обвинительные показания на всех остальных участников "Таллинского процесса 1975 года". И если бы его не удалили из организации тремя годами ранее, кто знает, может, "таллинская четверка" стала бы "таллинской десяткой, двадцаткой" и т.д.

11 Провинциальная трагедия

- С каждым человеком приходилось возиться, каждый требовал особого подхода, - заметил Сергей. - Если бы ты знал, какая это адская работа. Сейчас я, наверное, уже на нее не способен - состарился...

Однажды Солдатову поручили разработать раздел программного документа и на это время дали нелегальную квартиру в одном из эстонских городков. Он жил и работал на чердаке сарая - на сеновале. Хозяин, старый эстонский легионер, был женат на молодой женщине, до замужества ведшей довольно свободную сексуальную жизнь. Муж, естественно, ревновал ее. Она, пока муж уходил на работу, повадилась залезать к таинственному постояльцу на сеновал. По словам Сергея, в этих визитах не было и тени интимных поползновений.

- Я вообще не признаю для себя конкубинатов, а она... Она уже в молодости испробовала все возможное в этом плане, ей хотелось чего-то нового - духовной жизни, приобщения к делу, которое выше ее. Не муж, а она стала центром "общественной жизни в городке, вокруг нее собирался кружок местных "движенцев"... Но муж - он хорошим был человеком, но, в целом, серым. В Движение попал скорее по инерции своего прошлого - и нового поведения жены принять не мог. Однажды пришел домой днем, застал ее на сеновале. Объяснились - казалось, он понял все разумно... Однако, во второй раз квартиру "движенцам" отказался дать. Это было нелепо: жена больше не хотела жить по-прежнему, она все сильнее уходила из его гнезда в общественные дела. Семейная жизнь, как он ее представлял, кончилась, и однажды его нашли мертвым. Милиция установила неосторожное обращение с охотничьим ружьем, но я думаю о самоубийстве...

12. Выход на Якира

Первые годы организация формально не самоопределялась. Видимо, это давало ей возможность вести фактическую пропагандную работу, не привлекая к себе серьезного внимания ГБ. Но постепенно сплотился значительный - исчисляемый десятками - круг людей, готовых к организованному действию. Появились суммы, составленные из членских взносов, и явки - квартиры и хутора в разных частях Эстонии, появились технические средства пропаганды - пишмашинки и фотолаборатории для размножения текстов. Возникли устойчивые связи в разных кругах общества и иногда в неожиданных учереждениях, обладавших редкой информацией. Организация располагала автомобилями - в дожигулевско-фиатовские годы это редкостное приобретение позволяло легче уходить от оперативников. Был наработан серьезный опыт конспиративной "техники"... В этом месте первого варианта рукописи имелся любопытный кусок о методике ухода Солдатова от спецпоста, дежурившего возле его дома. Но перечитав, Сергей задумчиво заметил: "Сократи. Может, эти ходы мне еще пригодятся". Все-таки одну деталь приведу. По словам Сергея, гебисты "на хвосте" не выносят встречных ночных кладбищ. Эти мрачные, с запутанными тропами пространства на окраинах города заставляли их тормозить и пытаться перекрыть путь "объекта" обходом (как в песне:

"Нормальные герои всегда идут в обход"). Но обход требует времени и резкий рывок на прорыв неизменно уводил Сергея от "хвоста", особенно, если маршрут был подготовлен заранее и на другом конце кладбища его ждал "движенческий" автомобиль.

...И вот настал неизбежный период - усталовление связей с другими диссидентскими организациями и, в первую очередь, со всесоюзным центром - Инициативной группой Петра Якира.

В наше время, после того, как арестованный в 1972-м году Якир покался на следствии и суде, дал провокаторские показания и, вдобавок, полил себя грязью перед телекамерами, собранными по заказу ГБ, его имя покрыто заслуженным презрением. Но в те годы - как понял я в лагере, Петр Ионович Якир, сын расстрелянного сталинского командарма, сыграл исключительную роль в объединении диссидентских кружков.

Несколько слов в сторону. Якир с самого начала вызывал недоверие у людей, давно его знавших. Помню, пришел я в гости к выдающемуся писателю России Юрию Домбровскому (его называли вторым пером после Солженицына в современной русской литературе, и это близко к истине.). В тот самый день, еще до меня, в гостях у Домбровского побывал Якир и предложил ему вступить в возглавляемую им группу. "Я ответил, - рассказывал мне Домбровский, - никогда я не буду с тобой в одной организации!". "Почему же, Юрий Осипович?" - спросил я. "Якир - провокатор!.." Не буду лгать, внутренне я осудил тогда Домб-

ровского за эти слова. Нынче ясно, что Домбровский был неправ и Якир не являлся провокатором; но в чем-то главном он оказался точен: как личность, как борец Якир не дорос до роли, которую жаждал играть, и люди, те, что в отличие от Домбровского ему доверились, об этом позже жалели.

Якир, видимо, не первый и не последний в истории политический игрок, кому казалось, что громкое имя отца и собственное особое положение избавят его от лагерной отсидки. Как-никак, в первый раз он отбыл семнадцать лет в зоне. Советская власть потом сама себе это простила, Якиру же, видимо, показалось, что семнадцать лет его жизни с нее хватит... Но именно уверенность в безнаказанности заставила человека слабого дерзнуть на подвиг, немислимый для любого героя-смельчака: открыто первым объявить себя инициатором организатором организующейся оппозиции. Так возникло у него на квартире бюро связи всех многочисленных законспирированных групп, до тех пор действовавших разрозненно. После Якира они осознали себя частью единого организованного антитоталитарного Сопротивления. Это историческая заслуга ренегата Якира.

В кругу лиц, окружавших Петра Ионовича внезапно возник "Сергей Иванович из Прибалтики". Познакомился с "центровиками" той поры: Григоренко, Горбаневской, Красиным, Болонкиным... "Приняли хорошо. Походил по московским салонам. Очень понравился мне Григоренко. Поначалу показался простоватым дядь-

ком, решительным, но недалеким, а поговорил, э, нет, вижу, калган у старика работает отлично. Странное впечатление осталось тогда у меня от Якира. Испугали его глаза, я даже сказал кому-то: "Сегодня видел нашего Азефа" - и стыдно было. Я сильно уважал его за биографию и за общественную деятельность. Сам удивляюсь тому первому впечатлению. Потом оно стерлось, конечно, в совместном деле. А вот Красин - наоборот - очень понравился! Он мне тогда показался лучшим из "центровиков!"^{x/}

13. Предатель или ренегат?

- Сергей, Якир и Красин выдавали людей на следствии или просто клепали на себя и каялись? - Эта проблема - механизм поведения современных ренегатов - меня давно интересовала. Я собирал в зоне свидетельства знакомых Якира, Красина, Дзюбы. Как происходит предательство самого себя? До какой черты оно доходит? Что движет и что удерживает? Признаюсь, откровенную, честную исповедь ренегата (да и предателя тоже) написал бы с большим удовлетворением и, думается, с пользой для общества. В тот раз

---

^{x/} Стоит напомнить, видимо, что Красин, подельник Якира, вел себя не менее позорно, чем его шеф.

когда я задавал Сергею вопрос о поведении Якира и Красина, мы находились не одни - рядом на траве сидел Володя Осипов, лидер русских националистов. Сергей почему-то задумывался:

- Ну, что значит - "выдавали"? Они сказали далеко не все, что знали о нас и обо мне лично. Не так уж они виноваты, как могли быть...

- Ты не крути, - я чувствовал, что он крутит. - Вот Дзюба раскаялся, облил себя грязью, даже товарищей грязной помазал, но, по словам Чорновила, он ни на кого не дал компрометирующих показаний. Только на Плахотнюка, когда того уже объявили сумасшедшим, дал незначительные показания, якобы, Плахотнюк распространял брошюру Чорновила в защиту Дзюбы, хотя на самом деле Дзюба распространял ее сам. Но это дело другое, это он на "сумасшедшего" валил, как на мертвеца валят или на эмигранта. Хоть и не Бог весть как морально, но не до конца подло. А других оперативных услуг ГБ Дзюба не оказывал. Ну, а Якир и Красин?

- Видишь ли, они сказали ГБ, в общем, только то, что те и без них знали...

- Они продали кучу людей своими показаниями. Они не ренегаты, а предатели и доносчики! - резко вмешался Осипов.

- Но, Володя, - счел нужным заступиться я, - если они предали, почему ж в лагерях никто не сидит по их делу?

- Никто? А мы? - Внезапно не выдерживает Сергей. - Показания их обоих были большим козырем следствия. Они, верно, сказали не все, но

и того, что сказали, хватило с избытком...

- И потом, с каких пор тайные расчеты КГБ служат кому-то извинением? - Взрывается Осипов. - Если ГБ по каким-то своим причинам считает для себя ненужным сажать людей, на которых Якир и Красин дали посадочные показания, - так разве это их извиняет? Я сам - в своем деле - читал показания Якира на Адель^{х/}, которая его боготворила: "Ах, Петя, какой он смелый, какой благородный, а он, гад, дал на нее показания, по которым ГБ может посадить ее в любую нужную им минуту.

- Они - предатели, - со вздохом согласился Сергей.

Почему он крутил и упирался? Признаться - поначалу подозревал его в партийной пристрастности: не хотелось "лягать" своих предателей в присутствии Осипова и меня. Потом понял, что дело посложнее. Сергей - христианин, и его вера требует от него смирения. А по характеру - он человек совсем не смиренный, а гордый и самолюбивый, и менее всего склонен извинять трусость - по-моему, для него это самый непонятный из грехов человечества. Но вера - она требует смирения, и время от времени он производит над собой эксперименты по смирению. "Прощение" Якира и Красина - для него как бы один из экзаменов души...

---

^{х/} Адель Осипова. О ней смотри в следующей главе.

- Его предательство было очень опасно, - рассказывал он позже об Якире. - У Петра Ивановича имелся особый талант: он знал всех и имел доступ во все круги, во все слои Москвы. Есть люди, талант которых, прежде всего, состоит в этом: только через них возможно установление связей у групп, которые иначе никогда не сконтактируются, никогда не придут друг к другу. Если говорить обо мне, я из того же рода организаторов. Моя сила тоже заключалась в том, что я знал в Эстонии самые разные круги, которые без меня никогда не нашли бы друг друга. Поэтому мы с Якиром быстро поняли, кто есть кто. Для всех я был - "Сергей Иванович из Прибалтики" - только ему назвал фамилию и дал явку для связи. - Он задумался. - Дом Артема Юскевича. Очень необычно удобно располагался - фасадом в городе, тылом - в лесу. Можно при нужде быстро уйти в чащу, что-то закопать, спрятать... Дал пароль, по которому, в случае нужды, меня должны были вызывать люди Якира. Конечно, я понимал, когда с ним встречался, что квартира Якира находилась под постоянным наблюдением. Уходил от него только ночью. За мной, конечно, шел "хвост", но я присмотрел заранее подходящий забор, перемахивал через него и отрывался... В общем, это получалось неплохо - оторваться от хвоста в совершенно незнакомом городе... и в месте, изученном оперативниками вдоль и поперек... Скажу так: чтоб успешно работать в подполье, надо в любом возраст-

те оставаться немного мальчишкой. - Сергей заметил мой вопросительный взгляд и добавил: - К примеру, не стесняться перепрыгивать через заборы... В общем, ушел! Вдруг на следующий день получаю от Якира срочный вызов - встреча у него на квартире в час дня. Как не хотелось мне идти к нему днем - но откуда же я знаю, что у него там стряслось? Надо идти - сработала дисциплина, а оказалось, ерунда, просто захотелось похвастать одной новой информацией и заодно договориться о дополнительной связнице.

Сергей дважды рассказывал мне о своем посещении Якира. В первый раз говорил о Петре Ионовиче нехорошо, несправедливо: фактически обвинял Якира в сознательном предательстве, в том, что тот подставил его в ловушку ГБ, хотя и оговаривался, мол, он не знает точно, так ли это. Во второй раз говорил, уже успокоившись и потому объективнее: Якир обвинялся им лишь в легкомыслии, в сознательном пренебрежении правилами конспирации. В том же Якира и Красина обвинил товарищ Сергея - Артем Юскевич. Из их рассказов у меня создалось впечатление, что московские "центровики", увлеченные первыми же успехами легальной борьбы и первого открытого вызова властям в центре Москвы, несколько презирали - может быть, до известной степени, неосознанно - чрезмерную конспирацию подпольного Сопrotивления. В скрытности и осторожности подпольщиков им чудилась известная трусость и, во всяком случае, устаревшее и немного смешное благоразумие. И москвичи, видимо (повторяю,

неосознанно), стремились взорвать эту сверхконспирацию подпольного Сопrotивления и перевести его в русло открытого диссидентства. Возможно, я ошибаюсь, но такое впечатление у меня создалось от рассказов "движенцев".

- ...Когда я ушел от него днем, меня обложили крепко. То ли Якир передавал мне приглашение (через третье лицо), пользуясь прослушиваемым телефоном, то ли что другое, - меня явно ждали, имея приказ во что бы то ни стало установить личность. Их было много, и действовали они открыто, не скрываясь - нахально. Шли за мной повсюду. Я испробовал все возможное, чтобы оторваться, - бесполезно... Выскочил из вагона метро перед самым отходом поезда - они успели выскочить за мной. Вскочил в вагон неожиданно - один из агентов успел влезть в ту же дверь. Он был пожилым, свалился на сидение и тяжело, устало отдыхался... Около вокзала я сделал последний рывок - между такси - и оторвался. Эти несколько минут я использовал на то, чтобы пробиться к телефонной будке и позвонить Якиру, предупредить о своем положении и дать ему возможность, на случай мер ГБ, подготовиться. Тут же, возле будки, они окружили меня снова и довели до вокзала. А там появился милицкий патруль: "Проверка документов: поблизости совершено преступление - предъявите ваш паспорт." Так они заглянули в мой паспорт, и я впервые попал на учет в ГБ...

Дальнейшие события в рассказе Сергея на-

поминают глупую приключенческую новеллу, но приходится верить, так-как выдумать он мог поинтереснее. Я забыл упомянуть, что к тому времени Солдатов уже был уволен из Таллинского Политехнического: его образ мыслей и влияние на студентов не остались незамеченными, с ним сначала побеседовали, поуговаривали, а потом Министерство Просвещения республики издало приказ о необходимости реорганизации кадров в институтах Эстонии. По всем вузам Таллина, Тарту и так далее шли проверки штатного расписания, нагрузки, служебного и научного соответствия сотен, если не тысяч, работников - и вся эта грандиозная феерия завершилась сокращением штатов преподавателей республики на одного человека - сокращением штатов Таллинского Политехнического на одного Солдатова. И потому, вернувшись в Таллин, безработный Солдатов оказался вне обычной для ГБ сферы наблюдения, то есть, вне работы. А паспорт его, засеченный гебистами в Москве, имел прописку на собственной квартире по улице Рустуку. Там его, естественно, и поджидали таллинские чекисты. Но Сергей уже много лет жил в квартире своей жены, Людмилы Ильиничны Грюнберг, по улице Лембиту... Заглянуть туда никто не догадался, и гебисты, не найдя его на Рустуку, решили, что попав в засаду в Москве на вокзале, Сергей, видимо, ушел в побег! Где уж они его искали, неведомо. Но он после этого прожил почти год в Таллине, необычайно интенсивно используя время, осво-

бодившееся после увольнения с работы и свободное от наблюдения ГБ, на организацию пропагандистской деятельности Демократического Движения Эстонии, на углубление идейно-теоретической базы Движения. Кажется, именно в этот период организация приняла решение оформить себя официально и выступать со всеми атрибутами классической партии: программой, тактикой, уставом и даже печатью и гербом.

14. Надеяться? Действовать

По-моему, в ту поездку к Якиру москвичам передали первое теоретически-программное выступление эстонских "движенцев" - ответ на первое же общественно-политическое сочинение А.Д.Сахарова "Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и (не помню о чем еще)". Надо заметить, что редко какое сочинение способно было вызвать большой поток возражений, чем стартовый опус Андрея Дмитриевича. С одной стороны, он захватывал все важнейшие аспекты советской жизни, аспекты, действительно зудящие, но с другой - поражал какой-то поистине детской наивностью, инфантильным непониманием социальной сути строя, в котором академик жил и продуктом которого являлся. Я сам в том году хотел ответить Андрею Дмитриевичу, сел за книгу "Отчет современника", посвященную чехословацким событиям, довел ее до обсуждения брошюры Сахарова и - запутался: мысль разбрасывалась во все концы, возражение вызывало буквально любое исходное социально-философс-

кое предположение Андрея Дмитриевича.^{x/} Надо было найти стержень, композиционный шампур, на который мои мысли по поводу его книги требовалось нанизать. И вот, пока я пыхтел над композицией рукописи, в руки попало на трех или четырех машинописных страничках сочинение, названное "Надеяться или действовать? Возражения академику Сахарову." Подписано оно было: "Многочисленные представители интеллигенции Эстонской ССР". Лапидарными, отчеканенными формулами излагались в нем стройно и четко все мои собственные путанные мысли. Труд мой сразу потерял в моих глазах большую часть цены. Я его оставил. Все было сказано - и как отлично сказано! Авторы "Надеяться или действовать?" наиболее четко выразили умонастроение оппозиционеров страны. Я не раз наблюдал, какое сильное, резкое впечатление этот документ оказывал на самых разных людей. Так, один советский чиновник, ознакомившись со всей моей коллекцией Самиздата, по-дружески предупредил меня: "Все остальное безопасно, а это, - он показал на "Надеяться или действовать?" , - надо уничтожить. Или убрать из дому. За это могут посадить - серьезная программа."

---

^{x/} В первой части "Места и времени" я уже писал, что не занимался пропагандой и собирал Самиздат для себя, для познания сути общественного движения в России. Поэтому я никогда не скрывал свою коллекцию бумаг и все, что хранилось у меня дома, было, естественно, найдено при обыске. Вернее, почти все, ибо начало "Отчета современ-

За год, проведенный Солдатовым после возвращения из Москвы, организация, как я выше упоминал, необычайно окрепла. Теперь она регулярно получала все новейшие документы и материалы из Москвы и печатала их в специально организованных фотолабораториях. Общий тираж распечатанного - примерно сто экземпляров - был не так уж мал для Эстонии, учитывая, что каждый экземпляр хранился у пропагандиста и прочитывался всем кругом его знакомых и связей. Проводились научные семинары по различным социально-политическим проблемам, в ходе которых вырабатывались теоретические основы Движения. Начали издаваться нелегальные журналы, причем, наряду с местным "Эстонским Вестником", выпускались в кооперации с москвичами и ленинградцами "Демократ", "Голос демократа" и "Луч свободы". Такое разнообразие журналов, правда, объяснялось не одним изобилием материалов, но все более углублявшимся идейным расхождением между двумя фракциями у "движенцев". Каждый журнал являлся органом того или иного направления в ДДЭ.

ника", единственный документ из имевшихся, я, на всякий случай, спрятал. И он не был найден. Штрих к профессиональности работы ленинградского КГБ.

15. КГБ теряет след

Наконец, Сергей уступил настояниям товарищей, которые уговаривали его устроиться на работу. Мол, рано или поздно, но ты попадешь в поле надзора КГБ, и в этом случае, безработное существование даст чекистам законный повод преследовать тебя по статье за тунеядство, лучше, мол, заранее устроиться на работу и т.д. и т.п. Сыграло свою роль то странное, на мой вкус, пристрастие к "законности", которое является какой-то манией многих советских правозащитников. Они как-то забывают, что закон Советской страны не есть закон в европейском смысле этого слова, то есть норма поведения в обществе, обязательная для всех, в том числе, и для самих законодателей (а уж тем более для исполнителей власти). Кажется, еще в 1830 году шеф жандармов Бенкендорф разъяснял поэту Дельвигу: "Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мной на них ссылаться и ими оправдываться". Закон этой страны надо понимать именно в таком смысле, то есть, как инструкцию вышестоящих органов нижестоящим о том, как именно нижестоящим поступать и какие принимать меры в тех или иных обстоятельствах. Но, разумеется, такие инструкции ни в коем случае не могут стеснять, а тем более, считаться обязательными для лиц, которые сами их сочиняют. Вот почему смешным мне кажется со

стороны "правозащитников" подчеркнутое стремление блюсти эти инструкции. В качестве тактической меры, призванной обуздать произвол исполнителей, карателей, призывы к "социалистической законности" возможно имеют смысл. Но принципиально не следует забывать, что так называемые законы в том смысле, как их понимал хотя бы кавалер Монтескье, вовсе и законами не являются.

Но это к слову. А тогда Сергей, хотя был очень недоволен, все же уступил настояниям товарищей - устроился на службу в комитет (министерство) по профессионально-техническому образованию Эстонии. Видимо, номенклатура таких учреждений после оформления проверяется в КГБ, ибо не сразу, а только через несколько дней, когда документы ушли на проверку, оперативники вышли на его след.

- ...Выхожу с работы, Боже мой, сколько их! - Хохотал Сергей. - У парадного подъезда две машины, с тылу еще машина, а по бокам - россыпь...

Вскоре после устройства Сергея на работу, в доме Артема Юскевича появился неизвестный человек. Он назвал пароль от Якира и потребовал свидания с "Сергеем Ивановичем". Свидание состоялось возле какого-то кинотеатра, участники его узнали друг друга по условным знакам - кажется, сумкам с определенным узором. Сергей проверял незнакомца - тот довольно отчетливо рассказал о внешности Якира и других центровиков, об их квартирах - чувствовалось, что

это все не подделка. Незнакомец сообщил, что он представляет группу в Прибалтике - какую именно, не сказал, Сергей тоже темнил про своих... Он был зол на Якира, который прислал к нему человека, не предупредив заранее. В заключение незнакомец передал Сергею манифест своей группы, названный "Письмо к Алексееву", с просьбой обсудить его в качестве платформы, на которой возможно объединение обеих прибалтийских групп. Какова была суть "Письма"? Социализм с человеческим лицом, не вдаваясь в подробности, бросил Сергей. Ему эта позиция явно казалась теперь неинтересной. Однако, "Письмо к Алексееву" было размножено техническими группами ДДЭ и довольно широко обсуждалось в эстонских кругах. Потом его отправили в Москву. Как я понял, сама идея объединения групп не казалась демократам необходимой - они уже ушли от первичного по своей оппозиционности стиля мышления Алексеева. Скоро состоялась вторая встреча по тому же каналу: на этот раз на Сергея вышел другой человек. Он твердо настаивал на контактах, на объединении, Сергей опять темнил: "Да у меня группа несерьезная, в общем, больше либеральная болтовня, а не группа." Впрочем, незнакомец отмалчивался тоже - Сергей так ничего и не узнал ни о составе, ни о возможностях его людей. Встреча имела практическую, деловую основу - незнакомец попросил помощи в постановке подпольной типографии. В отличие от ДДЭ, "Алексеев и К^о" собирались

использовать не фотометод, а поставить классическую типографию со шрифтом. Сергей задумался и... "знаешь, - рассказывал он, - думаю я про себя и с губ вдруг сорвалось: "Кажется, можно помочь... У нас в "Советской Эстонии" есть люди". - Просто подумал вслух..!" На том встреча кончилась.

А через некоторое время, с помощью определенных связей, ДДЭ получило важную информацию: в Балтийске, Ленинграде и Таллине были произведены аресты: провалилась подпольная организация офицеров подводных лодок.^{x/} Они завербовали в Ленинграде какого-то капитана первого ранга, а он выдал их Особому отделу.^{x/} "Я как-то сразу почувствовал, что это могут быть мои новые знакомые. Дал нашим сигнал: все припрятать, быть готовыми к обыскам. Сам тоже почистился. Оставил у себя одну религиозно-философскую рукопись, да и ту припрятал в тайник. Понимал, что даже если это не те люди, все равно в Таллине сейчас начнут обыскивать всех подряд.

---

^{x/} Сергей говорил с "атомных подлодок", но Виталий Лысенко уверял, что атомных подлодок нет в составе Балтийского Флота.

^{xx/} Особый отдел - военная контрразведка - особый отдел КГБ.

Через несколько дней меня забрали на работе. Посадили в машину и отвезли на Рустуку, туда, где я был прописан. Провели обыск, естественно, ничего не нашли и оттуда уже повезли к Ильиничне, на улицу Лембиту. Обыскали и эту квартиру. Нашли тайник со спрятанной рукописью. Но вот что интересно! Офицер КГБ, руководивший обыском, провел его до странности небрежно. Не могу до сих пор понять, в чем дело, но вот тебе два эпизода: чистил я дом, а как они занялись обыском, выяснилось, что не дочистил. Вдруг капитан вытаскивает из груды чертежей и эскизов деталей, из черновиков служебных бумаг - несколько набросков Герба Демократического Движения. Как я их пропустил! Он огляделся, не видел ли кто из его товарищей, и буркнул: "Взрослый человек, а таким детским делом занимаетесь!" - и отложил их обратно... Второе. В платяном шкафу, внизу, под грудой белья, стояла пишущая машинка. И надо быть такому - как раз в это утро понадобилось отпечатать одну крамолу и срочно; я заложил первую страницу в машинку и оставил ее там. Залез капитан в шкаф и мы с Ильиничной услышали, как под бельем лязгнула клавиша. Не мог он ее не поймать на слух! Майор из другой комнаты спросил: "Ну и что там?". "Ничего",- отвечает. До сих пор не понимаю этой истории.

- Он был русский или эстонец? - спрашиваю Сергея.

- Русский... Потом повезли меня на доп-

рос в ГБ. Объявили, что я допрашиваюсь свидетелем по делу капитан-лейтенанта Гаврилова... "Не знаю никакого Гаврилова". Предъявляют его показания: конечно, мой первый знакомый от Якира. Показания его очень обтекаемые: получил явку от Якира, вышел на Сергея Ивановича, фамилии коего не знаю, через "девушку Олю", и тут же приложены показания Оли Юскевич, что человеком, приходившим на встречу с опознанным ею Гавриловым, был Солдатов - не выдержала - испугалась Оля! - но, в общем, показания Гаврилова были приличные: незнакомый, представившийся Сергеем Ивановичем, - это человек преданный социализму и советскому строю, он мечтал только о некоторых непринципиальных у нас изменениях... Дальше кладут мне показания капитан-лейтенанта Косырева - второй мой знакомец от Якира, ну, этот выкладывает все, как есть, с потрохами, во всех мелочах и подробностях. Я категорически отрицаю и возмущаюсь. Дают очную ставку с Гавриловым. Едва его вводят, кричу: "Провокация! Я не знаю этого человека". Гаврилов меня понял: "Я, - говорит, - видел Сергея Ивановича один раз, в темноте, плохо его помню и не могу с уверенностью сказать, этот человек был или нет". Увели его, вслед кричу: "Я вас не знаю, но уверен, что вы благородный человек, всегда вам помогу и вашей семье - моя фамилия Солдатов, Сергей Иванович, проживаю Лембиту восемь, квартира сорок девять". В общем, подбадриваю его. Потом привели Косырева - он, конечно, опознал меня

и все подтвердил. Я категорически отрицаю. И следователь не выдержал, позвонил начальнику следственного отдела: "Ничего не хочет признать", и тот приказал привести меня к нему.

Вводят к начальнику. Выходит шеф из-за стола, раскрывает объятия, протягивает радостно руку и представляется, можешь себе представить, - "кандидат юридических наук Леонид Иванович Барков". Именно так...

Мы дружно захохотали. Душа моя, Леонид Иванович...

- ...Как я рад, - говорит, - встретить интеллигентного человека. У нас так мало людей, с которыми можно по-умному поговорить. Я ведь и сам в советской жизни многим недоволен, Сергей Иванович... На столе, конечно, всякая первосортная закуска, а Леонид Иванович ведет со мной долгий интеллигентный разговор...

Сергей не выдерживает и опять фыркает... Я не сомневаюсь, что в своей, в кагебистской среде Леонид Иванович наверняка считается и ученым, и интеллигентным человеком. Когда он ведет свои допросы с привлечением интеллектуальной терминологии, они, возможно, идут у них чуть ли не в качестве учебных пособий... Помню, как он четыре года спустя допрашивал меня: "...Надо познакомиться, побеседовать, Михаил Руфимович, узнать и понять друг друга, вдруг у вас есть претензии к следователю, я могу помочь вам..." В это время некстати зазвонил телефон. Барков снял трубку: "У меня

допрос!" - рявкнул в аппарат и снова зажурчал: "...продолжим беседу..." Все это, в общем, производит на интеллигентов комическое впечатление. Впрочем, подсмеиваться над почтенным Леонидом Ивановичем вряд ли с моей стороны справедливо: в конце-концов, самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет. Почему-то, по странной ассоциации мне вспомнилось, как умная и проницательная, и русская по самой сути Марина Цветаева принимала поэта Максимилиана Волошина за настоящего парижанина - таким, видно, он казался ей в России. А вот поверхностный, но привычный к Парижу Эренбург, сразу заметил, что в Париже Волошин выглядел тем, кем он и был на самом деле, - русским, переряженным в парижанина... Так и Леонид Иванович только среди своих казался интеллигентом. Попав в общество интеллигентов, он казался им забавным Петрушкой - помните эпизод, когда Петрушка одевает докторский халат. Но, конечно, нельзя недооценивать профессиональной ловкости Леонида Ивановича: каким бы он лично ни был, за его плечами оставался опыт его организации, работавшей пусть неважно, но все-таки долго и много. И в конце своего интеллигентного критиканствующего монолога полковник вернулся к земным делам: "Понимаете, нам все-таки надо подумать о следствии. Видите ли, Сергей Иванович, люди, которых вы сегодня видели, сидят по обвинению в очень серьезном деле. Единственное, что им может помочь на суде, - это искренность их по-

ведения на следствии. Потянет на самое тяжелое для них наказание только ложь, ну, а тем более клевета на невинного человека. Если вы будете отрицать их показания полностью, вы обвиняете их в клевете и отягощаете серьезно их положение... Подумайте! Может, вы все-таки вспомните хоть что-нибудь в подтверждение их показаний, чтобы помочь этим людям¹¹. В общем, классический прием все того же паразитирования на порядочности интеллигента. ¹¹И знаешь, я задумался, - признавался Сергей.- Помочь тем, кто сидит, это веско звучало. Я выбрал какую-то обтекаемую формулу, что, мол, ничего не помню, но, так-как у меня плохая память, допускаю, что, может быть, что-то из их показаний верно, но подтвердить не могу, так как на свою память не полагаюсь... Я это сделал напрасно: уже на нынешнем следствии мне дали прочитать новые показания Гаврилова, где он опознал-таки меня... Видимо, именно моя неуверенность тогда поколебала его позицию...

- А ты встречал его после?

- Конечно. Я и в лагерь пришел в фуфайке, которую он дал мне на дорогу. Сроки дали им относительно небольшие, учитывая, видимо, оглушительное впечатление от этого советского военного заговора в мире: не желали еще больше раздувать серьезность ситуации. Только старший лейтенант Парамонов, руководитель организации, твердо державшийся на следствии, получил дурдом и сидит до сих пор. Впрочем, на последнем свидании Ильинична говорила, что и его осво-

бождают... А Гаврилов вышел по помиловке.^{x/} Ее писала жена, а не он.

- Но таких помиловок не принимают, - возражаю я. - Моя мать тоже писала помиловку, ей ответили, что без личного прошения осужденного дело не рассматривается. Бланк был отпечатан типографским способом, так что это - типовой ответ.

- А вот Гаврилова освободили, - парирует Сергей мои возражения. - Я расспрашивал о нем старых зэков: он вел себя вполне порядочно, хотя тихо. Участвовал только в одной акции - голодовке после убийства Юрия Галанскова в больнице. Был Гаврилов болен, они боялись, что он умрет в лагере - это казалось вполне реальным, а им не нужным - и полагали, что с политикой в его жизни покончено... Так оно, в общем, и есть... Ушел в быт, - заключил Сергей.

- Ну, а с Барковым все кончилось? - вернул я разговор к начатой линии.

- Потом меня вызывали еще в Особый отдел Балтфлота, и там все шло по кругу: опять угрозы, уговаривания, но я стоял на своем: ни-

---

^{x/} В лагере - это чрезвычайно компрометирующая форма освобождения заключенного: в прошении о помиловании полагается признавать свою виновность и выражать раскаяние.

чего не видел, ничего не знаю, ничего никому не скажу. Отпустили. Даже на суд свидетелем не позвали. А мы быстро передали информацию об их деле в эфир, и она здорово помогла морякам.

... Кажется, я понимаю, почему для Сергея и Демократического Движения Эстонии так легко сошел провал контактировавших с ними соседей - офицерской группы. Тут сыграло роль, по-моему, качество ГБ, о котором, вроде, упоминалось где-то выше - поразительное легкое верие, когда дело идет о так называемых оперданных, то есть о доносах. Видимо, сказывается инерция истории, когда любой "сигнал" в ГПУ служил неопровержимой уликой против обвиняемого (требовалась еще только формальность: любым способом, включая пытку, - вынудить человека к признанию - и дело списывалось на вечное хранение, а человек списывался на вечное заключение). Если обвиняемый все же не признавался, то этот донос - "сигнал" (в составе так называемого "меморандума") поступал в Особое совещание, где по нему все равно определяли срок - и тоже, практически, вечный. Конечно, времена изменились, и теперь начальство требует от следорганов проверки и перепроверки "оперативных" данных, доносов, "сигналов", понимая, что в них бывает ой, как много, говоря по-лагерному, "фуфла"... Но все же психологическая установка органов, несмотря на формально объявленную презумпцию невиновности, остается прежней:

"сигнал" заранее выглядит в их глазах истиной, а показания обвиняемого, опровергающие этот "сигнал", заранее кажутся ложью. Вот такая, в какой-то мере даже естественная для полиции, установка сработала в тот раз, но уже в пользу Сергея. Особый отдел, конечно, им не занимался, это не его компетенция - гражданское лицо. Решение принимал интеллигентный мудрец Леонид Иванович. У него же на столе лежали данные о поездке Сергея к Якиру - но всего об одной встрече (остальные еще не были засечены) и, главное, откровенные доносные показания капитан-лейтенанта Косырева, что группа Сергея, по его же, Сергея, признанию, люди несерьезные, либеральные болтуны. Наш полковник должен был верить этому доносу безусловно; ему, насколько я его знаю, и в голову не могло прийти, что он имеет дело с дезинформацией очень осторожного подпольщика. В оправдание полковнику скажу, что для Сергея исключительно благоприятно сложились результаты обыска - если бы у него вообще ничего не нашли - это, возможно, вызвало бы у Баркова некое подозрение: не дурят ли ему голову. Но в тайнике обнаружили рукопись, и не политическую, а религиозно-философскую. Она послужила как бы материальной уликой, фундаментом для вывода Баркова о "несерьезной группе болтливых либералов". Получив нить от арестованных офицеров к другой организации - неизмеримо более зрелой, влиятельной и многочисленной - эстонские гебисты попались на удочку случайной дезинфор-

мации и выпустили этот след - на целых пять лет вперед!

После этого дела уважаемый Леонид Иванович был переведен на повышение в Ленинград, а Сергея Ивановича, как "недобросовестного свидетеля" всего лишь выгнали с работы, из его Комитета по профтехобразованию. Начальник его, старый боец истребительных отрядов (карательных частей), предложил Солдатову уйти по собственному желанию. Не тут-то было. Отказ. Шеф рассвирипел: "Не за то наши мальчишки погибали в сорок пятом - сорок восьмом годах, чтобы вы позволяли себе..." "Вот именно, не за этот бардак и не за эту подлость погибали мальчишки!" - отрезал Сергей и вышел, хлопнув дверь. Его уволили так поспешно, что забыли спросить формального согласия профсоюза (за которым, обычно, не бывает остановки). Сергей воспользовался этим правонарушением, подал в суд, привел на заседание суда кучу членов и кандидатов в члены организации и провел там практический семинар на тему: "Советское правосудие в действии".

16. Раскол

Осенью 1972 года в Ленинграде собрали съезд Демократического Движения Советского Союза. Делегатов съехалось немного - двенадцать человек, представлявших, кажется, восемь организаций, но ведь РСДРП на своем первом съезде в Минске имело не больше и делегатов, и организаций. Имен-

но в эти дни ленинградское ГБ арестовало Георгия Давыдова, ученого-геолога, одного из "движенцев". Арест оказался в значительной мере случайным: Егор не заметил "хвоста" и попался с полным тюком пропагандистской литературы, которую он сдавал в багаж самолета. Если бы коллеги Баркова не поторопились Егора схватить, они - кто знает - могли бы выйти и на весь съезд, собравшийся в их "епархии". Правда, определенного успеха ГБ достигло: делегатам и в голову не пришло, что арест Давыдова случаен и они, на всякий случай, приняли меры предосторожности - прервали съезд и разъехались, завершив работу уже на региональных конференциях. Сергей до сих пор жалеет, что ленинградский съезд не завершился. На заседании региональной эстонской конференции (если ошибаюсь, еще раз прошу прощения за ошибки памяти: Сергей и Артем все еще отсутствуют) и определился идейный раскол внутри Демократического Движения Эстонии - раскол, впоследствии оформившийся формально.

...Еще на 17-ой зоне, накануне своего отъезда на 19-ю зону, Сергей намекнул мне на организационные расхождения в ДДЭ. Мы гуляли вечером по зоне и я спросил его (возможно, неделекатно), действительно ли Калью Мяттик, который шел по процессу номером один, являлся лидером организации.

- Видишь ли...- Сергей замялся...- В общем, не секрет, что ДДЭ раздробилось на два крыла. Одно руководствовалось идеями религиозной де-

мократии: его возглавлял я и еще один человек - имя его тебе ничего не скажет. Второе крыло - демократы-позитивисты, в философии - последователи Канта. Его возглавляли Юскевич и Киренд. А Калью Мяттик, с его спокойным эстонским темпераментом, с его вдумчивостью и благожелательностью и в то же время непоколебимой принципиальностью, стал фигурой, авторитетной одинаково в обеих фракциях, и в этом качестве он, в общем, бесспорно являлся общепризнанным лидером.^{x/}

...Уже здесь, на 19-м, я много говорил не только с Сергеем, но и с Юскевичем, так что картина раскола стала выглядеть объемно - в перспективе обеих столкнувшихся сторон. Чем дальше и больше вглядывались Сергей и его друзья в будущее, тем меньше им казалась удовлетворительной для России схема чистой западной демократии, схема, с которой они начинали свой политический символ веры. В сущности, сама по себе демократия, в их глазах, - это внешняя юридическая рамка, в которую общество ставит индивидуума, хорошая рамка и, безусловно, необходимая. Об этом спору не было. Но, по их мнению, Запад выработал эту рамку юридического существования личности, исходя из всей своей предшествовавшей истории - целиком религи-

---

^{x/} Интересно говорил о Калью Мяттике Осипов, русский националист, и в этом качестве, сторонник Великой, Единой и Неделимой России: "Я встретил Мяттика на обследовании в психичке, в Сербского. Очень хороший человек. Такой хороший, что хочется дать Эстонии независимость."

озной, то есть уже сформировавшейся личности изнутри, в ее отношении к вечным ценностям Бытия и Совесть. Такая личность имела тогда внутренне содержание, ей требовалось только указать рамки ее отношений с другими личностями мира, они-то и были установлены в демократическом обществе. Но в России, в течение последних десятилетий, личность вообще лишена религиозной опоры, лишена серьезных моральных ценностей, а с ними и внутреннего стержня (отсюда, кстати, Сергей и его единомышленники выводили чудовищное пьянство и жуткую преступность в СССР, обуздываемую пока только грандиозной и устрашающе жестокой системой ГУЛАГа МВД). Поэтому для России мало, считала эта фракция, одной демократии - демократическое преобразование России должно сопровождаться воспитательно-религиозной деятельностью, вопросы богословия и религии не менее важны здесь, чем вопросы политики и социологии.

Видимо, нечто в этом роде изложил Сергей на том региональном эстонском совещании - после преждевременного закрытия ленинградского съезда Демократического Движения Советского Союза. И, видимо, неожиданно для него резко против вдруг выступил Юскевич. Юскевич отстаивал, как я понял, идею чистой демократии, освобожденной от религиозного содержания. Религия мыслилась им как частное дело - не предосудительное, но и ненужное. Позднее Артем пытался философски обосновать свою пози-

цию, без конца прославляя в беседах некую "теорию естественного права". Признаюсь, моим излюбленным развлечением в цеху (Артем работал слесарем в машинном, где я стоял у сверлильного станка) было в перерывах спрашивать у Артема, что же такое - "теория естественного права"? Он пыхал и негодовал: "Вы, господа гуманитарии, неспособны понять всей глубины этой великой теории" и т.д., но о теории я так и не услышал ни гу-гу. Иногда Артем с ученым видом ссылаясь на своего предшественника в философии Спинозу, но у меня, нехорошего человека, создалось впечатление, что Спинозу он полжubil, так сказать, фонетически - за звучность фамилии... При всем улыбочатом настроении, какое у меня невольно возникает при воспоминании об Юскевиче, я вовсе не хочу создать у читателя впечатление, будто считаю Сергея абсолютно правым, а Артема абсолютно заблуждающимся в их споре. Просто философские глубины - не стихия Артема, хотя, по словам Солдатова, за годы участия в организации, он много и упорно учился, набирался знаний и сведений... Суть же их спора с Солдатовым, действительно, была серьезной и глубокой!

Артем мне так говорил о Сергее: "Этот господин хотел поставить религию в качестве идеологического фундамента программы ДДЭ. Да ведь у нас больше половины неверующих! А как он мыслил привлекать новых членов? Всех неверующих, что, заранее отвергать?"

Со стороны эти склоки, расколы в относительно небольших подпольных группах кажутся иногда

смешными и никчемными. На самом же деле, когда приглядишься, влезешь, так сказать, изнутри в логику конфликтов и пренебрежешь столкновением личных амбиций и честолюбий (которые имеют обыкновение вылезать на первый план и издали казаться главными), тогда понимаешь, что эти маленькие группы постоянно вынуждаются жизнью к решению тех же больших проблем, которые вынуждены решать и гигантские политические конгломераты. В первую очередь, это тот вопрос, который перед наукой политики впервые поставил гениальный итальянец Никколо Маккиавелли, а именно, где же проходит грань морали в таком принципиально аморальном деле, как политика?

Вековая сложность проблемы заключается в том, что остаться политику обычным порядочным человеком, каким он существует в быту, значит не только остаться в своем деле неудачником - но иной раз, принести обществу столько страданий и злодейств, что даже циничный гангстер содрогнется ("Джунгли, где царит грубая сила, - так однажды обозвал нашу милую планету Осипов, объясняя мне, почему в споре игумена Иосифа Волоцкого с монахом Нилом Сорским прав все же был "стяжатель" Волоцкий, а не бессребренник и человек Духа Нил). Достаточно вспомнить для примера политическую судьбу вполне порядочного джентльмена Н. Чемберлена или же - с очень большой скидкой на советские нормы морали - Николая Бухарина. Великая проблема для политика-профессионала (если он настоящий политик, а не уголовный бандит, волею ситуации забравшийся в

политическое кресло) - это все снова и снова решать для себя проблему Маккиавелли: где конкретно пролегла вечно меняющаяся граница морального и подлого, граница все же допустимого в его деле и совершенно невозможного (несмотря на его выгодность). Что именно дозволено Юпитеру?

Конфликт, разделивший Демократическое Движение Эстонии, никогда не занял бы серьезного места, если бы та или иная позиция в философских вопросах, не определяла ту или иную между, грань, отделяющую моральное от недопустимого. А отсюда, философия, в конечном счете, определяла все важнейшие практические шаги организации. Вот конкретные примеры этого.

Организация развернула связи со многими городами Союза, издавала несколько теоретических журналов и - остро нуждалась в деньгах. Где их раздобыть? Юскевич предложил поставить пропаганду на деловую основу: извлекать прибыль из издаваемой литературы, а, кроме того, завести кустарные нелегальные промыслы, которые дадут деньги (в условиях СССР таким могло быть все - от изготовления меда до пошива модных кофточек). "В конце-концов, - говорил он, - это незаконно и аморально с позиции наших врагов. А с нашей позиции - людей, признающих частное предпринимательство, - это значит поступать принципиально". И, по-своему, он был прав. Сергей категорически возражал, предпочитая даже отказаться от многих обещающих проектов, предпочитая мучиться ежеднев-

но без денег, экономя на всем, - лишь бы не смешивать пропаганду с бизнесом: "Изгоните торгующих из храма". И, по-своему, он тоже был прав. Причем, не только с теоретико-моральной точки зрения: для меня несомненно - что, если бы организация действовала "по Юскевичу", ГБ на процессе представило бы их просто мелкими "делашами", совершавшими бизнес на новом модном товаре - нелегальной литературе - и серьезно бы подорвала их общественный кредит и авторитет.

Или другой пример: не менее жизненно важный для организации - кадровый вопрос, вопрос вербовки новых членов и социального направления пропаганды. Великий русский историк Ключевский как-то заметил, что религия необходима либо очень моральным, либо очень скверным людям. Первых она поднимает, вторым не дает пасть еще ниже. Но подавляющему большинству средних людей религия не нужна - Ключевский сделал этот вывод в условиях религиозной России - ибо они не хотят никуда подниматься и им, в силу их ограниченности, и упасть-то нельзя. С религиозно-нравственной пропагандой по Солдатову^{х/} легче подходить к зачинателям движения или к тем, кто уже сам

---

^{х/} То есть, программой, которая наряду с религией, предусматривает активное вмешательство личности в мир с задачей его переустройства и совершенствования.

своей душой постиг несправедливость общества и мира; но, например, к массовым слоям "среднего класса", а тем более, к рабочим современного Союза, легче подходить без Бога. Бог для них чужд, ненужен и сомнителен (не в силу антирелигиозной пропаганды большевиков, как мне кажется, а в силу именно мещанской ограниченности их жизненного и нравственного опыта - по Ключевскому). Артем, как пропагандист, наверняка был бессилен в интеллигентских "салонах" - недаром, он так ругал "господ либералов", "гуманитариев" и т.д. Но с рабочими он был на своем месте: Сергей с уважением рассказывал мне, как Артем пропагандировал рабочих: "Тот его ругает, как может, а Артем свое долбит. Тот распаляется еще больше, до мата, а Артем - свое... Причем, не доказывает, не убеждает, а просто долбит свой объект: "Ты - дурак, невежда, уж коли ничего не знаешь, так помалкивай, а слушай, что тебе говорят..."

"Я думал, - рассказывал Сергей, - что тот Артема сейчас изобьет, смотрю - они расстаются, и рабочий уже почти убежден, что Артем прав и надо жить по-иному..." Конечно, на процессе в ГБ люди Артема закладывали его с головой, а люди Сергея, наоборот, держались стойко и принципиально, но... но без массы, без рабочего-то люда тоже ведь ничего не сделаешь, а масса требует своего подхода...

Я специально так долго остановился на этих примерах, чтобы показать: разногласия в

ДДЭ, действительно, носили жизненный для организации характер по самым важным практическим вопросам, а не просто были интеллигентско-философским упражнением в красноречии, как это может показаться на первый взгляд. И личный момент значил тут немного: конечно, Артем честолобив, но Сергея он уважал и ставил необычайно высоко - выше себя, я это видел, а в Деде он был принципиален. То есть: мог дрогнуть, зануть, завилать, пока не занят "крамолой", мог даже струсить, но если дело касалось Дела, был честен перед собой и товарищами.

17.Провал

Как я понял, примерно в 1973 году Демократическое Движение Эстонии фактически разделилось на две самостоятельные, хотя и тесно сотрудничавшие организации. Юскевич, Киренд и их единомышленники отделились от Солдатова и его людей. Это и привело организацию, уже пять лет действовавшую в подполье (формально, то есть, с момента принятия программы, фактически - много дольше), к провалу. Если у Солдатова все связи и прочие активы организации оставались прежними, то Юскевичу и Киренду приходилось начинать заново. Они приступили к усиленной вербовке новых, "массовых" членов в рабочей (преимущественно, шоферской) среде. Между тем, КГБ Эстонии было встревожено активной деятельностью неуловимой организации: многие радиостанции мира передава-

ли ее обращение в ООН, исторически и юридически обосновывавшее право Эстонии на независимость, в соответствии с целями и резолюциями ООН. (Как шутил кто-то на Западе, "если бы они были неграми, они бы сразу получили независимость, но ведь они белые..."). В этих, совпавших по времени, условиях активизации Комитета ГБ и раскола чекистам удалось внедрить двух своих агентов в окружение Юскевича.

Провал был бы, возможно, не таким значительным, если бы Артем не нарушил одно из правил конспирации: ни под каким предлогом не собирать вместе членов организации. Ему, естественно, хотелось, чтобы вновь принятые члены поскорее спаялись с ветеранами, переняли дух и традиции, уже выработанные Движением. Он устроил дома празднование двух дней рождения, на которые пригласил весь круг своих связей, как выяснилось, включая и провокаторов... В числе гостей был и Калью Мяттик... С этого момента за Калью началась слежка.

Одновременно, как я упоминал выше, ГБ напало и на след удаленного из ДДЭ "Врача" - Варате - который помог чекистам получить улики на Сергея Солдатова. Так обозначился круг людей, намеченных к аресту: Мяттик, Солдатов, Юскевич, Киренд.

- Я должен был поехать по движеническим делам в Ленинград, - рассказывает Сергей. - На вокзале заметил необычно густую слежку. Оторвался от них, вернулся домой; утром на движенической машине уехал из Таллина и сел в поезд

на дороге, на одной из станций. Конечно, благоразумней было, чтобы я повторил тот же прием и в Ленинграде - сошел на пригородной станции, не доезжая вокзала. Но захотелось проверить, не было ли здесь какой-то случайности, простого совпадения моего отъезда с кагебистской акцией прочесывания. Я сошел на Балтийском вокзале в Ленинграде и сразу попал в такое плотное кубло кагебистов, что припомнить трудно. Оторвался от них...

- Сергей, несколько слов про то, как отрываешься.

- Видишь ли, они обычно по следу пускают агентов на машинах, которые тебя окружают на улице. Агенты имеют миниатюрные приемопередатчики вот тут, - он показал на отворот пиджака, - и обмениваются постоянно информацией, куда ты идешь. Объезжают тебя параллельными улицами, заезжают спереди и так далее. Но ты - то не на машине, и у тебя нет скорости, зато есть свобода маневра. Ушел в необычном, неожиданном направлении, притом, рывком - и они сбились... В общем, это надо показывать на местности: отрыв всегда конкретен... так вот, оторвался я от них в Ленинграде, обошел все квартиры, куда ехал, дал сигнал тревоги, чтобы почистились, попрятались, замерли на какое-то время. А самого грызет: вдруг ошибка? Вдруг это не за мной, а просто что-то происходит на Балтийской ветке? Решил провести такую проверку: у меня в Ленинграде имелся случайный знакомый, не "движенец", а просто при-

атель, и я с ним в открытую, по почте, переписывался. Думаю: его адрес они, наверняка, знают. Если их мишень - я, то возле него будет "хвост", а если нет - будет чисто. Пошел к нему, переночевал, утром выхожу - батюшки! Толпятся и так нагло! Даже испугался, неужели сразу будут брать, у меня еще столько дел не закрыто. Нет, вижу - ведут на вокзал. Сел в вагон - они стерегут. В Кохтла-Ярве от них оторвался: соскочил с поезда, когда вагон уже тронулся. Пошел к матери - она живет там. Мать встретила нервно! Она не в курсе моих дел, но о чем-то догадывалась, видел... Когда стемнело, в дверь звонят. Я почему-то спокоен, абсолютно уверен, что все обойдется. Выхожу к порогу: "Вам кого?". "Сергея Солдато́ва", - отвечает незнакомый тип и лепечет какие-то глупости, мол, договорились с ним вместе в ресторан идти... Я резко отвечаю: "Он здесь не живет. Давно переехал в Таллин!" "Извините" - он пошел. Не узнал меня. Ну, правда, я очки снял, надел шапку, чтобы лысина не виднелась, а, главное, говорил так спокойно и резко, что он решил: Солдато́ва нет, на кого-то из соседей нарвался. Потом уже из материалов дела узнал, что возле дома в кустах сидела засада с ордером на арест... Спасло меня, конечно, то, что они всерьез не верили, будто оторвавшись от "хвоста", я пойду прямо к матери... В общем, утром прошел неузнанный возле засады, использовал кое-какие приемы - сел в поезд и приехал ночью

в Таллин. Прихожу прямо к себе домой - меня встречает заплаканная Ильинична. Оказывается, ее с утра забрали с работы, и целый день в квартире шел жуткий обыск. Как-то мгновенно понял, что мной одним на этот раз не ограничились. Ушел из дома и пошел к Мятику. Вижу с улицы - был обыск, хозяина дома нет. Понятно, в "Батарейке". У Мятика хранился ценный "движенческий" архив. Нюхом я чувствовал опасность, просил его давно - давай перепрячем в лес, там никто не найдет, а он все откладывал, занимался одним и, по-моему, ерундовским делом для Артема. Артем в практических делах настойчивей меня, я, бывает, поинтеллигентски уговариваю: "Сделай, пожалуйста", а у Артема ценный практический хапок. В общем, он уговорил Калью лучше моего, и мы опоздали на день-два с перепрятыванием архива... От Калью пошел к Киренду, оттуда к Юскевичу. Узнал - обоих взяли. Меня разыскивают. Я дал по организации последние распоряжения, указал, что и как без меня делать, и ушел на запасную явку. Это был хутор, предоставленный в полное мое распоряжение, с неограниченным количеством еды, с книгами и прочими жизненными удобствами, где я мог годами скрываться без риска встретить оперативников ГБ. Посидел я несколько дней и решил вернуться домой, то есть под арест. Понимаешь, чувствовал - не могу. Представлял - как товарищей мучают, думал, что пытаются... Мы знали, что в особых, редких случаях, когда

это нужно, гебисты получают от Президиума Верховного Совета разрешение применять пытки (они пытали Винса, чтобы получить информацию о подпольной баптистской типографии). Я был уверен, что, столкнувшись с людьми, которые ничего и никого не выдают, с организацией, которая действовала много лет, они используют пытки. А я в это время буду отсиживаться на хуторе? Нет. И вернулся домой. Там меня и взяли.

Этот поступок вызвал резкое осуждение со стороны более, как я упоминал, "земного", что ли, Артема Юскевича:

- Ему всегда хотелось посидеть, помучиться, я знаю! Он еще в шестьдесят восьмом году рвался в тюрьму, мы его сзади за полы пиджака держали, еле отговорили. Зачем он нужен организации на скамье подсудимых, если у него появился шанс остаться на воле и продолжать борьбу! Для нас? Нам было бы лучше, если бы оттуда, с той стороны проволоки он координировал кампанию за наше освобождение...

Артема поддерживал героический в нужных обстоятельствах, но опытный и прирожденный политический тактик - Паруйр Айрикан.

- Если у Сергея, действительно, появился шанс избежать ареста, правильнее было бы использовать его, чтобы организация на воле действовала более эффективно.

Но Сергей оставался при своем мнении:

- Без меня процесс был бы сорван и его пропагандистское значение приблизилось бы к малой величине. Я говорил, что "Врач" - Варате - вы-

дал все, что знал. Но - мало того! Когда я оказался в "Батарейке", картина выяснилась такая. Дрогнул Киренд: видимо, гебистам удалось сыграть на его семейном положении - у него только-что родился ребенок, жена осталась одна - в общем, Матти Киренд дал кое-какие показания. Не совсем безупречным оказался и Артем: он огрызался и отбивался очень агрессивно, но ошибку сделал - показания Киренда подтвердил, а этого, конечно, не нужно было делать. Только Калью Мяттик держался непоколебимо. Мне удалось установить связь в тюрьме с "подельниками" (тут Сергей поделился со мной техникой этой связи, но поскольку она тоже - кто знает - может пригодиться, я решил опустить этот кусок рукописи). В своих "дадзыбао" - так Сергей именовал записки к товарищам - я заклинал их держаться. По отношению к Варате все оказалось бесполезным - он прислал в ответ послание: "Перестаньте корчить из себя Наполеона". Я ответил: "Лучше быть Наполеоном, чем Иудой". Тогда он замолчал. Больше я не имел ни одной его записки. Но Киренд "Иисус" (он был похож на Христа с иконы) будто сбросил с себя гипноз. Он стал брать свои показания обратно - одно за другим. К началу суда он снова превратился в прежнего Киренда. За ним повернул и Юскевич. Он, правда, финальный шаг сделал только на суде: еще при закрытии дела все же признавал себя виновным, но на суде выпрямился и держался мужественно и безупречно.

Самым страшным днем жизни я считаю тот, когда нас отправляли в Москву, посреди следствия - в институт имени Сербского. Эстонским гебистам надоели наши показания...

- Какие именно?

- Я, в основном, ссылался на свою плохую память. Не помнил ничего... Ну, нас отправили вдвоем с Калью. Остальных оставили в Таллине, остальные казались "нормальными".. Гебисты даже не очень скрывали, что нашего возвращения на следствие не ожидается. Значит, вечная койка в психичке! Я понимал, что меня выпустят оттуда, только когда я на самом деле превращусь в бессмысленного, слюнявого идиота. Представлял, как возвращаюсь в таком состоянии в Таллин, где меня знали. Молил Бога об одном - о лагере. Пусть семнадцатый, пусть девятнадцатый - лишь бы не это...

От "койки" нас с Калью спасла Ильинична, я в этом совершенно уверен. Каким-то чудом ей удалось узнать, где мы находимся, она явилась за мной в Москву, ударила во все звонки и нажала на все кнопки - а время было такое, когда вокруг спецпсихичек поднялся всемирный шум после книги Буковского - в общем, к неудовольствию эстонского ГБ, нас решили считать здоровыми и предоставили расхлебывать процесс, как сумеют местные "специалисты"...

И вот теперь, когда я думаю, как бы они спланировали дело без меня, то есть, если бы

я не явился под арест, то прихожу к такому выводу: Калью Мятика - одного - наверняка бы заключили в психичку. На процессе сидело бы трое: предатель Варате, сломленный Киренд и упирающийся, но все же признавший себя виновным, Юскевич. Варате вышел бы из зала суда с условным сроком, а Киренд же с Юскевичем получили бы сроки малые (Артему до суда планировали три года, это уж за речи на суде добавили до пяти), так вот - они получили бы малые сроки, и процесс ДДЭ прозвучал бы тихо! Это был бы почти проваленный процесс. И поэтому, я считаю, что мне нужно было пойти под арест!

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

САГА О САГЕ

Честно говоря, без литературного кокетства, я полагал, что тема моего очерка, фельетона или памфлета, назовите, как хотите, исчерпывалась уже самой той формой, в которую была заключена, и той манерой, в какой она была написана. Но, к моему удивлению, тема эта получила неожиданное для меня развитие, возникшее из кружения читательских откликов, главным образом, в среде моих соотечественников.

Едва первые фрагменты появились в "Новом Русском Слове" и в "Русской мысли", как белый конверт спланировал на мой рабочий стол. В нем оказался даже не отклик в прямом смысле этого слова, а скорее инструкция, предписание, руководство к действию. Не могу отказать себе в грустном удовольствии привести его, так сказать, в первоизданном виде:

"Владимир Емельянович! Боюсь, что недопустимым тоном своей "Саги о носорогах" Вы перебрали по очкам. Мне кажется, что пришла пора отступить. Осмелюсь рекомендовать следующий порядок действий: 1. Публично извиниться. 2. Остановить печатанье отрывков в "Русской мысли". 3. Воздержаться от публикации этого сочинения в "Континенте" № 19. М. Розанова. P.S. Простите, но копию этой записки я отправляю в "Русскую мысль".

Как говорится, краткость - сестра таланта, но в сочетании с эдакой штабной лапидарностью, она уже, на мой взгляд, становится внучатой племянницей гениальности. По горькой иронии судьбы, негнушися, словно солдатский фрунт, строки эти принадлежали перу жены писателя, которого в свое время без малого семь лет гноили в лагерных бараках за литературу того же жанра и стилистики, и вокруг которого совсем еще недавно, уже здесь за рубежом устраивались печатные истерики после выхода в свет его очередной книги. Видно, по той же иронии, в те тяжкие для него дни, даже не будучи поклонником этой самой его книги, я оказался чуть ли не единственным в русском Зарубежье, кто защищал писателя от этих нападков. Что называется, невероятно, но факт.

И хотя второй отклик адресовался непосредственно в "Русскую Мысль", копию его я получил из того же источника, с перерывом в два - три дня. Кроме поразительной осведомленности, по каким адресам следует дублировать свою корреспонденцию, разгневанный автор из Прованса, некий Мартынов обладал известной лихостью стиля, работал в лучших традициях советских фельетонистов, но с применением мерок "наоборот", то есть сваливая со своей больной головы на мою здоровую:

"Многоуважаемые господа Редакторы! Я с тяжелым недоумением прочел в "Русской Мысли" "Сагу о носорогах". За двадцать пять лет увлечения русским языком мне не раз приходилось удив-

ляться грубости, падкости на клевету и доносительство, злопамятству и беспросветной бесвкусице, которые душат советскую публицистику, да и часто отравляют общественную мысль по эту сторону рубежа. До сих пор, однако, ни в ленинских нападках на кадетов, ни в крокодиловских и литгазетных подвалах не удавалось прочесть ничего подобного. У меня нет ни малейшей симпатии к тупой самозащите левой интеллигенции нашей, но ее вряд ли переубедишь такими обличениями. Носороги! Доводами не пробьешь! С ними надо просто расправиться! Пока что - мысленно... Это опасный путь. Игры ущербного возмездия могут вылиться во что угодно. Самосуд в мечте страшен еще хотя бы тем, что он жестко освещает душу камерных мстителей. Можно надеяться, что В.Максимов ограничится воображаемой охотой. На настоящих или мнимых носорогов. Печалит главным образом факт этих зоологических невеселых очерков. По сравнению с этой жидковатой сагой, российский мат, в котором коренятся талант и мировоззрение В.Максимова, выгодно отличается своей лаконичностью. Печально читать рядом с молитвой о русском народе болезненно осторожные соображения о чьей-то заднице. С глубоким почтением, Мартынов".

В верхнем правом углу страницы: "С приветом, Мартынов". Это уже, надо понимать, для адресата, которому предназначалась копия.

Ах, господин Мартынов, господин Мартынов, я понимаю, как иногда хочется или необходимо, что называется, порадовать родному человечку, но

ведь не до такой же степени, чтобы из-под каждой строчки торчали чуткие уши заказчика!

Следующий отзыв был уже печатным и принадлежал долголетнему автору вышеуказанной газеты - госпоже Е.Каннак. При всем моем уважении к этой почтенной даме, я не мог не подивиться (в печальном, конечно, для нее смысле) необыкновенной живости ее реакции, начисто отмечающей азбучное правило журналистики: прежде, чем откликаться, дочитывать вещи до конца. Но, видно, желание осадить, поставить на место здешнего неопита одержало верх над соображениями профессиональной этики. Итак:

"Не без удивления прочли мы в "Саге о носорогах" следующие строки В.Максимова: "Из огня да в полымя - стоило ли уносить ноги от диктатуры государственной?.. В известном смысле здесь то же самое: цензура, деление на своих и чужих, издательский и критический бойкот, конформизм наизнанку, только под респектабельным демократическим соусом..." А немного выше - слезные жалобы на "душевную глухоту, идеологическую ограниченность, социальную стадность западной интеллектуальной элиты". Как это понимать? Ведь - надо надеяться - и В.Максимову известно, что цензура во Франции отменена почти двести лет тому - в 1789 году - и что никто не может помешать французскому писателю посвятить свою книгу любой теме, а издателю - эту книгу напечатать. Но, конечно, из груды манускриптов издатель выбирает те, которые покажутся ему и значительнее, и талантливее других - и могут привлечь читателей. Это его право. При чем тут

цензура?.."

Все правильно: в огороде растет бузина, в Киеве живет дядька, но при чем тут тема моих, как выражается, к примеру, господин Мартынов "зоологических невеселых очерков" и отмена цензуры во Франции я до сих пор, убей меня, в толк не возьму. Что поделаешь, видно, первое раздражение не совсем благотворно влияет на логику мысли. Недаром сказано: умеете властвовать собой! Ей Богу, по себе знаю!

У господина Шмидта из Западной Германии - ко мне чисто личная претензия:

"Нас, жителей Федеративной Республики, особенно взволновало то место из "Саги о носорогах" В.Е.Максимова, где знаменитый русский писатель, с присущим ему художественным мастерством, живописует портрет "перековавшегося в голубя мира" носорога-нобелианта. Об этом персонаже, в котором нетрудно узнать одного из лидеров правящей сейчас у нас социал-демократической партии, также сказано, что он слабоват по части женского пола и "попивает". В связи с последним замечанием возникает тревожный вопрос: неужели этот, доселе уважаемый государственный деятель так пьет, что это шокировало даже господина Максимова?"

Не могу отказать автору письма в редакцию в язвительной пронизательности - и впрямь, грешен! - но, Боже мой, как же я, выходит популярен в этом лучшем из миров, если рядовой "житель Федеративной Республики", обыкновенный господин Шмидт (по русским понятиям это

все равно что Иванов, Петров или Сидоров) знает такие интимные подробности моего повседневного быта! А представьте себе, если ему придет в голову поднапрячь его недюжинную интуицию, он и вовсе сумеет прозреть у меня в душе еще более пакостные наклонности, вроде тяги к азартной игре или растлению малолетних! К сожалению, как выяснилось, популярность моя здесь совсем не при чем. "Господин Шмидт", хотя и живет действительно в Федеративной Республике Германии, в подлинной своей жизни носит отменно русскую фамилию (но не Иванов, Петров или Сидоров) и служит в русской организации, а скрылся под невинным немецким псевдонимом единственно с тем, чтобы замести следы, по которым пришло в редакцию его подметное письмо. О времена, о нравы!

По мере появления в свет одного за другим фрагментов из "Саги" события принялись разворачиваться с головокружительной быстротой.

2.

Однажды поздно вечером раздался телефонный звонок:

- Слушай, старик, - узнал я голос знакомого эмигранта, - зря ты Х. задел, она все-таки много делает по защите Прав.

- Позволь, дорогой, при чем здесь Х.?

- Как так при чем? Не валяй дурочку, мы же свои люди, чего зря темнить, это же видно невооруженным глазом. Сам же пишешь: "полное единство формы и содержания: всем природа об-

делила, как Бог черепаху".

- Почему ты думаешь, что это имеет отношение к Х.?

- Да ты посмотри на нее!

- К сожалению, таких на свете много.

- И потом эти антисемитские выпады!

- В чем же?

- Брось, старик, сам знаешь: "неопределенной национальности, то ли русская французка, то ли офранцузенная русская".

- У тебя, брат, богатое воображение.

- Опять же: "состоит то ли секретарем, то ли соглядатаем в комитете..."

- Комитетов во Франции не меньше, чем кафе или отелей, а при них столько же секретарей не лучшей внешности.

- Не принимай меня за идиота, старик, я же ее знаю, как облупленную, она - мой друг!

Я кладу трубку почти в безнадежной про-
страции: "Боже мой, если он такого мнения о
своих друзьях, могу себе представить, что он
думает обо мне!"

3.

Упреки, советы, наставления посыпались на меня, словно конфетти в новогоднюю ночь.

Корреспондентка из Америки сетовала на то, что в лице старого генерала, умиленного патриотизмом советского атташе, я оболгал всю первую эмиграцию. Близкий друг, проживающий нынче в Бостоне, после горячих похвал походя журил меня за "наследника Станиславского", в

котором якобы легко узнается наш общий приятель - режиссер одного московского театра. А следом свежее испеченный беженец оскорблялся образом поэтессы и заодно указывал автору этих строк на языковую неряшливость вещи в целом.

- Как он смеет, - возмущались одни, - так злоупотреблять гостеприимством Запада, ему предоставили право убежища, а он изображает великодушных хозяев в виде каких-то дремучих носорогов!

- Безобразие, - кипятились другие, - что за язык, что за тон, что за выражения, мы же интеллигентные люди!

Третьи горячо негодовали:

- Вот из-за таких вот нас и считают дикарями с тоталитарной психологией. Знаем мы этих страдальцев, настригут купонов со своего страдания и горланят на весь мир, слушать тошно...

Когда я вкратце суммировал реестр упреков и обвинений в мой адрес, итог оказался, хотя и противоречивым, но убийственным. Меня уличали в следующих непростительных грехах:

1. Русофобии (старый генерал), 2. антисемитизме (дама из комитета), 3. доносителестве (поэтесса), 4. непечатном языке (доктор накануне пенсии с эмансипированной женой), 5. хамстве (политический деятель-нобелевец), 6. неблагодарности (от начала до конца).

Этого было слишком много даже для меня.

При всей своей малости я вдруг почувствовал себя в шкуре Мольера и мысленно возопил

вместе с ним: господа публицисты, не пишите сатир!

4.

Я намеренно привожу здесь только критические отзывы, причем, из наиболее резких, хотя среди многочисленной почты было немало и одобрительных писем. Одно такое письмо мне хотелось бы процитировать дословно:

"В своем выступлении на встрече трех эмигрантов В.Максимов сказал, что "Сага о носорогах" критикуется в Париже многими или даже всеми (не помню точных слов). Я не могу согласиться с Максимовым. Он забывает о молчаливом большинстве - а оно его благодарит за честное, смелое, свободное выступление, каким является его "Сага". А критикуют его именно носороги, которых, к счастью, очень мало - хотя они умеют делать много шума в эмиграции. Что ж, можно их понять, - Максимов ведь сумел пробить их толстую шкуру. Мне, представителю третьей волны, весьма понятна их злоба - она от беспомощности перед истиной. В.Мельников."

О, легендарное "молчаливое большинство", сколько чернил истрачено, сколько перьев посломано, сколько бумаги выброшено, чтобы описать Твое незримое лицо и проникнуть в твою безымянную сущность! В свою очередь, пользуясь случаем, мне хотелось бы, наконец, объясниться с Тобю. Итак:

"Ваше Величество Молчаливое Большинство!

В первых, как у нас говорят, строках своего письма я, прежде всего, хотел бы отдать должное Твоему чутью, Твоей житейской прозорливости, трезвости Твоих оценок и суждений. Но где, в какой раковине, в каком подполье баррикадируешься Ты, когда оголтелое меньшинство беснуется среди бела дня, разрушая остатки фундамента, на котором еще держится хрупкое здание Свободы? Во власть этому безумному меньшинству уже отдано все: улица, студенческие аудитории и университетские кафедры, печать, радио и телевидение, массовые зрелища и теперь, накануне Олимпиады в Москве, даже спорт. Это меньшинство уже довело Твою политическую структуру до того, что она готова сейчас (если не вынуждена!) броситься в смертельные для себя объятия "исторического компромисса" с дьяволом. Это меньшинство не стесняется навязывать Тебе свои мерки правды и справедливости, по которым кровавая диктатура считается "народной демократией", а полное закабаление "царством свободы". В наше время это меньшинство беззастенчиво диктует свою волю народам и многим правительствам.

Меня или, во всяком случае, таких как я часто упрекают в том, что мы, едва оказавшись на Западе, сразу же начинаем критиковать его слабости. По мнению наших оппонентов, это идет от нашей бестактности, недостатка культуры, тоталитарного типа мышле-

ния, хотя последний едва ли может расположить индивида к критическому анализу реальной жизни, скорее - наоборот.

Человек, выросший в условиях открытого общества, с рождения воспринимает окружающую действительность, как нечто естественное и само собой разумеющееся. Потому-то рядовой человек Запада склонен (что для него вполне органично) видеть серьезные пороки своей системы - инфляцию, безработицу, социальное неравенство, но не замечать в ней еще более серьезных слабостей - духовного и политического оппортунизма, военной уязвимости, стремительно-го проникновения "раковой опухоли" грядущего тоталитаризма во все поры здешней демократии.

Нам же, людям оттуда, это сразу бросается в глаза. Мы резче других видим, как за дымовой завесой клишированной демагогии о социальной справедливости здесь осуществляется целеустремленная работа по дестабилизации существующей общественной и государственной структуры. И мы кричим, (может быть, подчас черезчур громко), кричим оттого, что уже пережили Твой завтрашний день, что мы знаем этому цену и что нам больше некуда бежать.

Слишком дорогой ценой досталась нам эта, возможно, на здешний взгляд, и относительная свобода, чтобы мы могли равнодушно глядеть, как на наших глазах ложь и насилие, от которых мы бежали с таким трудом, постепенно получают в открытом обществе не только права гражданства, но и власти. Молчать в этих ус-

ловиях - значит предать идеалы, за которые мы боролись у себя на родине, и людей, которые после нас пошли во имя этих идеалов в концлагеря.

Но сколько бы мы ни кричали, сколько бы ни пытались пробить головой стену, нам не под силу в одиночку изменить ход истории. Судьба будущих поколений находится сейчас в руках тех, кто еще молчит, то есть в Твоих руках. От Твоего желания, воли, слова зависит сегодня быть или не быть демократической цивилизации, завтрашний день человечества и Твоя собственная судьба. Найди же в себе силы подняться и заговорить, наконец, ибо молчать теперь значит тоже лгать.

Остаюсь с надеждой на Тебя, преданный автор - имярек".

5.

Если хотите, то в маленькой истории с моим очерком, фельетоном, памфлетом (назовите по выбору), как в капле воды, отразились боления и мутации нашего смутного времени. Кроме личных амбиций, мелкой злобы и жажды самоутверждения любой ценой, в ней столкнулись две противоположные концепции эмигрантского бытия, а, может быть, не только эмигрантского. "Мы не в изгнании, - сказала большая русская поэтесса, - мы в послании". От того, как понимает каждый из нас это самое "послание" и выявляются позиции сторон.

Я лично склонен принять всякую, даже самую мирную форму сопротивления тоталитаризму. Каждый волен из множества форм выбирать наиболее соответствующую его пафосу и темпераменту - лишь бы не сотрудничество - как говорится, от каждого по способностям. Но оппоненты мои, судя по их письмам, жаждут навязать мне свою меру толерантности, причем, делают это в чем, надеюсь, читатель успел убедиться с самых агрессивных позиций.

Глядя на эту бурю в стакане воды, так хочется порою воскликнуть следом за Достоевским: "Господи, что же вы над собою-то делаете!". А затем напомнить этим любителям подвести идеалистический базис под свои далеко не идеальные мотивы, что развлекаются они (впрочем, вместе с вашим покорным слугой) на краю пропасти, в чем я абсолютно убежден. Так что не пора ли одуматься? А засим: до свидания!

"НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО"
15 апреля 1979 года

Солженицын и Зиновьев продули:
Ленинскую премию по литературе
отхватил Брежнев...

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПОСТОЯННО
ОБГОНЯЕТ ЗИНОВЬЕВСКУЮ ВЕРСИЮ "СВЕТ-
ЛОГО БУДУЩЕГО"

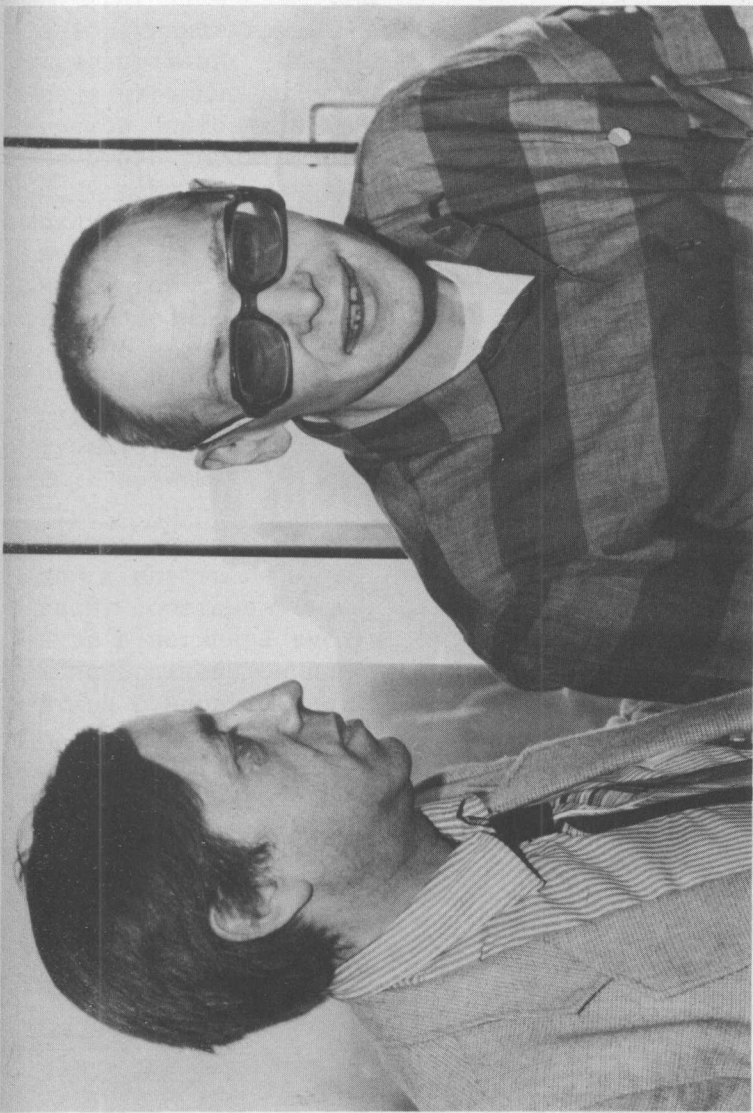
Всемирная литература недавно обогатилась еще одним произведением (к сожалению, пока мало известном на Западе), после чего здесь развернулась массовая антисоветская кампания во главе с врагами большевизма, научного марксизма, сторонниками холодной войны, которые поддерживаются пятой колонной, ведомой изменником родины, псевдописателем Александром Солженицыным.

К счастью, ЦК КПСС и Совет Министров СССР стоявшие на страже, были уверены, что великий советский народ под их мудрым водительством сумеет уберечься соблазна Содомы и Гоморры с единодушием, доказанным на каждых выборах (самых свободных в мире).

Это литературное произведение, гениальное и малоизвестное, - труд маршала, почти пожизненно Президента СССР Л.И. Брежнева.

Грудь гениального Брежнева уже зеркально блестит от множества орденов, так, что золото совершенно скрывает ткань, держащую его... И каждый советский человек знает - это всего лишь скромное отражение примерной жизни. Эта

пять лет спустя, 30 апреля 1979 года.
Нью-Йорк, Александр Гинзбург и Алек-
сандр Глезер.

слава гениальному брежневу - лауреату
ленинской премии по литературе!

декоративная грудь — витрина сердца титана нашего времени, сердца героя-коммуниста. Эти ордена наглядно доказывают, что из всех коммунистов, которых носила земля, — он лучший. Душа этого гиганта истории, как свойственно любому гению, склонна к искусствам. Этот демиург оказался и писателем, и теперь его мемуары откроют миру свет и поведут народы, существование которых дотоле было бессмысленно, к новым горизонтам.

По прочтении "Малой Земли", "Возрождения" и "Целины" члены ЦК КПСС единогласно решили удостоить Л.Брежнева Ленинской премии по литературе 1979 года, которая заменила ныне Сталинскую премию, поощрявшую прежде великие литературные произведения. Однако, товарищ Сталин был сбит с верного пути культом личности. С приходом к власти Леонида Брежнева, как известно всему советскому народу, марксизм-ленинизм вернули в истинное русло, и под руководством маршала Брежнева он побеждает в Эритрее, Чехословакии и многих, многих странах мира.

Во всем этом помог разобраться секретарь Союза писателей СССР. Судя по заявлению ТАСС, он, кроме всего прочего, заявил: "Советская молодежь имеет теперь огромный запас интересных и блестящих фактов... Нельзя представить себе изданного в будущем произведения, которое бы в такой мере отразило опыт автора." В заключение он сказал: "Эта книга содержит моральный кодекс советского человека."

И еще по Зиновьеву: в ту субботу, по слу-

чаю 109-ой годовщины рождения Ленина, советские люди были призваны к бесплатному и радостному труду в честь сего выдающегося события. В ближайшее время, возможно, подобная же коммунистическая суббота будет учреждена и в честь дня рождения Л.Брежнева. Но это пока только слухи. Любое сходство с хроникой старческого дома, обитатели которого играют в диктаторов, покажется басней.

ПЕК Серж Жюли

"Либерасьон"
23 апреля 1979 г.

ОДНА ДИСКУССИЯ

(евтушенко и другие...)

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Более всего мы любим свое прошлое. Там, в прошлом, у каждого из нас первая любовь, юношеская дружба, там мы видим себя в новеньком офицерском мундире или в подвенечном платье, там все светло и прекрасно. Подозреваю, что Словарь иностранных слов (шестое издание, Москва, 1964 год) ошибается, и ностальгия — вовсе не тоска по родине, а тоска по минувшей юности, неудовлетворенная страсть к прошлому. Между тем, взгляд в минувшее всегда чуточку затуманен. Время смягчает и облагораживает события, а по сути искажает реальную картину бытия. Я встретил недавно в Нью-Йорке супругов, бывших москвичей, которые вспыхнули от счастливых воспоминаний — прочитав в газете сообщение о Марине Влади. "А помнишь ее в "Колдунье"? — воскликнула жена. — О, это великая актриса!" — "Мы всем классом были влюблены в нее, — подхватил муж. — Я десять раз смотрел этот фильм". Фильм "Колдунья" действительно, неплох, и молодая Влади была в нем очень мила. Но в перевернутом бинокле памяти неплохая кинокартина становится классической, а молодая женщина с хорошей фигурой превращается в гениальную актрису. Этот оптический обман станет понятным, если вспомнить, что французская картина, сделанная по рассказу Куприна, появилась на советских экранах после десятилетней духовной сухомятки. Нет ничего удивительного —

если после "Кубанских казаков" и после сталинских помпезных фильмов, вроде "Адмирал Ушаков" история бесхитростной любви так привлекла наши сердца. Удивительно другое: как, прожив несколько лет на Западе, пересмотрев в кинотеатре Карнеги Холл всю подлинную классику мирового кино, мы все еще не можем расстаться с прежними идеалами. Впрочем, это и есть одна из тех странностей любви, ради которой я берусь ныне за перо.

Итак, все то, что мы любили в прошлом, продолжает сиять из глубины времен с удвоенной силой. Появляется в газете объявление о приезде в США Евгения Евтушенко, и мы вздрагиваем от воспоминаний о былой любви к нему, к его стихам. Я собирал его книги с самого его появления. Храня и "Шоссе энтузиастов"(1956), и более поздние. Его стихи появились лет через десять после войны. Советские поэты все еще продолжали долдонить про боевые ракеты, про разведчиков и танковые рейды. Коснуться каких бы то ни было внутренних проблем и конфликтов никто почти не смел. Евтушенко был из другого поколения. Он не знал страха 1937 года и года 1948-го. В стихах 50-х годов он шалил, прыгал, играл, как молодой, не проученный жизнью щенок. И это всех прельстило. Его полюбили за искренность и непохожесть его на поэтов-официозов. Начальство его время от времени шлепало, но пора была либеральная и он быстро шел в рост. Писал он много и как будто становился с годами значительнее. Да, мы его полюбили. Мы — это поколение родившихся в 20-е годы, те, от кого скрыли Ахматову и Цветаеву, Мандельштама и Набокова, кому негде было ус-

лыхать, что Иван Бунин получил Нобелевскую премию по литературе.

"Я разный // я натруженный и праздный, // я целе- и нецелесообразный" - писал Евтушенко в 1956 году. Но времена менялись, и он становился все более целесообразным. Он умудрился извлекать для себя пользу даже из проработок. После каждой такой хрущевской проработки, он ко всеобщему удивлению, выскальзывал, как новенький медный пятак, без какого бы то ни было изъяна. Молодежь продолжала бредить им. И где-то наверху, в конце концов, сообразили, что поэта с такой репутацией можно приспособить к государственной службе. И приспособили. Послесталинская оттепель к 1960 году сменилась морозом, пишущую публику стали приструнять, а Евтушенко как раз в это время снарядили за границу. До этого за границу ездили только официозные зубры вроде Суркова и Симонова. Западу они были скучны и впечатления никакого не производили. И вот в 1960 году в Париже, Лондоне, а потом в Америке побывал Евтушенко. Перед западной интеллигенцией впервые предстал не подозрительный злобный субъект в черном галстуке, не литературный советский чиновник, который ходит как будто аршин проглотил, а жизнерадостный парень, разбитной, актеристый, болтливый, который вроде бы ничего не боится. Приняли его на ура, тем более, что хоть и не прямо, а намеками, давал он понять публике, что рискует, что еще неизвестно, как эта поездка для него кончится.

Кончилось все очень хорошо. Вернувшись, Ев-

тушенко заплатил пославшим его стихами, предназначенными для внутреннего пользования, в которых присутствовали /США/ "акулы тела" готовых к действию ракет" и /Франция/ парижские бульжники - "коммунарское оружие". Одним словом, первое задание выполнил он отлично. Рейд его помог Хрущеву размягчить общественное мнение Запада в большей степени, чем поездки многих дипломатов. Но мы его все еще любили. Ибо от богатств своих привозил он нам стихи о мире, в котором мало кто из нас надеялся когда-либо побывать. О делах своих "сверхпоэтических" он никогда не рассказывал, даже выступая перед коллегами в Центральном доме литераторов. Только однажды как-то между делом, сказал, что пробыл в Белом Доме у президента дольше, чем кто бы то ни было прежде из СССР.

Между поездками, которые стали постоянными, учинял он всякие действия либерального вроде свойства. То стихотворение про Бабий Яр напишет, то какую-то слишком свободолобивую телеграмму пошлет властям /против ввода войск в Чехословапию, против изгнания Солженицына/. Его тут же шумно в газетах начинают ругать и следом же отправляют в очередной вояж. Так оно и шло: Синявский и Даниэль в тюрьме - Евтушенко в Париже и Нью Йорке; поэта Юрия Галанскова мордуют в Мордовских лагерях /не дожив до 33 лет он погиб оттого только, что не получил элементарной медицинской помощи/, а Евтушенко срывает аплодисменты в Оксфорде и Кембридже. О Евтушенко шумят газеты по всему миру - либерал, вырвался на Запад, чтобы прокричать

правду!

Не сразу мы сообразили, что Женя наш - троянский конь, засылаемый на Запад ради политического обольщения и оглупления тамошней публики. А едва мы это сообразили, как московские власти погнажи в Европу и Америку целый троянский табун: Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Владимир Высоцкий, Булат Окуджава. Талант на таланте, а главное либералы, демократы, свободомыслящие - цвет нации! Им-то уж точно на Западе поверят!!! Так в извечный список товаров российского экспорта - пенька, лес, лен, поташ /при царе еще значились в том списке сало и пшеница/ - советская власть внесла новый массовый продукт - либеральных прозаиков и поэтов.

Да, все они, или почти все, пользовались когда-то нашей любовью. Или во всяком случае симпатией. И более всего любили мы Булата Окуджаву. Кстати сказать, даже в самые теплые дни ничего особенного крамольного он не пел, но и полностью советским его признать было трудно. Нестандартный какой-то, слишком много толкует в стихах о "я", в то время как полагается воспевать "мы". Жил он многие годы довольно скудно. Власти не упускали случая то кольнуть его грубой газетной шпилькой, то пнуть равнодушием. Однажды после концерта в Ленинграде появилась в комсомольской газете против него очередная статья. Союзу писателей приказано было в связи с этим "разобраться", а по сути устроить над Булатом судилище. Комната № 8 в Центральном доме литераторов, где предс-

тояло судилище, была в тот день переполнена . Окуджава пришел понурый. Сказал, как-то жалко глядя себе под ноги: "Может быть я вам споюто, что пел в Ленинграде?... Может быть не так уж все было страшно..."

Идея понравилась: лучше сидеть на концерте, чем на суде над поэтом. Он пел и играл минут сорок. Публика, да и поэты-судьи из поэтической секции Союза писателей, блаженствовали . Когда Булат отложил гитару, сидевший рядом со мной Солоухин, подчеркнуто охая, сказал: " Ну вот поразвлекались хорошо, а теперь возьмемся за розги..." В розгах в тот раз недостатка не было.

Окуджаву заметили на Западе. Англичане опубликовали сборник его стихов, прежде изданных в СССР, издательство "Посев" выпустило четыре или пять томов его произведений, а французы дали жизнь его долгоиграющей пластинке. После этого слава его за границей начала стремительно расти. На такие незапланированные предприятия советские власти реагируют всегда одинаково: Окуджаве приказано было написать в "Литературную газету" письмо с проклятьями по адресу тех, кто издает его за границей. Только таким письмом — знаком верноподданности — может вернуть советский литератор расположение советских властей. Он написал. Один из коллег спросил в те дни Окуджаву, зачем он написал письмо. Тот ответил вполне откровенно: "Божь нищеты".

От нищеты он уберется. И даже более того, видя страх и его покорность, в тех самых каби-

нетах, где получал инструкции Евтушенко, решили, что годится для роли поэта-дипломата и Булат. К концу 70-х годов он и впрямь подходил уже для этой цели: всемирно известный поэт со славой либерала; на Запад не сбежит, ибо духом слаб, да к тому же и любимый сын Булатик остается в Москве в качестве заложника. Решили посылать. Сначала в Париж, а теперь вот в Америку. И правильно решили. Он свое дело делает не хуже Евтушенко. Ибо играет на новенького, и репутация у него международная пока еще без пятен. Евтушенко в Кембридже уже осыпывали...

Итак один за другим приезжают в Америку Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава. Да вот теперь и Нагибин. Едут петь песни, читать доклады, едут как частные лица, по приглашению колледжей и университетов. Для американцев их приезд - дело естественное, обычное. Пригласили - приехал. Они и сами ездят куда и когда хотят. Нас, эмигрантов, приезд всех этих членов Союза писателей тоже не удивляет, потому что мы хорошо знаем: из СССР /если не считать эмигрантов/ люди выезжают только по казенной надобности, только после строжайшей проверки политической лояльности. Исключения не бывает ни для кого: ни для инженеров, ни для шахматистов, ни для скрипачей. А уж тем более для поэтов. Сотни, а скорее даже тысячи советских граждан обращаются в ОВИР /витрина КГБ/ с просьбой выпустить их для свидания с родными, для лечения, для научных контактов, для собирания литературно-

го материала и просто так — посмотреть мир. Им, как правило, отказывают. Ибо езда за границу — высшая форма государственного поощрения советского гражданина. Это — всегда /повторяю/ езда с заданием.

Оно, конечно, поэты едут не для того, чтобы красть американскую технологию, и не затем, чтобы выпытывать тайну ракетных баз. Этим занимаются другие. Но задание есть задание. Сейчас оно связано с пошатнувшимся в глазах американцев реноме советской власти. Агрессивные действия СССР в Азии и Африке, расправы с интеллигентами, издевательские суды над Щаранским, Гинзбургом, Орловым, подавление национальных движений — все это настроило Запад против отечества социализма. Недавний опрос общественного мнения в США показал, что у граждан Америки русские /имеется в виду СССР/ пользуются все меньшей симпатией. Десант советских писателей и поэтов, выброшенный ныне на американский континент, предназначен для того, чтобы привлечь, расположить американское общественное мнение, успокоить американских ученых, бойкотирующих советскую науку.

Поэты наши люди обаятельные, но главная их сила в либеральной репутации, в репутации, которую, как поддельные паспорта, prepares специальный отдел КГБ. На червячка этого хорошо клюет левая университетская профессура и студенты. Глядя на наших бардов, высоколобые обитатели Оксбриджей и Кемфордов приходят к мысли, что ежели таких страшных бунтарей из СССР выпускают свободно ездить по свету, то,

очевидно, советский режим не так уж и жесток. В Кремле, очевидно, потеплело. Россия либерализуется. Так что нечего бойкотировать советскую науку, с русскими обо всем можно договориться - и о торговле, и о делах афро-азиатских, и о Шаранском-Гинзбурге. Именно этого эффекта в Москве и дожидаются, именно этого они там и хотят. Для того и десант литературный высаживают.

Но оставим большую политику и вернемся к нашей теме: закончим разговор о странностях любви. Итак, кумиры наши, хотя и по разным причинам, пошли на сделку с властью, на сделку с совестью. Но в конце концов и трусость Окуджавы, и циничный карьеризм Евтушенко ведут к одному итогу. Падение свершилось.

Ты раньше подавал надежды

Теперь одежды подаешь,

- писал молодой Евтушенко своему другу. Теперь мы можем адресовать эти строки самому автору. Отступничество от правды, от самого себя, карается высшим судом: поэт теряет талант. Окуджава не пишет больше стихов, поэзия Евтушенко последних лет превратилась в набор дешевых политических клише. И тем не менее недавние эмигранты из Советского Союза жаждут встречи со своими недавними кумирами. Что там ни говори, а лучшие стихи Евтушенко и Окуджавы по-прежнему берегут нашу память. Плывет из милого прошлого "Синий троллейбус", звучит "Молитва" /"Пока земля еще вертится..."/, приветно горит желтый глаз "Черного кота", того самого, который мышей не ловит, а "ловит нас на чест-

ном слове".

Найдутся слушатели, которые скажут, что им наплевать на то, как КГБ и партийные вожди используют поэзию. Важно, что эта поэзия существует. Другие, покупая билет на концерт, станут утешать себя тем, что стихи это одно, а поэт — другое. "Ведь Пушкин тоже не всегда... И Блок тоже..." Едва ли есть смысл оспаривать подобные аргументы. Как говорится: "Любовь зла..." Не собираюсь я и призывать к бойкоту концертов Окуджавы и Евтушенко. Хочу лишь сказать моим соотечественникам в Америке: ходите, слушайте, аплодируйте, но не забывайте: для вас это любовь, а для них государственное задание.

МАРК ПОПОВСКИЙ

Новое Русское Слово

15 марта 1979 год

ТЕМ САМЫМ

Новых эмигрантов другие и сами они друг-друга - так уж повелось-часто обвиняют в советскости мышления. Лично я родился, жил, начал думать и наконец стал свободным человеком в Советском Союзе: никаких особых духовных превращений на Западе со мной не произошло. От коммунизма я отказался тоже на Востоке. Кроме того, я склонен приходить к определенным мнениям и до тех пор, пока меня не убедили в их неверности, отстаивать их как истину - следовательно, противоположные мнения считать неверными. Не думаю, чтобы это относилось только к советскому воспитанию /советское воспитание, наоборот, внушает с детства безграничную, правда, несколько одностороннюю, толерантность, приспособляемость к чему угодно/, но если определенность мнения является признаком советского мышления /а мне и это приходилось слышать/, то так тому и быть: не отказываться же от самого себя во имя расцвета индивидуализма!

Но чего я не ожидал здесь встретить, особенно у новых эмигрантов, но на что натыкаюсь все чаще, - это на воскресающий среди них советский, даже сталинский стиль не чего - либо другого, а политического мышления, примерно - на "тот, кто не с нами, тот против нас". И особенно на применение этого принципа по отношению к искусству. А при этом вокруг такая проповедь аполитичности идет - иной раз даже не понятно, каким нас ветром в эмиграцию за-

несло.

Первая эмигрантская демонстрация партийности в литературе произошла в Париже на одном из выступлений А. Вознесенского. Демонстрация проходила с шумом и плакатами. На плакатах объявлялось, когда именно Вознесенский был, а когда перестал быть поэтом. Конечно это странно, что такие вопросы вдруг стали решаться с помощью плакатов — до сих пор считалось, что это дело требует более тонкой аргументации, чем позволяет этот жанр. Но эстетическая проблема как и положено в таких случаях, была тут вообще сбоку припека /"Поэтом можешь ты не быть..."/, была только приправой к политическому обвинению. Обвинялся же Вознесенский в том, что он дезинформирует западное общественное мнение. Чем? Да просто тем, что не отказывается от заграничных поездок и выступлений. Собственно никаких более конкретных обвинений не было, но было выведено, что тем самым он внушает западной публике, что СССР — свободная страна. Т.е. выражаясь юридическим языком сталинской эпохи, он не совершил преступления, но был "объективно вреден", вреден тем самым. Так сказать "лил воду на мельницу" ... По-видимому, по убеждению демонстрантов, он обязан был запереться в квартире и гремять от туда проклятиями: "Пошли вон, гады! Никуда я от вас не поеду!" Или вообще уехать в эмиграцию. В урочьих "романах" главный герой-любовник всегда урка. Выходит, что в наших — эмигрант?

Впрочем в статье Марка Поповского "Погово-

рим о странностях любви" /НРС от 15.3.79/ Вознесенский только один из "стаи славных" или из "троянского табуна", куда входят Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Владимир Высоцкий и... Булат Окуджава /о котором речь особо/. Теперь еще и Нагибин. Я по-разному отношусь к каждому из этих писателей /кстати, я ведь никогда не был поклонником Вознесенского/, но буду стараться где можно вообще избежать эстетических оценок. Разговор ведь не о литературе, а о правде и нравственности. Не хотел бы, чтобы эта моя статья и ее резкость /резкость будет/ была воспринята как просто выступление против Марка Поповского, талантливую, интересную, горькую и очень важную книгу которого "Управляемая наука" я как раз теперь читаю. Я выступаю только против тенденции, которая в его статье проявилась, к сожалению, наиболее ярко.

Конечно, наиболее уязвим для такой критики Евгений Евтушенко. Уязвим потому, что больше всех играл в эту игру - в хождение по канату между властями и публикой. Правда, я убежден, что и с властями он заигрывал чтоб иметь возможность нравиться публике. Публике он служил, и она это знала. Соответственно с ним и обращалась. Чуть что не так - затаптывала его в грязь, чуть "исправился" - бешено аплодировала. Все бы ничего, но жаль, что он заплатил за эту игру слишком дорого - слишком много истратил на нее сил, времени, забот и своего незаурядного таланта. Правда - эта игра принесла ему мировую славу - невиданную после Бай-

рона, — но думаю, он больше потерял, чем приобрел. Он сделался выразителем поневоле неопределенного, непостоянного, только пробуждавшегося после сталинщины общественного самосознания, а "должность" эта, как вы сами видите, — дело весьма ненадежное. Но он уже не мог остановиться — актерская установка /актеру иначе нельзя / на ближайшие аплодисменты заняла слишком большое место в его жизни и творчестве.

Может быть, при Хрущеве он и выполнял какие-то пропагандистские задания за границей? Думаю, что выполнял. Думаю, что тогда они не противоречили ни его, ни читательскому представлению о возможном и должном. /Это мы теперь такие умные/. Он наверняка считал, что борется за мир и за настоящую революционность, он и дома защищал именно ее. Читатель сердится на него не за то, что он делал за границей /он тогда бы это одобрил/, а за стихи, которые он оттуда привозил и которыми расплачивался с начальством.

Должен сказать прямо, что в этой статье Марк Поповский, как это ни странно, выступает как человек публики, как человек, расценивающий стихи и поэтов в зависимости от внешних обстоятельств. Стихи в мире его статьи существуют нравятся и перестают нравиться благодаря не своей живой сути, а внешним обстоятельствам: в зависимости от чего-то, в противовес чему-то, по сравнению с чем-то.

Не знаю, как ведет себя Евтушенко на своих заграничных выступлениях сегодня. Знаю, что

живется ему сейчас нелегко. Прочел это в его последней поэме, напечатанной в "Новом мире". В поэме есть много хорошего и талантливое — несмотря на чилийское обрамление. Знаю еще, что и в СССР, и на Западе живет много людей, чье развитие — и политическое, и даже эстетическое — началось с него. Я к этим людям не отношусь, но знаю, что неблагодарность — грех. И я вообще не верю, что на сегодняшнем Западе Евтушенко или кто другой могут сбить кого — либо с толку. Кроме тех, кто сам к этому стремится, но те и за Сергея Острового схватятся. Им вообще не надо доказательств — в любой момент высосут из пальца. Да и вообще при наличии в Госдепартаменте честного и благонамеренного Маршалла Шульмана, кому нужны в роли агитаторов советские писатели, которые в этом качестве были бы поневоле недостаточны и искренни? И если после того, как нам сообщили, что СССР испытал ракету, которую он не имел права даже разрабатывать, нас радуют другим сообщением, что скоро с ним будет окончательно подписано новое соглашение по этому вопросу, — то что к этому может добавить Евтушенко? И, тем более, Окуджава...

Появление в такой статье имени Окуджава поражает, как гром среди ясного неба. Чем провинился Окуджава? Впрочем, можно догадаться чем — тем самым. Сиди дома и не смей выезжать, а то неверно истолкуют. Так что уж если КГБ вас выпустит, то мы — на страже, с противоположной стороны.

Странно как-то. Защищать его? От кого? От

тех, которые звонят мне по телефону и хотят выяснить /почему-то полагают, что мне это известно/, придет ли Окуджава и будет ли он выступать? Как будто излишне. Правда, Поповский, от этого возражения обезопасился. Это — говорит он — странности нашей любви, ностальгия, ибо ностальгия — это тоска не по родине, как он полагает, а по собственному прошлому. Ведь вон же знакомые Поповского, имея возможность посмотреть в Карнеги Холл всю мировую киноклассику, тем не менее до сих пор считают классикой средний французский фильм "Колдунья" /с Мариной Влади/ — таким он им показался в их юности — после всякого рода "Кубанских казаков". Механизм прост: в юности была неинформированность, а теперь — тоска по юности. Так видимо, и Окуджава показался нам значительным после чего-нибудь вроде Лебедева-Кумача, а теперь у нас абберация из-за тоски по юности...

На это можно было бы возразить просто — не у всех такое релятивистское восприятие искусства. Некоторые не считали "Колдунью" классикой и тогда. Что же касается Окуджавы — то как быть с подростками? Поколения проходят за поколениями и начинают петь Окуджаву — а у них ведь нет той памяти, которую он мог бы разбедить. Видимо, что-то в этих песнях представляет не относительную, а абсолютную ценность. Видимо, это поэзия, искусство — и к этому вообще следует относиться иначе. Бережней что ли — как мы требовали от властей, живя в СССР.

Но Марк Поповский, говоря об Окуджаве, применяет к нему те же критерии, что и к Евту-

шенко: "...ничего особо крамольного он не пел, но и вполне советским его не назовешь", - чуть ли не недоумевают он. Но недоумение скоро рассеивается. "Нестандартный какой-то, слишком много толкует в стихах о "я" в то время, как полагается воспевать "мы". Все в порядке - теперь ясно, за что "мы" /не то "мы", что полагалось воспевать, но все же "мы"/ его любили за то, что делал непопознанное и говорил про "я". Такую любовь и впрямь нетрудно /да и не жалко/ утратить - тем более здесь на Западе, где все говорят про "я" - эка невидаль... А раз так - то все естественно - валяй и дальше делай непопознанное, раз тебя за это полюбили, нечего публику надувать...

Я не совсем уверен, что в эту игру с Окуджавава когда-либо в глубине души играл сам Поповский, но уж Окуджава в такие игры ни с кем не играл. Это вообще не про него. Он не делал ни попознанного, ни непопознанного, делал только должное - то, чего от него требовало искусство, - и никому никаких оснований для такой фамильярности не давал и не дает. Он просто писал и пел свои песни о том, что считал важным, и так, как считал нужным, - чем занимается и поныне. Правда, Поповский утверждает, что "Окуджава не пишет больше стихов", и связывает это с якобы имевшим место "отступничеством от правды". Но это неверно. Окуджава уже очень давно пишет стихи не очень часто, но пишет и теперь, и пишет хорошо.

Не говоря уже о том, что никакого отступничества от правды вообще не было. А что было ?

А вот что. Когда-то, в году 1972-м в издательстве "Посев" вышли две книги Окуджавы. От него требовали "отповеди". Он отказался, а потом после долгого и упорного нажима не выдержал - написал.

Это факт общеизвестный, лишний раз показывающий, какому давлению может подвергнуться в СССР даже знаменитый художник /тогда это произошло не только с Окуджавой/. Но особых последствий не было. Окуджава остался Окуджавой. Как он не был ни диссидентом, ни холуем, так и не стал.

Кстати, издательство "Посев", как мне известно, на него нисколько не обиделось за это письмо в "Литгазету".

Но Поповский не только возмущен. Он считает нужным сообщить и новые подробности этого события. Оказывается, когда общий коллега спросил в эти трудные дни у Окуджавы, зачем он написал это письмо, тот якобы ответил: "Боюсь нищеты".

Что касается содержания этого сообщения, то оно не потрясает. Во всяком случае меня. Я и сам боюсь нищеты, и пусть те, кто без греха, бросят в меня камень.

В связи с этим у меня большая личная просьба. Не столько к Поповскому, сколько ко всем, работающим в жанре "Воспоминания осведомленного человека". Я ничего не имею против этого жанра, но оберегайте имена и частные секреты всех доверившихся вам на родине людей. Не только таких, как Окуджава, а даже номенклатурных, если в какую-то минуту в них взяла верх чело-

веческая откровенность. Не обрекайте их на сожаление о том, что они с вами встретились. Кем бы они ни были! Не способствуйте увеличению зла и недоверия в мире. Но это к слову.

Ничего страшного и опасного Марк Поповский об Окуджаве не говорит и дальше — только неприятное. Иногда даже не от себя, а через мысли начальства о том, почему следует посылать Окуджаву за границу /что почему-то у Поповского связывается с этим злополучным письмом, хотя Окуджава стал ездить за границу намного раньше/: "...на Запад не сбежит, ибо духом слаб, да и любимый сын Булатик остается в Москве в качестве заложника".

У Окуджавы в Москве и у начальства /не смотря на это давнее письмо /вовсе нет репутации человека слабого духом. Да и с каких это пор вообще для писателя стало критерием силы духа — способность сбежать на Запад? /Я, например, оказался на Западе потому, что не выдержал, а не потому, что набрался сил./ А уж пассаж насчет сына — прежде всего, причем тут сын? Почему Окуджава должен пренебречь своей любовью к нему? Кто его имеет право к этому призывать и во имя чего?

Обсуждать тут нам особенно нечего. Кто может вообще сказать, что лучше для писателя /в плане выполнения им своей миссии/ — идти вабанк или изворачиваться и что-то свое печатать? Уходить в подполье или все-таки оставаться на поверхности? У каждого писателя своя судьба, за которую он сам непосредственно и недвусмысленно отвечает. Булат Окуджава дела-

ет и теперь то, что он делал раньше. Пишет и поет. А удается — печатает и записывается. Прозу еще пишет. Все это настоящая нужная всем работа. Никакой другой он никому не обещал. Вина его, по-видимому, в том, что он доказывает своими выступлениями, что в России есть литература. Но ведь она там на самом деле есть. Ее зажимают, ее приходится пробивать, но она есть. И каждый раз после того, как вещь пробили в печать, она начинает свидетельствовать в пользу тех, кто противился ее публикации. Парадоксально это? Да. Но это так. Я не знаю, что будет потом, но сейчас это так. Так что же — не пробивать, чтоб тем самым не искажать картину? А врачам, может, и людей не лечить — ведь это тоже поддерживает советскую власть, особенно если лечить хорошо? А может, вообще всем не жить для наглядности — ведь почти каждый, кто там живет, как-то сотрудничает с властью?

А ведь сидя за океаном и так можно решить — кто мешает?

Нет, я отнюдь не разделяю взгляда, что если человек приехал оттуда, то он вне критики. Но виноват он, если сам активно и направленно занимается дезинформацией, т.е. врет в глаза, а не врет тем самым. Впрочем, если его заставляют врать бестактными вопросами, ответы на которые вопрошателю известны, то вина его в значительной степени смягчается: он не лез, а ему возвращаться. Впрочем, я вообще не думаю, что перечисленных писателей посылают для пропаганды — максимум, это второстепенное дело.

Просто в какой-то момент руководство осталось совсем без классики, а понадобилось приблизить это поколение писателей. И как-то ввести их в ранг, приласкать, что сейчас неотъемлемо от загранпоездок. Вот и пускают. Да испугались еще, что сами уедут - особенно после отъезда А.Гладилина...

Да и так ли это хорошо с нашей стороны - продолжать работу всякого рода выездных комиссий - чтоб человек, наглотавшись нечистот на их заседаниях и, наконец, вырвавшись, попал в магнитное поле нашего недоброжелательства и быстро - еще быстрее, чем во время пятилеток, - возросшего культурного уровня?

И еще шире - хорошо ли вырывать пропасть между нами и нашей родиной, способствовать взаимному отчуждению, в котором может быть заинтересовано только КГБ? Стоит ли помогать ему нашими страстями, амбициями и самолюбиями? Это уже, если исключить вопрос о том, что у нас нет никакого права смотреть на наших оставшихся дома соотечественников свысока, внимательно следя за тем, достаточно ли они там героичны не оскоромливаются они иногда - если не прямо, то хотя бы тем самым. Тут ведь каждый может нам сказать: чем кумушек считать... И будет прав.

Статья Марка Поповского написана в оскорбительном тоне. Но ведь Окуджава не привык, чтобы с ним или о нем разговаривали в таком тоне. Правда, когда-то на заре его деятельности, его оскорбили в доме кино. Какие-то очень тонкие люди /в Москвкe всегда находились и сегодня

ня есть люди, которые и без Карнеги Холл ответственны за мировые стандарты/ вдруг начали кричать: "Пошлость". Что ж, Окуджава встал, вложил гитару в чехол и ушел, а они потом десять лет перед ним всем Домом кино безуспешно извинялись: ошибка вышла у них со стандартами. А что, если он и сейчас переоценит значение выступления Поповского и /надеюсь, этого не произойдет/ поступит так же: соберет вещички и на Москву-реку, что тогда? Ведь даже делегацию вслед не пошлешь с извинениями - не пустят. Я думаю, этого не произойдет, слишком для этого большим вниманием его везде окружают эмигранты всех волн, но, уверяю вас - я тоже осведомленный человек - он на это способен. Ведь на образ, нарисованный Поповским, он совсем не похож!

Поповский советует нам, даже аплодируя, помнить, что для вас это любовь / к своему украшенному прошлому, конечно/, а для Окуджавы - политическое задание. Я же советую полностью забыть о политической казуистике и просто верить тому, что вы слышите, тем чувствам, которые обязательно вызовут у вас его песни. Это не аберрация и не тоска по прошлому, это и здесь и там, и тогда и теперь. Это искусство, поэзия, боль, окрыленность. А если уж обязательно что-нибудь при этом помнить, помните, что перед вами большой художник, встреча с которым всегда праздник, чудо, удача.

Наум Коржавин

НРС, 8 апреля 1979

ЕЩЕ РАЗ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Весной 1965 года, воспользовавшись некоторым замешательством, которое возникло среди власть предержащих после падения Хрущева, получил я из архива КГБ следственное дело академика Николая Вавилова. Стали известны подробности истязаний, которым подвергался во время следствия величайший русский биолог, история его смерти от голода в тюрьме. Я написал по этим материалам первые главы книги "Дело Вавилова" и пустил их в Самиздат. В "Предисловии историка" я требовал предать суду академика Лысенко, который, по сути, погубил Вавилова. Времена сразу после Хрущева были сравнительно либеральные. В 1966 году удалось даже создать при Академии наук Вавиловскую меморальную комиссию, куда я вошел в качестве одного из членов. Так что начало казаться даже, что справедливость вот-вот восторжествует и мы действительно увидим суд над одним из сталинских злодеев. В эти дни ко мне все чаще стали обращаться знакомые и незнакомые, которые по телефону, при встрече в редакциях или в гостях задавали один и тот же вопрос: какого собственно, приговора для Лысенко я стану добиваться? Расстрела? Тюрьмы? "Очевидно, вас пригласят как общественного обвинителя, - говорил мне профессор из Ленинграда, сам подвергавшийся в сталинско-лысенковские времена преследованиям. - Так вы обратите все - таки внимание, что Трофим Денисович уже старый человек. Пожалейте его". "Имейте в виду, - гово-

рила другая ученая дама из вавиловского окружения, - Лысенко вовсе не бездарный человек . Нельзя сбрасывать со счетов его ранние работы по изучению световой стадии".

На все это я отвечал, что, во-первых, суда скорее всего не будет, а во-вторых, в этом деле важен не приговор, а разбирательство. Общество должно разобраться в том, что именно с ним произошло в 30-е - 40-е годы, как это случилось, что гения убили, а злодея возвеличили. Если, глядя на художества Лысенко, общество наше поймет себя, свои прошлые заблуждения, то может статься, что в будущем мы избежим повторения подобных коллизий. С такой задачей я и работал над книгой о трагедии Вавилова: думал прежде всего о том, как мы - потсмки - должны относиться к поведению Лысенко и Вавилова, какой опыт должны мы извлечь из той давней мистерии.

Тринадцать лет спустя я вложил ту же самую немудреную мысль в свою статью "Поговорим о странностях любви" /НПС от 15 марта 1979 г./. В статье говорил я не о России в целом, а только об узком берегу нашей прошлой жизни, о поэзии, о любимых поэтах. Я знал и эту поэзию и этих поэтов и надеялся, что приведенные факты и доказательства помогут моим соотечественникам понять: то, что они любили и любят по сей день, к сожалению, подверглось загрязнению ; поэты, которых мы боготворили, предали себя и тем самым нас, своих читателей и почитателей. Я попытался дать эмигрантам из СССР факты для того, чтобы когда они будут оглядываться на-

зад на свое прошлое, они видели его незамутненным взором.

Но все повторилось почти точно так же, как после первых глав Вавилова. Мне звонили знакомые и незнакомые и спрашивали: "Вы действительно против Евтушенко и Окуджавы? Вы их ненавидите? Но ведь они талантливые?... А у Высоцкого есть такие трогательные песни..." Другие подходили ко мне, чтобы пожать руки и сказать: "Правильно вы их прохвалити, этих гадов! Гнать их надо из Америки! Гнать их надо грязной метлой!" Но я ничего подобного не писал и гнать никого не собирался. И противники и доброжелатели услышали не то, что было сказано в моей статье, а то, что им хотелось услышать.

Это не недоразумение, это - закономерность. После шестидесяти лет тиранической власти нравственное чувство, нравственная оценка поступков перестали быть решающими в нашем обиходе. Возник другой, по существу государственный подход к личности: "Этот ученый профессионально хорош, тот поэт профессионально плох". Профессиональная оценка вытеснила, заслонила понятие о порядочности и непорядочности. Нравственная оценка человеческих поступков стала казаться большинству из нас слишком строгой. Советский человек привык поступать не по совести, а по обстоятельствам. Он хочет, чтобы и оценили его по обстоятельствам, "по силе возможности". Разговоры о нравственности его раздражают, он хочет видеть ситуацию более простой, привычной, приземленной. Автор статьи

критикует Евгения Евтушенко? Значит, был между ними какой-нибудь скандалчик, что-то не поделили. И сразу сколачиваются читатели в две монолитные группы: "За Евтушенко" и против него. Для обеих групп разговоры о странностях любви - ерунда, выдумка. Какие там странности. Все просто... К сожалению, этому соблазну глупоты поддался и наш оппонент Наум Коржавин.

Он начал статью "Тем самым" /НПС от 8 апреля/ с обещания не уводить нас в сторону, не касаться эстетических оценок, то есть качества стихов Евтушенко, Окуджавы и других приехавших в Америку поэтов. "Разговор ведь не о литературе, а о правде и нравственности. Очень хорошо. Главная тема моей статьи действительно об этом, о том как нам совместить наши прежние чувства с нынешним советским литературным десантом, который высаживается на американский берег с политическими целями. Но едва дав свое обещание, Коржавин тут же с ходу его забыл. Как истинный поэт, он с увлечением заговорил о том, какие хорошие поэты приехали в последнее время в США и какие славные стихи они пишут. Вот к примеру Евтушенко недавно опубликовал поэму "В новом мире". В ней есть много хорошего и талантливое несмотря на "чилийское обрамление". А в песнях Окуджавы что-то "представляет не относительную, а абсолютную ценность. Видимо, это поэзия, искусство - и к этому вообще следует относиться иначе. Бережней, что ли...". Потом еще о незаурядном таланте Евтушенко и его мировой славе, невиданной после Байрона. А вот Поповский, тот сов-

сем в поэзии не разбирается...

Вероятно, все это правильно, но беда в том, что эти рассуждения не имеют никакого отношения к обсуждаемой проблеме. То, что Евтушенко и Окуджава весьма популярные поэты, никто не оспаривает. Иначе бы их сюда не послали. Островой и Софронов тоже ездят по заграницам, но всерьез говорить об этих посланцах не приходится. От их литературных встреч проистекают только смешные анекдоты /Островой в в Королевской библиотеке в Стокгольме долго искал свои стихи, не нашел и долго негодовал по этому поводу. Много и других тем, решительно никак не связанных с поднятой нами проблемой, затрагивает в своей статье Наум Коржавин. Он пишет о том, как следует составлять воспоминания об исторических лицах; о том, как Булат Окуджава относится к своему младшему сыну и какую сочиняет прозу; какой скверный советник Маршал Шульман работает в Госдепартаменте; надо ли задавать бестактные вопросы приезжающим из СССР и, наконец, обсуждает трудное положение руководителей Советского Союза, которые которые совсем остались без классики...

Простим поэту его многомыслие и зададимся все-таки вопросом: можно ли считать появление группы советских поэтов и бардов на американском берегу в последнее время десантом, выполняющим задание Идеологической комиссии ЦК, или просто поэты наши решили совершить моцион и случайно завернули на огонек в Нью Йорк? " Я вообще не думаю, что перечисленных писателе й посылают для пропаганды", - отвечает Коржавин.

А зачем же их посылают? По мнению Коржавина, в ЦК решено указанных выше писателей "приласкать, что сегодня неотделимо от заграничных поездок". Ну, что же, с этим спорить не приходится: партия решила приласкать Булата Окуджаву, так же как она прежде приласкала Евтушенко и Вознесенского. И как правильно считает мой оппонент, такие ласки неотделимы нынче от заграничных поездок. Ибо не просто так, не для удовольствия писателей и поэтов необходимы такие поездки за рубеж. Они есть, с одной стороны, награда за верность, а с другой задание.

ЦК КПСС и его отделы, а соответственно сотрудники КГБ отлично знают, кого ласкать следует и кого не надо. Живет в Москве член союза писателей СССР, автор многих прозаических книг Инна Варламова. Варламова — тяжело больной человек. Из трех коронарных артерий, питающих сердце, две у нее отказали. В соединенных штатах таких больных оперируют. Осенью 1978 года двоюродный брат Варламовой, живущий в Америке, договорился с врачами о такой операции и послал своей кузине вызов. Но КГБ отказало писателю Варламовой в поездке. Отказало именно как писателю. Потому что незадолго перед тем Варламова опубликовала свою повесть за границей /"Мнимая жизнь" в журнале "Время и мы"/. ЦК и КГБ мстят больной женщине за то, что она раз в жизни решила произнести свое слово без их цензуры. Варламову власти не приласкают. Оттого, что она вылечится и жизнь ее продлится, им проку нет. И то, что отка-

зав ей в визе, они ее убивают, ЦК - КГБ тоже безразлично. Заграничные поездки, особенно в Америку, не для таких припасены. Подобных историй, когда гражданину СССР надо поехать за границу по собственным делам, а его не выпускают, знаю я десятки. А их в Советском союзе не десятки, а десятки тысяч. Не пускают ученых, желающих ехать на научные конгрессы, матерей к дочерям, женихов к невестам, писателей для сбора литературного материала. И тут нет никакой случайности. Ибо из Советского Союза за границу едут только свои люди, едут только по казенной надобности. Отбор тех, кто начинает ездить, имеет самое простое отношение к нравственному лицу выделенного и отобранного. Прежние, памятные нам стихи Булата Окуджавы после того, как он начал ездить за границу по правительственным заданиям, не стали хуже. Но сам он хуже стал. Он очень не глупый человек и хорошо знает правила игры. Правила же состоят в следующем. Как профессионал писатель в СССР может существовать только в системе постоянных, ежедневных компромиссов с властью. На эти компромиссы порядочный человек идет скрепя сердце, потому что иначе он просто не может заработать пером ни копейки. Он идет на сговор с бессовестным редактором и бессовестным цензором, чтобы кормить семью. Что сказать об этих компромиссиках? К ним как-то притерпелись. Их можно понять. Хотя и не следовало бы... Но вот писатель возжелал сладенького: дачу, квартиру в шикарном доме, автомобиль последней марки и, конечно же, за-

граничную поездку. И тут ставка сразу вырастает в сотни раз. Тут уж не о компромиссе речь а о продаже оптом и в розницу. Покупатели душ еще кобенятся: желающих-то пруд пруди. Нужны же не все, а люди отборные, в частности, для индивидуальных поездок в капиталистические страны нужны люди, имеющие в прошлом конфликты с советской властью. Нужны казовые либералы. Продажа либеральной репутации писателя на западном интеллектуальном и политическом рынке — главная сегодняшняя задача советской пропаганды. Ибо верят сегодня на Западе только им. Симонова, Суркова, Софронова сегодня никто слушать не станет. Нужны "противники режима". Да такие, чтобы, воспаряя, они оставались на привязи, а ниточка, привязанная к лапке, пребывала в руках Идеологической комиссии ЦК КПСС.

Почему-то Наум Коржавин не захотел обратить внимание на этот тезис моей статьи. А в нем как раз и разгадка вопроса. Всяк едущий из СССР за границу по туристической путевке или в группе специалистов направляется в вояж под присмотром тайного агента, а то и нескольких. Литературные десантники едут поодиночке. Им доверяют. И они в свою очередь должны вызвать доверие у западной публики. А для этого им надлежит публично намекать на несогласие с советской политикой, вспоминать прошлые преследования. Евтушенко эти трюки производит артистически. Высоцкий работает грубовато, но тоже ничего. Выступая в городе Элизабет / Нью Джерси, между песнями ввертывал много значи-

тельно: "Там я пою для узкого круга, здесь у меня большая аудитория. А поэту, как вы знаете, нужен слушатель. Так что я благодарен вам больше, чем вы мне". Публика польщена, публика верит и аплодирует. Окуджава, конечно, так грубо не работает. Литературная стипендия имени Булата Окуджавы в одном из западных университетов США - это другое дело. Интеллигентно. И не сразу догадаешься, где именно возникла и разработала эта акция. Удастся ли московским десантникам обманывать американское общественное мнение? Наум Коржавин пишет: "Я вообще не верю, чтобы на сегодняшнем Западе Евтушенко или кто другой могут сбить кого-либо с толку. Кроме тех, кто к этому стремится". К сожалению, попасть в сети советской пропаганды стремится немало народа. Но не о них речь. Речь идет о нас. Как нам преодолеть разлад в нашем собственном сердце, что нам делать с любовью к этим стихам и этим песням, которые были стихами и песнями нашей юности? Любовь, как известно, не картошка... С болью с горечью думаю я о тех, кто предал себя и нас и ничего, по сути, не могу подсказать своим соотечественникам. Очевидно, каждый должен решать для себя эту проблему сам. Несколько человек здесь в Нью Йорке говорили мне в эти дни: "Я согласен с вашей статьей, но тем не менее я купил билет на концерт Окуджавы. Я люблю его, люблю его песни". Ну что ж, их можно понять. Гораздо труднее мне понять Наума Коржавина, который, не замечая всей серьезности нашего раздумья, продолжает горя-

читься: "Так что же писателям не печататься ? Так что же, им не ездить за границу?". Не знаю. Это каждый решает сам. Я, например, с 1964 года писал книги в стол, а за границу не ездил вовсе. И не я один. Впрочем, мы маленькие люди. Вспомним-ка лучше Анну Андреевну Ахматову. Сорок лет не публиковала она своих стихов в советское время. За границу же поехала не по заданию ЦК, а тогда, когда сама решила ехать, после того, как с глубоким почтением пригласили ее в Италию поклонники ее таланта. И Корней Иванович Чуковский не ездил в советскую пору по заграницам, ибо был умен и не хотел платить за это подлостями. Поехал лишь однажды по приглашению Оксфордского университета, получить степень доктора. И, выступая в Англии, докторскую мантию свою ложью не замарал.

Как не вспомнить в том же ряду Осипа Мандельштама и Марину Цветаеву? Марина, вынужденная поневоле ехать из Франции в СССР в 1939 году, писала подруге: "Здесь, "в Париже/ я не нужна. там я невозможна". Она знала, что невозможно честному и талантливому поэту жить и работать в Советском Союзе. И невозможность эту не пыталась она преодолеть компромиссом. Петлю предпочла. Так вот вели себя настоящие российские классики в совсем еще недавние времена. На сладенькое не зарились. Были поэтами, но прежде всего были людьми. Впрочем, "у каждого писателя своя судьба, за которую он сам непосредственно и недвусмысленно отвечает", - как справедливо заметил Наум Коржавин.

На этом следовало бы поставить точку. Но хочется мне все-таки понять моего оппонента, разобратся, зачем пустился он в неблагодарное предприятие: прикрывать грудью чужеземный политический десант? Неужто и впрямь полагает он, что если Евтушенко и Окуджава умеют писать хорошие стихи, то по части совести с них уже и спрашивать нельзя? Нет, все было проще: не расслышал меня Наум Коржавин. Пробежал глазами статью, увидел, что задеты поэты, его коллеги, люди одаренные, и с привычной своей горячностью и бескорыстием бросился в бой. А защищать-то, собственно, и некого. Ибо речь шла не о поэзии и поэтах, а о десанте, о политических дельцах. Вот куда заносят странности любви. Перед нами тот самый случай, когда не хотим мы и не умеем выслушать друг друга. Не внемлем аргументам собеседника. Не слышим. У натур поэтических это особенно часто случается. Даже и не в эмиграции. Советский поэт Илья Сельвинский /1899 - 1968/ это качество даже в принцип вводил:

Им нужно доказательство,
ученым,

Мне этого не нужно. Я —
поэт.

Новое Русское Слово, 14 апреля 1979 год

СКОЛЬКО СТОИТ БИЛЕТ НА ОКУДЖАВУ ?

Статья Наума Коржавина "Тем самым" в воскресном номере НРС от 8 апр. вносит элемент дискуссии в вопрос, ясный как Божий день. Он предлагает рассматривать выступление Булата Окуджавы как факт, имеющий отношение к искусству и только к искусству, а всякую иную его трактовку - как пережиток советской тоталитарной идеологии, всюду вносящей политику. Между тем, политический аспект этого дела несомненен. Политику внес сюда не автор статьи "Поговорим о странностях любви" Марк Поповский, а сам бард.

Коржавин забывает одно немаловажное обстоятельство. Выступление Окуджавы в Квинс колледже было бесцензурным: было прочтено и спето, что не прочитать, не услышать советский человек не может легально. Окуджава предстал перед аудиторией в "экспортном" варианте. Для подавляющей массы слушателей цена за этот концерт выражается не только в долларах, - за него заплачено эмиграцией. Не слишком ли дорогая это цена за какого-нибудь "Ваньку-Морозова"?

Другой вопрос: сколько и чем заплатил - и еще заплатит - за это сам автор. Коржавин говорит, что Окуджава стал, так сказать, пассивным объектом обожания властей, пожелавших сместить уже расстрелянную обойму советских классиков, и вины его в этом нет. Но вот в "Нью Йорк Таймс" было написано, что Окуджава - член партии. У нас нет оснований не верить солидной американской газете. Значит Окуджава не

только терпит ухаживания, но и идет им навстречу. Не только терпит игру, но и подыгрывает.

Что происходит с советскими классиками, слишком известно. Илья Эренбург сидел в Париже и "наезжал" в Москву. Прошло сколько-то лет, и вот уже не узнать в авторе "Оттепели" автора "Хуренито"; выдерживают ли сравнение беззубые "Японские впечатления" с блистательной "Визой времени"?

"Москва" и "Париж" — несовместимы, так же, как Москва и Нью Йорк. Это не выдумка коммунистических идеологов, а так оно и есть.

Коржавин говорит, что Окуджава "уже давно пишет стихи не очень часто", но пишет при этом хорошо. Не нужно быть пророком, чтобы сделать простенькое предсказание: чем чаще на казенный счет он будет наезжать в Нью Йорк, тем хуже будет он их писать. Хотя может быть и чаще.

Коржавин неправ еще в одном: он утверждает, что наиболее подходящим объектом соответствующей критики можно считать разве что Евтушенко. По своему Евтушенко искренен. Он в самом деле считает, что Пиночет плохой, а Фидель Кастро хороший. Что можно сказать о человеке, поставившем в один ряд Пушкина, Льва Толстого и Ленина /"Братская ГЭС"/?

Окуджава не производит впечатление глупца, поэтому и спрос с него другой. Как и с Аксенова с Нагибиным. Кстати, Аксенов это понимает и после своих зарубежных вояжей выпускает "Метрополь". Он знает, что поддержать свою честь писателя в СССР может, только проявив некоторую строптивость.

И пусть Окуджава вспомнит хотя бы об этом

своим коллеге. Даже не о другом, которого хотели убить отравленной сигаретой.

Да и с Аксеновым не так все просто. Блестящий его талант не сможет развернуться в полную силу при ориентации на советскую печать. Он может сочинять какие-угодно "мениппеи" /Поиски жанра, но "Мастера и Маргариту" все равно не напишет /а ведь способен!/. Смешно сопоставлять "Стальную птицу" хотя бы с "Рыжиканом" Владимира Корнилова.

Коржавин пишет, что Окуджава может оскорбиться и зачехлить гитару. Признаюсь, мне бы это показалось наилучшим выходом - для Окуджавы. Оскорбительна не статья Поповского, а ситуация в которую поставил себя сам Окуджава. Неужели он не понимает, что в Квинс колледже он не пел, а плясал? Под советскую дудку.

Я однажды написал статейку "Книгу - в массы!" /НРС, 4 февраля с.г./, в которой выразил ироническое /подчеркиваю - ироническое/ восхищение доступностью в Америке для эмигрантов редких советских изданий. Но ведь там шла речь о Сологубе и Ахматовой. Их нет в живых, и сказать они ничего не могут. Но вспомним, как отреагировал Солженицын на "издание" его книг для "узкого круга" чиновников ЦК. Что ж, Булат Окуджава только лишний раз доказал то, что и так ясно: он - не Солженицын. И даже - не "наследник" его, как мнит о себе Евтушенко.

Речь сейчас не о нем, а о Коржавине. Почеловечески понять Коржавина очень легко: он хочет избыть трагедию, сделать вид, что ничего

не произошло, жить как ни в чем не бывало. Никто не мешает ему встретиться с Окуджавой приватно и за товарищеской беседой предаться иллюзии о непрерывности существования. Но, что бы там ни говорили, эмиграция - беда, несчастье. И нужно уважать свое несчастье, быть на его высоте. Я удивлен, что этого не понимает поэт Коржавин.

БОРИС ПАРАМОНОВ

Новое Русское Слово, 18 апреля 1979 года

РУССКИЕ БАРДЫ

Владимир ВЫСОЦКИЙ

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

Я когда-то умру,
Мы когда-то всегда умираем,
Как бы так угадать,
Чтоб не сам, чтобы в спину ножом.
Убиенных щадят,
Отпевают и балуют раем,
Не скажу о живых,
А покойников мы бережем.

В грязь ударю лицом,
Завалюсь покрасивее набок,
И ударит душа
На ворованных клячах в галоп.
В дивных райских садах
Наберу бледно-розовых яблок,
Жаль, сады сторожат
И стреляют без промаха в лоб.

Прискакали. Гляжу:
Пред очами не райское что-то,
Неродящий пустырь
И сплошное ничто - беспредел...
И среди ничего
Возвышались литые ворота,
И огромный этап
У ворот на ворота глядел.

Как ржанет коренной,
Я смирил его ласковым словом
Да репы из мочал
Еле выдрал и гриву заплел.
Седовласый старик
Что-то долго возился с засовом
И кряхтел, и ворчал,
И не смог отворить, и ушел.

И огромный этап
Не издал ни единого стона,
Лишь на корточки вдруг
С занемевших колен пересел.
Здесь малина, братва,
Оглушила малиновым звоном,
Все вернулось на круг,
И распятый над кругом висел.

И апостол-старик
Он над стражей кричал, комиссарил,
Он позвал кой-кого,
И затеяли вновь отворять.
Кто-то палкой с винтом,
Поднатужась, об рельсу ударил.
И как ринулись все
В распрекрасную ту благодать.

Я узнал старика
По слезам на щеках его дряблых -
Это Петр старик,
Он - апостол, а я - остолоп.

Вот и кущи-сады,
В коих прорва мороженных яблок,
Но сады сторожат
И стреляют без промаха в лоб.

Всем нам благо подай
Да и много ли требовал я благ.
Мне - чтоб были друзья,
Да жена чтобы пала на гроб,
Ну, а я уж для них
Наворую бессемечных яблок,
Жаль, сады сторожат
И стреляют без промаха в лоб.

В онемевших руках
Свечи плавилась, как в канделябрах,
А тем временем я
Снова поднял лошадок в галоп.
Я набрал, я натряс
Этих самых бессемечных яблок.
И за это меня
Застрелили без промаха в лоб.

И погнал я коней
Прочь от мест этих гиблых и зяблых.
Кони - головы вверх,
Но и я закусил удила.
Вдоль обрыва с кнутом,
По-над пропастью. Пазуху яблок
Я тебе привезу...
Ты меня и из рая ждала.

ПРО РЕЧКУ ВАЧУ

Под собою ног не чую,
И качается земля,
Третий месяц я бичую,
Так как списан подчистую
С китобоя-корабля.
Ну, а так как я бичую,
Беспартийный, не еврей,
Я на лестницах ночую,
Где тепло от батарей.

Это - жизнь: живи и грейся,
Хрен вам пуля и петля,
Пью, бывает, хоть залейся,
Кореша приходят с рейса
И гуляют от рубля.
Рупь - не деньги, рупь - бумажка,
Экономить-тяжкий грех.
Ах, душа моя тельняшка,
В сорок пóлос - семь прорех.

Но послал Господь удачу,
Заработал свечку он,
Увидав, как горько плачу,
Он сказал: Валяй на Вачу!
Торопись, пока сезон.
Что такое эта Вача, разузнал я у бича.
Он на Вачу ехал, плача -
Возвращался, хохоча.

Ваца - это речка с мелью
Во глубине сибирских руд,
Ваца - это дом с постелью,
Там стараются артелью,
Много золота берут.
Как вербованный ишачу,
Не ханыжу, не торчу,
Взял билет - лечу на Вацу,
Прилечу - похохочу.

Нету золота богаче,
Люди знают - им видней,
В общем, так или иначе,
Заработал я на Ваце
Сто семнадцать трудодней.
Подсчитали, отобрали
За еду, туда - сюда,
Но четыре тыщи дали
Под расчет - вот это да!

Рассовал я их в карманы,
Где и рупь не ночевал.
И уехал в жарки страны,
Где конфеты-рестораны...
Позабыть, как бичевал.
Выпью - там такая чача! -
За советчика-бича.
Я на Вацу ехал - плача,
Возвращаюсь - хохоча.

Проводник, в преддверьи пьянки
Извертелся на пупе.

То же и официантки.
А на первом полустанке
Села женщина в купе.
Может, вам она, как кляча,
Мне - дак просто в самый раз!
Я на Вачу ехал - плача,
Возвращаюсь - веселясь.

То да се, да трали-вали,
Как узнала про рубли,
Слово по слову, у Вали
Деньги по столу шныряли...
С Валею вместе и сошли.
С нею вышла незадача -
Я и это залечу...
Я на Вачу ехал - плача,
Возвращаюсь - хохочу.

Суток шесть, как просквозило,
Море!.. Вот оно стоит,
У меня - что было - сплыло.
Проводник воротит рыло
И за водкой не бежит.
Рупь последний в Сочи трачу,
Телеграмму накатал:
Шлите денег - отбатрачу,
Я их все прохохотал.

Где вы, где вы, рассыпные?
Хоть ругайся, хоть кричи,
Снова ваш я, дорогие,
Магаданские, родные, незабвенные бичи.

Мимо носа носят чачу,
Мимо рта - алычу,
Я на Вачу еду - плачу,
Над собою хохочу.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПЕРЕДАЧИ
"ОЧЕВИДНОЕ И НЕВЕРОЯТНОЕ" ИЗ СУМАСШЕДШЕ-
ГО ДОМА С КАНАТЧИКОВОЙ ДАЧИ

Дорогая передача!
Во субботу, чуть не плача,
Вся Канатчикова Дача
К телевизору рвалась.

Вместо чтоб поесть, помыться,
Там, это, уколотся и забыться,
Вся безумная больница
У экранов собралась.

Говорил, ломая руки,
Краснобай и баламут
Про бессилие науки
Перед тайною Бермуд.

Все мозги разбил на части,
Все извилины заплел -
И канатчиковы власти
Колют нам второй укол.

Уважаемый редактор!
Может, лучше про реактор,
Там, про любимый лунный трактор?
Ведь нельзя же, год подряд
То тарелками пугают,
Дескать, подлые летают,

То у вас собаки лают,
То руины говорят.

Мы кой в чем поднаторели.
Мы тарелки бьем весь год,
Мы на них уже собаку съели,
Если повар нам не врет.

А-а-а-а!.. А медикаментов груды
Мы - в унитаз, кто не дурак.
Вот это жизнь! И вдруг-Бермуды...
Вот те раз! Нельзя же так.

Мы не сделали скандала -
Нам вождя недоставало.
Настоящих буйных мало -
Вот и нету вожаков.

Но на происки и бредни
Сети есть у нас и бредни
И не испортят нам обедни
Злые происки врагов.

Это их худые черти
Мутят воду во пруду,
Это все придумал Черчилль
В восемнадцатом году.

Мы про взрывы, про пожары
Сочинили ноту ТАСС,
Но примчались санитары -
И зафиксировали нас.

Тех, кто был особо боек,
Прикрутили к спинкам коек,
Бился в пене параноик,
Как ведьмак на шабаше:

Развяжите полотенцы,
Иноверы, изуверцы!
Нам бермудорно на сердце
И бермутно на душе.

Сорок душ посменно воют,
Раскалились добела,
Во, как сильно беспокоют
Треугольные дела.

Все почти с ума свихнулись,
Даже кто безумен был,
И тогда главврач Моргулис
Телевизор запретил.

Вон он, змей, в окне маячит,
За спиною штепсель прячет,
Подал знак кому-то, значит,
Фельдшер вырвет провода.

Что ж нам осталось? Уколоться
И упасть на дно колодца,
И там пропасть на дне колодца,
Как в Бермудах, навсегда...

Ну, а завтра спросят дети,
Навещая нас с утра:

"Папы, что сказали эти
Кандидаты в доктора?"

Мы откроем нашим чадам
Правду, нам-не все равно.
Скажем - удивительное рядом,
Но оно запрещено.

Вон дантист-надомник Рудик,
У него приемник Грюндиг,
Он его ночами крутит,
Ловит, контра, ФРГ.

Он там был купцом по шмуткам
И подвинулся рассудком,
И к нам попал в волнение жутком
И с номерочком на ноге.

Он прибежал, взволнован крайне,
И сообщением нас потряс:
Будто наш научный лайнер
В треугольнике погряз.

Сгинул, топливо истратив,
Прямо распался на куски
И двух безумных наших братьев
Подобрали рыбаки.

Те, кто выжил в катаклизме,
Пребывают в пессимизме,
Их вчера в стеклянной призме
К нам в больницу привезли...

И один из них, механик,
Рассказал, сбжав от няnek,
Что бермудский многогранник –
Незакрытый пуп земли.

Что там было? Как ты спасся?
Каждый лез и приставал.
Но механик только трясся
И чинарики стрелял.

Он то плакал, то смеялся,
То щетинился, как еж.
Он над нами издевался,
Ну, сумасшедший, что возьмешь?

Взвился бывший алкоголик,
Матерщинник и крамольник,
Надо выпить треугольник,
На троих его даешь!..

Разошелся, так и сыпет –
Треугольник будет выпит!
Будь он параллелепипед,
Будь он круг, едрена вошь!

Больно бьют по нашим душам
Голоса за тыщу миль,
Мы зря Америку не глушим,
Ой, зря не давим Израиль.

Всей своей враждебной сутью
Подрывают и вредят.

Кормят, поют нас бермутью
Про таинственный квадрат.

Лектора из передачи,
Те, кто так или иначе,
Говорят про неудачи
И нервируют народ,

Нас берите, обреченных.
Треугольник вас, ученых,
Превратит в умалишенных,
Ну, а нас - наоборот.

Пусть безумная идея,
Вы не рубайте сгоряча,
Вызывайте нас скорее
Через гада главврача.

С уваженьем. Дата, подпись.
Отвечайте нам - а то,
Если вы не отзоветесь,
Мы напишем в Спортлото.

В КОНЦЕ ПУТИ ПРИДЕТСЯ РАССЧИТАТЬСЯ

Твердил он нам: моя она!
Да ты смеешься, друг, да ты смеешься.
Уйди, пацан, ты очень пьян,
А то нарвешься, друг, гляди, нарвешься!
А он кричал: теперь мне все одно,
Садись в такси - поехали кататься,
Пусть счетчик щелкает,

Пусть, все равно —
В конце пути придется рассчитаться

Не жалко мне таких парней.
Ты от греха уйди — твержу я снова,
А он ко мне — и все о ней.
А ну, ни слова, гад, гляди, ни слова.
Ударил в виски мне кровь с вином
И так же продолжая улыбаться,
Ему сказал я тихо: все равно
В конце пути придется рассчитаться.

К слезам я глух и к просьбам глух,
В охоту драка мне, ох, как в охоту!
И, хочешь, друг, не хочешь, друг,
Плати по счету, друг, плати по счету.
А жизнь мелькает, как в немом кино,
Мне хорошо, мне хочется смеяться,
А счетчик шелк да шелк, да шелк да шелк,
Да все равно —
В конце пути придется рассчитаться.

ФОРМУЛИРОВКА

Вот раньше жизнь —
И вверх, и вниз, идешь без конвоиров,
Покуришь план, пойдешь на бан
И щиплешь пассажиров.
А на разбой берешь с собой
Надежную шалаву,
Потом за грудь кого-нибудь
И делаешь Варшаву.

Пока следят, пока грозят,
Мы это дело переносим,
Наелся всласть, но вот взялась
Петровка, тридцать восемь.
Прошел детдом, тюрьму, приют,
И срока не боялся,
Когда ж везли в Народный суд,
Немного волновался.

Зачем нам врут: Народный суд,
Народу я не видел...
Судье простор,
И прокурор тотчас меня обидел.
Ответил на вопросы я,
Но приговор с издевкой
И не согласен вовсе я
С такой формулировкой.

Не отрицаю я вины,
Не в первый раз садился,
Но написали, что с людьми
Я грубо обходился.
Неправда! Тихо подойдешь,
Попросишь сторублевку,
Причем тут нож, причем грабеж,
Меняй формулировку.

Эх, был бы зал,
Я б речь сказал:
Товарищи родные!
Зачем пенять, ведь вы меня
Кормили и поили.

Мне каждый деньги отдавал
Без слез, угроз и крови,
Огромное спасибо вам за все,
На добром слове.

И этот зал мне б хлопать стал
И я б, прервав рыдания,
Им диким голосом сказал:
Спасибо за вниманье.
Ну, правда ведь, неправда ведь,
Что я - грабитель ловкий,
Как людям мне в глаза смотреть
С такой формулировкой.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Нам ни к чему сюжеты и интриги,
Про все мы знаем, про все, чего не дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю кодекс уголовный наш.

И если мне нейдет и не спится
Или с похмелья нет на мне лица,
Открою кодекс на любой странице
И не могу - читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я, разбой у них в чести,
Вот только-что я прочитал про это:
Ни ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки,
Что нам романы всех времен и стран!

В них все: бараки, длинные, как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман.

Сто лет бы мне не видеть этих строчек,
За каждой вижу чью-нибудь судьбу.
И радуюсь, когда статья - не очень,
Ведь все же повезет кому-нибудь.

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится, стучится,
Как мусора, когда приходят брать.

ОТДАЙТЕ МНЕ ЕГО РЕБЯТА...

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды - проклятая дата -
Его привел с собою и сказал:
Со мною он - нальем ему, ребята...
Его привел с собою и сказал:
Со мною он - нальем ему, ребята...

Он пил, как все, и был, как будто, рад.
А мы, а мы его мы встретили, как брата,
А он назавтра продал всех подряд,
Ошибся я, простите мне, ребята.
А он назавтра продал всех подряд,
Ошибся я, простите мне, ребята.

Суда не помню, было мне не в мочь,
Потом барак, холодный, как могила,
Казалось мне - кругом сплошная ночь,
Тем более, что так оно и было.

Казалось мне - кругом сплошная ночь,
Тем более, что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил,
Он думает - отсюда нет возврата.
Он слишком рано нас похоронил,
Ошибся он, поверьте мне, ребята.
Он слишком рано нас похоронил,
Ошибся он, поверьте мне, ребята.

И день наступит, ночь не на года,
Я попрошу, когда придет расплата,
Ведь это я привел его тогда -
Он мой, отдайте мне его, ребята.
Ведь это я привел его тогда -
Он мой, отдайте мне его, ребята.

ВСЕ УШЛИ НА ФРОНТ

Нынче все срока закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены,
Надпись: все ушли на фронт.
Что крест-накрест заколочены,
Надпись: все ушли на фронт.

За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ -
Если Родина в опасности,
Значит, всем идти на фронт.
Если Родина в опасности,
Значит, всем идти на фронт.

Там год за три, если Бог хранит,
Как и в лагере зачет,
Нынче мы на равных с ВОХРами,
Нынче все ушли на фронт.
Нынче мы на равных с ВОХРами,
Нынче все ушли на фронт.

У начальника Березкина,
Ох, и гонор, ох, и понт!
И душа крест-накрест досками,
Но и он пошел на фронт.

Лучше б было сразу в тыл его,
Только с нами был он смел.
Высшей мерой наградил его
Трибунал за самострел.

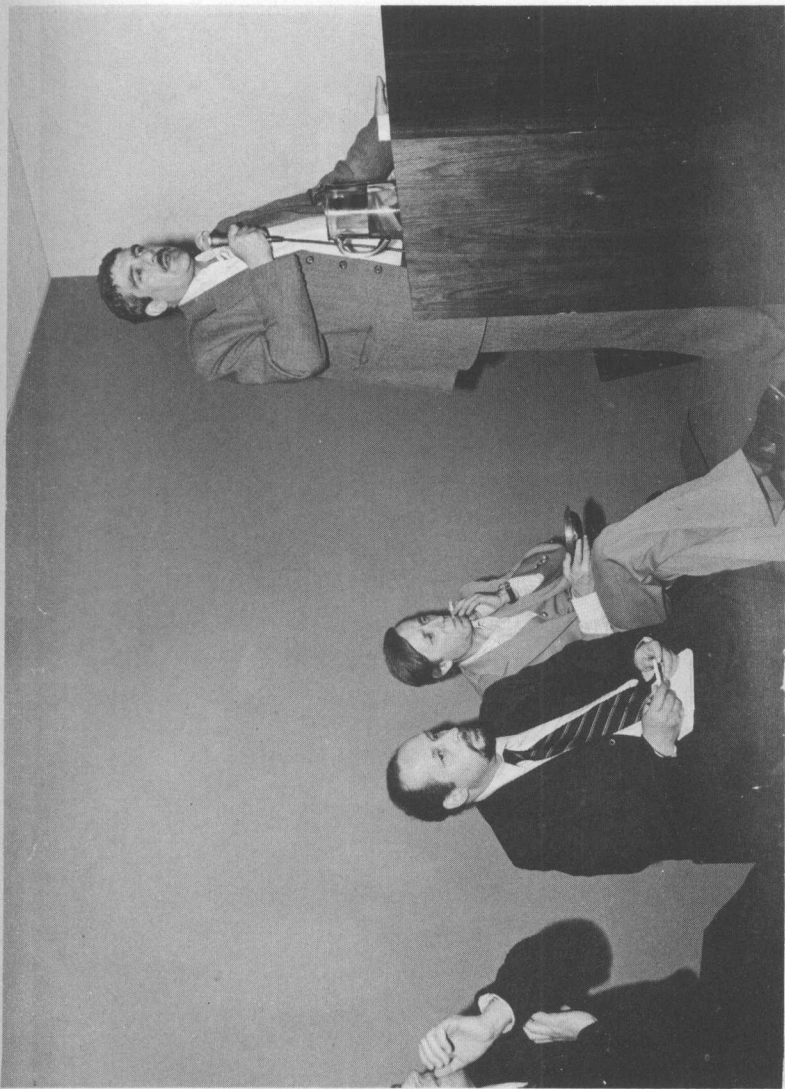
Ну, а мы, все оправдали мы,
Наградили нас потом,
Кто живые - тех медалями,
А кто мертвые - крестом.

И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную -
Надпись: все ушли на фронт.
Надпись: все ушли на фронт.
Надпись: все ушли на фронт.

конференция "третьей волны" в Нью-Йорке

30 апреля в Нью-Йорке альманах литературы и искусства "Третья волна" и одноименное издательство проводили конференцию по вопросам современной русской литературы и изобразительного искусства. "Дом Свободы", расположенный в самом центре Манхэттена, предоставил для этой конференции зал, в котором собралось свыше 150 человек - представители всех трех волн русской эмиграции. На стенах были развешаны картины русских художников-нонконформистов, как вынужденных покинуть родину, так и тех, кто и сейчас живет в Москве и Ленинграде. Главный редактор альманаха Ал. Глезер рассказал собравшимся о задачах, которые ставят перед собой альманах и издательство, прочитал стихи Генриха Сапгира и свои собственные, а затем, передал слово авторам "Третьей волны", писателям Юрию Мамлееву, Сергею Довлатову и Михайло Михайлову, а также шахматному журналисту Эдуарду Штейну. Были оглашены приветствия конференции, присланные из Парижа Влад. Максимовым и Мих. Шемякиным. По окончании длившейся почти три часа конференции, певица Марта Ковалевская, в прошлом - ленинградка, в сопровождении инструментального ансамбля исполнила старинные русские и цыганские романсы.

Мы приводим отрывки из выступлений писателей Ю. Мамлеева и С. Довлатова.

Нью-Йорк. 30 апреля 1979 года. на конференции "третьей волны",
выступает писатель Сергей Довлатов.

Нью-Йорк, 30 апреля 1979 года, на конференции "Третьей волны".

Юрий Мамлеев:

- Я принадлежал к группе московских нон-конформистских писателей. Это была небольшая группа писателей, которая отказалась от каких-либо контактов с советской официальной прессой и создавала художественную литературу в необычных условиях, ориентируясь непосредственно на слушателей и на читателей. Возможность общения с читателями при чтении своих вещей на частных квартирах и распространение путем Самиздата имела для моей группы свои плюсы: это, прежде всего, полная свобода, то есть отсутствие не только цензуры, но и самоцензуры, что позволяло выразить себя до конца, без всяких умолчаний. Такая вот ситуация создала особый мир. Уезжая в Америку, я оставил в Москве несколько своих учеников, несколько писателей, которые и по сей день продолжают эту линию. Они пишут, распространяют свои произведения в Самиздате, иногда это попадает в нашу зарубежную прессу. Я также оставил там магнитофонные записи моих рассказов, так что они продолжают жить в России. Мне пишут из Москвы, что, допустим, собрались ребята у Льва Кропивницкого или еще где-нибудь и прослушивали мои рассказы. И, главное, что присоединяются еще какие-то новые люди, которых я не знал, молодежь... И этим людям нравятся мои рассказы, с которыми они познакомились с помощью своего рода Самиздата - магнитофонных записей. Ну, а для меня очень важно, что моя литературная жизнь продолжается не

только здесь, но и там, в России. Наше дело продолжается.

А теперь я постараюсь немного вам рассказать об истории одного рассказа, который был напечатан в "Третьей волне" № 1 и о котором редактор журнала вам уже сказал пару слов. Этот рассказ называется "Изнанка Гогена". Когда этот рассказ был опубликован, возникли некоторые недоумения в Париже, в русской эмигрантской среде. Были звонки, приходили люди и даже в эмигрантской прессе кое-что писали: "Для чего, почему нужно писать такие странные, необычные вещи, зачем, де, это нужно, и, что, мол, это значит?" Поэтому, прежде, чем прочесть рассказ, я хочу вам сказать пару слов об этом рассказе, как я его понимаю. Рассказ этот о том, как у одного советского математика - дело происходит в современной России, в Советском Союзе - умер папаша. Ну, вещь такая самая обычная... А потом папаша волею судеб превратился в вампира после смерти, и вернулся из могилы в свою семью - к сыну, к дочери - уже как кровавый фантом. Я описывал при этом его всякие такие нечеловеческие субъективные переживания, как они сбежали от своего восстановленного из могилы папаша и как вампир, этакий советский вампир, наконец, встретил целую группу таких же людей-мертвецов, в таком же состоянии, то есть вампиров. И описана их, так сказать, совместная жизнь. Вот, собственно говоря, сюжет рассказа - если кто не читал. Ну, во-первых, этот рассказ просто можно рассмат-

ривать, как рассказ на самую такую классическую тему в литературе, в том числе, в русской литературе. Поэтому, мне было довольно странно, что были возражения против него со стороны консервативной части публики. Вы, наверное, знаете, что тема вампиров в русской литературе была поднята большими писателями дважды - Толстым Алексеем, то есть в девятнадцатом веке, это два известных рассказа о вампирах и в том числе рассказ о семье вампиров - "Семья упырей" - по которому уже в двадцатом веке был поставлен фильм; и удивительная поэма М.Цветаевой "Молодец" - тоже о вампирах. Это совершенно необычная поэма, связанная с фольклором. Но я внес в свой рассказ на эту классическую тему свой подход. Для меня было самым главным: это показать субъективный внутренний мир вот этих нечеловеческих существ. И, самое удивительное, что, сразу же после того, как появился этот рассказ, он был именно так и понят... Итальянский критик Габриэлло Монкадо писал в итальянском журнале, что "Изнанка Гогена" - это уникальная в литературе попытка проникновения во внутренний мир вампиров, то есть во внутренний мир человеческой души, попавшей после смерти в катастрофическую ситуацию. Ну, конечно, сразу возникает вопрос: каким образом, вообще можно писать о таких вещах? Конечно, существуют определенные легенды, и больше, чем легенды, об этих ситуациях, но этого же мало. Я могу ответить, каким образом это возможно. Кроме, так сказать, источников, описывающих такие ситуа-

ции, мне кажется, что здесь нужно обладать особым видом интуиции.

Потому что в писательском деле вообще, а в таких рассказах, в особенности, именно интуиция играет главную роль и только путем интуиции можно проникнуть в этот мир. Вот это и было, с моей точки зрения, главным достижением рассказа. Ну, а потом также показать хаос отчуждения человеческой души в такой, совершенно катастрофической ситуации. Вот в чем, собственно, состояла идея этого рассказа, который вызвал разные отклики и в эмигрантской прессе, и в итальянской тоже. Вы можете прочесть этот рассказ "Изнанка Гогена" в № 1 альманаха "Третья волна"...

Сергей Довлатов:

- Я хотел бы сказать два слова не о "Третьей волне", не о замечательном журнале А. Глезера, а о литературном явлении наших дней. Проблема важная. Тут недели три назад был вечер в Нью-Йорке, посвященный журналу "Эхо". Я принимал в нем участие, и кому-то был задан вопрос, не помню, то ли Целкову, то ли Глезеру. Реплика прозвучала так: "Зачем же вот новые журналы - "Эхо", "Третья волна" - когда есть старые, например, "Грани", "Новый журнал"? " Если бы этот вопрос был задан мракобесом Рафальским, никто бы не удивился, никто бы не стал отвечать. И не было бы проблемы сомнений. Но вопрос был задан человеком неглупым и доброжелательным - Рюрикком Дудиным. Вот и в этой ситуации - кто

отвечал - Глезер или Целков - не помню - что же происходит, почему возникают эти журналы, когда есть старые: с традицией и с репутацией. Вот, когда я ехал из Вены сюда, мне стало известно, что, вот, есть, например, такой "Новый журнал", который редактирует Роман Гуль, человек абсолютно достойный. Он выпустил прекрасную книжку "Одвуконь", про русскую литературу там... (ему много лет, он дружил с Куприным, с Карамзиным, не знаю, с Кантимиром, все замечательно... Вот) но мне рассказала одна приятельница в Нью-Йорке, что Бродского он печатать не хочет, а для людей моего поколения - литератор Бродский - это такой непререкаемый кумир, и вот, тем не менее, печатать его в "Новом журнале" не хотят. Это Бродского!..

Он - неоклассицист, так сказать, традиционного направления, могу с любого места цитировать... Это старинная классика, просто так похоже на Блока, что невозможно слушать. Вот. Не хочет Гуль печатать Бродского! Куда же деваться Лимонову? Вообще, я думаю, что Роман Гуль в один сабвей с Лимоновым не вошел бы! Как можно! Все речь о том же. Значит, с Бродским не выходит, с Лимоновым не выходит, там, в Париже, свои дела, я много слышал о парижских распрях. Это все было печально, непонятно... Такие талантливые люди, как Синявский, Амальрик, там я не знаю, Глезер, Целков... не ладят, не могут уместиться на одной журнальной странице... и все полны талантов. Здесь же Запад, ну, издавайте журналы, ну, не выйдет, значит, эти журналы вы-

летят в трубу... все прекрасно, все замечательно! Вот. К чему я клоню, собственно? У меня вообще нет проблем. Мне еще в Вене сказала одна близкая приятельница, что "Сергея, твои дела обстоят прекрасно. Ты - средний, общедоступный, общепонятный и общеприемлимый! Значит, меня печатают везде: вот и Глезер сказал, что будет печатать, и Виктор Борисович Перельман сказал, что должен напечатать, все континенты земного шара, все замечательно... Но есть люди со сложной стилистикой... Вот я, например, прочитал эти шесть номеров журнала "Третья волна", и мои соображения, я думаю, имеют какое-то значение, потому что мне это не близко, я и по литературным каким-то пристрастиям своим - традиционный: и автор, и читатель. Я все-таки прочел, но, думаю, что для меня, тем не менее, мне доступно вот то, что делают эти... мужчины - это очень громко! - Глезер в Париже и мне многое понравилось. Я, например, так не буду писать, как Мамлеев. Не буду, принципиально, не буду, мне это не подходит, так не складывается моя программа... Но у Мамлеева есть какая-то поразительная способность придавать своим жутким зловещим фантазиям, облик такой реальности, живой действительности. Я имею ввиду эту самую "Изнанку Гогена". Это здорово написано! Хотя это литература, к которой я не имею отношения. Я вот тоже хотел бы об этом успеть сказать

Я очень рад, что в этот журнал пришли два критика-литературоведа Вайль и Генис. Они там с каждым номером пишут все лучше. У Вайля и Гениса есть такая поразительная способность — они не просто имеют дар тонкого и глубокого анализа, но они, кроме того, имеют способность пользоваться стилистикой рецензируемой вещи для того, чтобы придать значимость собственным соображениям. Скажем, их критическая статья о Вене Ерофееве написана превосходно, она выше всяких похвал, я не думаю, чтобы кто-то писал сейчас на таком уровне на Западе. На меня произвела тяжелое впечатление "Пробка" Боккова, это, по-моему, просто средне. У Глезера есть еще основательно талантливый Юрьенен — такой тяжеловато, но очень крепко пишущий человек... Все хорошо. Вот, все хорошо. Тем более, что тут они еще рассказывают, что они связаны с Марамзиным, это человек исключительной энергии и огромного мастерства. Собственно, я как бы ломлюсь в открытые ворота. Вот — политический журнал "Континент", вот — еврейский журнал "Время и мы", вот — значит, художественно-какой-то там еще журнал "Третья волна". Все замечательно... Посмотрим, кто прогорит, вылетит в трубу, у кого не хватит денег... Все они издаются на собственные средства, все вкладывают собственные пиджаки в эту программу. У меня положение особое, у меня и так все хорошо. Вот. Теперь, чтобы мое случайное выступление не показалось куцым, мне критик Петр Вайль сказал: "Ты прочитай что-ни-

будь из записных книжек", я это и сделаю. Вот пять записей из книжек.

Начинается с таких предотъездных моментов. Бегая по инстанциям, собирая документы на выезд, на каком-то этапе попалась мне совершенно бестолковая тетка, кого-то временно замещает, об эмиграции слышит впервые, брезгливый испуг на лице. Я ей что-то объясняю, втолковываю: "ОВИР, мол, требует, ОВИР настаивает, ОВИР считает нужным." Наконец, получаю требуемую справку. Выхожу на лестницу. Перечитываю. Все по форме. А конец — такой: "Дано в связи с выездом на постоянное место жительства... в ОВИР!"

Моего друга в Ленинграде привлекли к суду за неуплату алиментов, и вот, Эдик Копелян свое последнее слово на суде начал так: "Граждане судьи, защитники, полузащитники и нападающие."

Теперь венская запись. Эмигрант по фамилии Шустерович вывез из Советского Союза огромное количество сувениров, а обычных тарелок не захватил. Семейство Шустерович ело в Австрии куриный бульон из палехских шкатулок.

Вот, я не знаю, присутствует ли здесь Эрнст Неизвестный. В газете "Советская Эстония" — это такая партийная газета в Таллине, появилась статья в которой упоминался Эрнст Неизвестный. Это был обзор искусства. На летучке заведующий военно-патриотическим отделом Гаспе Игорь сказал: "Вообще это непрофессионально, ну, что вы говорите: Неизвестный, Неизвестный. Неужели, нельзя было узнать фамилию?"

В Ленинграде в течение нескольких лет был председателем секции правления Союза писателей Олег Шестинский — поэт. Ну, мы привыкли в Ленинграде ко всему, он написал лирическое стихотворение, в котором была такая строчка — лирическая тоже — "Она нахмурила свой узенький лобок".

У одного начинающего литератора, которым, кстати, был лично я, был тоже такой важный факт. В Ленинграде есть такое учреждение: "Комиссия по работе с молодыми авторами". Молодые авторы — это не хронологическое понятие и не возрастное, а социальное, мне, например, было уже лет 35 — и я был молодым автором, но там были молодые авторы и по 50 лет, и по 65, вот — кого не печатают, тот и молодой автор, потому что, ну как еще написать в книжке, в каких-то ведомостях, что тебя не печатают?... Потому что ты молодой автор, еще, так сказать, не обрел навыков. Меня однажды вызвали тоже на комиссию по работе с молодыми авторами и говорят: "Чем мы можем вам помочь?". А я говорю: "Я не знаю, ну, ничем нельзя помочь. Все отвратительно. Ничем помочь нельзя." Но, тем не менее, они сказали: "Мы должны вас записать, у нас тут есть какая-то ведомость. Что мы можем сделать для вас в первую очередь?.." Я говорю: "Не знаю, ничего не можете сделать" Они говорят: "Все-таки чем-то мы можем в первую очередь вам помочь? Что-то сделать?!" И тогда молодой автор ответил красиво: "В первую очередь, надо обрезать мосты, захватить телеграф и почтайт!" Комиссия напугалась до смерти.

Теперь запись, уже не связанная ни с какой политикой. По телевизору в Ленинграде показывали боксерский матч. Негр, черный как сапог, дрался с белокурым поляком. Диктор ленинградского телевидения пояснил: "Негритянского спортсмена вы можете отличить по светло-голубой каемке на трусах".

Еще одна запись. Указ: "За успехи в деле многократного награждения Брежнева орденом Ленина наградить орденом Ленина орденом Ленина"

Псевдоним: Шолохов-Алейхем.

Запись про Сережу Новикова. Такой ленинградский прозаик. Помню, он приехал в Пушкинские Горы и говорит: "Ты знаешь, старик, я вот прочитал книгу, она называется "Технология секса". Я говорю: "Ну, все, теперь не пропадем!" А он говорит: "Но, понимаешь, она написана без юмора". Я говорю: "При чем тут юмор - это же наука". Он говорит: "Ну, ладно, а все-таки юмор нужен". "Я не знаю, - говорю, - я не читал, я не уверен". Он говорит: "Ну, как можно, открываешь книгу, называется "Технология секса", переворачиваешь первую страницу, глава называется "Введение".

В Ленинграде есть Дом кино, где показывают зарубежные кинофильмы, ну, там - "Восемь с половиной". А переводил с экрана - это называется синхронный перевод - Миша Мейлах, сын крупного советского литературоведа Бориса Соломоновича Мейлаха, он написал двухтомник под названием "Ленин в литературе". Как известно, Ленин имел сложные отношения с мировой лите-

ратурой. Надежда Константиновна однажды прочитала рассказ Джека Лондона и, надо сказать, Ленин его выслушал. Тогда она сказала: "Я тебе еще почитаю". Прочитала еще какой-то рассказ и дальше написано: "Засмеялся Ильич и махнул рукой". Если бы я был литературоведом, как Вайль и Генис, я бы в качестве эпитафии использовал эту строчку: "Засмеялся Ильич и махнул рукой". Махнул рукой - и от литературы не осталось ни пуха, ни пера. Все!..

Так вот, в Доме кино показывали фильм, а Миша Мейлах - младший Мейлах - переводил. Так вот в фильме был использован такой довольно но простой стилистический прием - там действие все время переносилось из Парижа в Нью-Йорк, а из Нью-Йорка в Париж. И когда показывали Нью-Йорк, то показывали Бруклинский мост, а когда показывали Париж - то, естественно, Эйфелеву башню. Вот Миша Мейлах, как заведенный все время твердил: Нью-Йорк, Париж, Нью-Йорк, Париж, следуя за символикой фильма. И вот в какой-то шестнадцатый раз он сказал - Нью-Йорк, Париж, - и решил, что это длинно и скучно, и замолчал. И тогда из зала раздался голос с кавказским акцентом: "Па-а-ачему нэ объявляешь остановок!". Надо сказать, я при этом присутствовал, Мейлах как-то растерялся... А при этом стали как раз показывать Бруклинский мост и Миша сказал: "Нью-Йорк". И вот тот же голос сказал: "Я выхожу"...

И последняя история. Она связана с Тбилиси и с проходившим там в Союзе писателей симпозиумом, посвященном оптимизму советской литературы. Среди прочих, в нем участвовал Сергей Наровчатов. Это московский поэт, старый человек, которого Вознесенский прозвал Наровчатовым. Он выступал на симпозиуме, и, как полагается, говорил о безграничном оптимизме советской литературы. После него вышел на трибуну грузинский критик Кимаclidзе и сказал: "Минутку. У меня есть вопрос к предыдущему оратору."

- Скажите, пожалуйста, Байрон был молодой?
Наровчатов удивился:

- Да, Байрон был молодым человеком. Он погиб, сражаясь за свободу Греции. Не понимаю, почему вы об этом спрашиваете. Это общеизвестно. Но я не понимаю, при чем тут Байрон.

Еще один вопрос буквально, - откликнулся Кимаclidзе. - Байрон был талантливый?

Наровчатов говорит: "Ну да, конечно, Байрон был величайшим поэтом Англии, он классик английской литературы. Но почему вы спрашиваете?"

- Еще один вопрос, - продолжает Кимаclidзе, - Байрон был богатым?

- Ну, лорд Англии, - отвечает Наровчатов, - понимаете, лорд. У него был замок. Конечно, он был богатым. Но я не понимаю, чего вы хотите?

- Совсем последний вопрос, - говорит Кимаclidзе, - Байрон был красивым?

- Да, - отвечает Наровчатов, - Он обладал очень эффектной внешностью, это известно. Но объясните, почему вы меня об этом спрашиваете?

И грузинский критик Георгий Кимаклидзе сказал: "Сейчас я тебе все объясню. Вот, смотри: Байрон - молодой, красивый, богатый и талантливый. Он был пессимистом. А ты - старый, нищий, бездарный и уродливый - и ты оптимист."

X X
X

КОНФЕРЕНЦИИ "ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ" В США

Мне кажется, что при всех своих, причем вполне естественных в таком трудоемком деле, как создание журнала, недостатках "Третья волна" уверенно и целеустремленно набирает силу, завреывая сейчас самые широкие читательские круги и за рубежом, и внутри страны.

Последние номера четко выделили перед читателем эстетическое лицо и общественную позицию журнала. Это прежде всего заинтересованное освещение проблем нашего неофициального искусства, а также связанных с ним литературы и демократического движения.

Журнал намеренно ограничивает свою полемику лишь самозащитой от тех, кто пытается разложить плодотворный процесс русского неконформизма, противопоставить одних другим по принципу "разделяй и властвуй", и в этом, на мой взгляд, активно проявляется его обще-

ственная толерантность в подлинном смысле этого слова.

В связи с конференцией "Третьей волны" в США хочу пожелать журналу всяческих успехов на его хлопотном, подчас неблагодарном, но верном пути.

12.4.79.

Владимир МАКСИМОВ

х х

х

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ АЛЬМАНАХА "ТРЕТЬЯ ВОЛНА"

К сожалению, не смогу присутствовать на конференции, посвященной деятельности редакции альманаха "Третья волна" и заранее приношу свои извинения. Хочется от души поблагодарить русскую общественность за рубежом и американских деятелей культуры за организацию этой нужной конференции, за внимание и участие в судьбе парижского альманаха. От себя хочу сказать, что этот альманах играет большую и важную роль в общественной и культурной жизни - как в парижской среде, так и в Советском Союзе. Хочется отметить большой труд, неутомимую энергию главного редактора "Третьей волны" Александра Глезера, которому вопреки недоброжелателям и скептикам удалось создать интереснейшее и актуальное общественно-культурное дело, воплощенное в лице альманаха, чье значение трудно переоценить.

Еще раз благодарю всех участников конференции за дружеское внимание к проблемам современного русского неофициального искусства.

Михаил ШЕМЯКИН

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Нонконформисты на Западе и дома

РУССКИЕ В ПАРИЖЕ

От редакции:

"Русские в Париже" - так называлась выставка, проходившая в Париже в апреле-мае сего года и организованная недавно созданной Ассоциацией русских художников, живущих во Франции. На ней должны были демонстрироваться произведения 80-ти художников трех русских поколений эмиграции. Но накануне вернисажа несколько наиболее известных живописцев и скульпторов "третьей волны" эмиграции отказались участвовать в экспозиции и забрали свои работы из галереи. Это было связано с тем, что устроители выставки во главе с Виктором Кульбаком и госпожой Брантон, выдвигая разные надуманные предлоги, отвергли акварели одного из наиболее известных в Париже русских художников, неутомимого пропагандиста свободного русского искусства Михаила Шемякина. Именно поэтому, в знак протеста против дискриминации их товарища, живописцы Юрий Жарких, Олег Лягачев, Олег Целков и скульптор Адам Самогит отказались от участия в выставке. А многолетний лидер московских нонконформистов Оскар Рабин направил президенту Ассоциации письмо: "Мадам, Виктор Кульбак мне объяснил, что работа М.Шемякина не может быть представлена на Вашей выставке, так как неко-

торые ее участники отказываются экспонироваться вместе с Шемякиным, который занимается антисоветской деятельностью, что может их, дескать, дискредитировать. Я не могу согласиться с этой точкой зрения, поскольку в течение всей моей жизни я не имел возможности выставлять свои произведения в СССР из-за таких же обвинений. По этой же причине меня лишили советского гражданства. Я никогда не мог предположить, что услышу подобную же аргументацию в свободном Париже."

В тот же день, 17 апреля, группа художников отправила мадам Брантон открытое письмо, в котором протестовала против дискриминации целого ряда нонконформистов, в том числе, М.Шемякина, Л.Мастерковой, А.Рабина, Г.Битт и др. Это письмо подписали живописцы и скульпторы Гарри Файф, Юрий Жарких, Олег Лягачев, Адам Самогит, Анатолий Путилин, Игорь Захаров-Росс, Евгений Есауленко и директор Монжеронского музея современного русского искусства Александр Глезер.

Нам бы хотелось обратить внимание читателей "Третьей волны" на следующий факт:

Боясь выставляться с Шемякиным, якобы, по той причине, что он - антисоветчик, какие-то мифические художники - их имена Кульбак назвать отказался - не испугались экспонироваться рядом с Рабиным, который был лишен советского гражданства.

Увидев, что вышеуказанная причина вызывает у художников, мягко говоря, недоумение, В.Кульбак и госпожа Брантон срочно перестроились и

заявили, что, мол, Шемякин поздно дал согласие на участие в выставке. Между тем, еще за две недели до вернисажа А.Глезер объяснил В. Кульбаку, что Шемякина довольно долго нет в Париже, но Монжеронский музей готов предоставить для выставки его работы.

В заключение, остается добавить, что очень жаль, что первая выставка, организованная Ассоциацией, проходила в обстановке интриг, клеветы и даже попыток мордобития. А, кроме того, как нам стало известно, что уже с 1974 г. госпожа Брантон имеет контакты с обществом советско-французской дружбы и даже опубликовала в газете этого общества статью.

Кстати, статья госпожи Брантон была опубликована рядышком со статьей, поносящей находящегося в то время в России Александра Солженицына...

В МОСКВЕ ИХ ИСКУССТВО НЕЖЕЛАТЕЛЬНО

БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПАРИЖЕ

"Москва-Париж" — так называется выставка русских художников-нонконформистов, которую можно сейчас увидеть в Музее современного русского искусства в Монжероне. Эта экспозиция организована советским диссидентом Александром Глезером, директором и основателем этого Музея. Инженер и поэт А.Глезер эмигрировал вместе со своей коллекцией на Запад в 1975 году.

На открытии выставки в замке времен Генриха IV, находящегося в семнадцати километрах от Парижа, присутствовало более четырехсот человек, в том числе, такие известные русские эмигранты, как Владимир Максимов, Никита Струве, Оскар Рабин... Семьдесят пять нонконформистов, живущих в СССР, намерены провести одноименную выставку в Москве. "Цель этих двух выставок, - говорит Глезер, - показать единство русской культуры, независимо от того, живет ли художник в Советском Союзе или находится в изгнании во Франции, Англии, Германии или США."

В сентябре 1974 года мы впервые услышали о существовании советских нонконформистов, когда организованная ими в Москве выставка была буквально разгромлена бульдозерами. Если рассматривать их картины сегодня, то непонятно, почему они вызвали такую отрицательную реакцию у властей, так как ничего антисоветского в них нет. В большинстве случаев речь идет просто о свободной живописи, которая, конечно, никак не укладывается в рамки соцреализма. Среди этих художников много экспрессионистов, сложившихся скорее под влиянием сюрреализма, чем абстрактного искусства. "Эта живопись - несомненно русская, являющаяся выражением фантазмагорической и сюрреалистической советской действительности. Она родилась при тоталитарном режиме, который называет себя социалистическим и мешает художникам свободно выражать себя", - сказал А. Глезер нашему корреспонденту...

В монжеронской выставке участвует Борис Свешников, изображающий в сюрреалистической манере свои воспоминания о сталинских концлагерях. Рядом с ним — монохромные, белые натюрморты Владимира Вейсберга, которые напоминают Моранди. Юмор Ильи Кабакова сродни юмору Тапора. А демонический реализм Калинина — потрясает. Картины Владимира Макаренко имеют нечто общее с ранними метафизическими произведениями Кирико. Что же касается художника Михаила Шемякина, то, на наш взгляд, его работы чем-то связаны с декоративным абстракционизмом. На этой выставке есть одно исключение — живущий ныне в Париже Оскар Рабин: известный лидер московских нонконформистов, которого в прошлом году лишили советского гражданства и который в своих картинах открыто критикует советский режим. Его выполненные в темных красках работы полны символики. "Картины Оскара Рабина, — объясняет А. Глезер, — ни что иное, как трагическая, драматическая и лирическая история современной России." Французский критик Мишель Рагон сравнил Рабина с Шагалом и Сутиным.

Выставка, которую собирались параллельно организовать в Москве, была отложена, так как в дело вмешались желающие ее сорвать карательные органы. Организаторы этой экспозиции были арестованы. Многих художников таскали в КГБ и требовали, чтобы они отказались от проекта выставки "Москва-Париж". "Но все равно выставка в Москве состоится, — сказал Алек-

сандр Глезер, - хотя бы на частной квартире!"

Констанце КНИТЕР

17-18 марта 1979 года

Газета "Гамбургер Абендблатт"

В САЛОНЕ МАЙЕННА

На западе Франции расположен город Майенн. Город небольшой, но с большими культурными традициями. Одна из них - организация каждой весной выставок - они называются "Салонами Майенна" - и приглашение на них, наряду с художниками провинции и парижскими живописцами, художников других стран. После прошлогодних экспозиций собрания Монжеронского музея в музеях Шартра, Лавалья и Тура интерес к неофициальному русскому искусству настолько возрос, что президент майеннского Салона господин Флок направил Монжеронскому музею и недавно созданной парижской галерее "Москва-Петербург", приглашение экспонировать в Майенне произведения русских мастеров. Тринадцатый салон Майенна открылся 4 мая в древнем замке этого живописного города. На выставке демонстрируются несколько сот работ более, чем восьмидесяти художников. Среди них и русские: Вячеслав Калинин, Владимир Немухин, Оскар Рабин, Михаил Шемякин, Валентина Кропивницкая, Юрий Жарких, Олег Лягачев и Александр Рабин.

На вернисаж, который открыл мэр города, приехали члены художественного совета Монжеронского музея А.Глезер и Ю.Жарких. Им было

майенн, 4 мая 1979 года, вернисаж.

приятно видеть, какой большой интерес вызвал именно русский стенд, около которого столпилось большинство зрителей, причем, многие из них спрашивали, нельзя ли приобрести работы А. Рабина, В.Калинина, М.Шемякина и В.Немухина... Президент и вице-президент Салона приветствовали русских художников, а А.Глезер в ответном выступлении поблагодарил организаторов экспозиции за приглашение и особенно отметил тот факт, что в то время, когда, желая сорвать выставку в Москве под названием "Москва-Париж", карательные органы поступили в соответствии со своими давними традициями, - сожгли комнату коллекционера Людмилы Кузнецовой вместе с картинами, здесь, во Франции, в соответствии с тоже давней, но иной традицией, свободное русское искусство широко показывается во французских музеях и галереях и вот теперь - в салоне Майенна.

Мне хочется еще раз подчеркнуть, что русские картины вызвали в Майенне действительно большой интерес, как у любителей живописи, так и у специалистов. Видимо, поэтому руководители Салона предложили художественному совету Монжеронского музея организовать осенью в Майенне представительную выставку неофициального русского искусства.

В. КРУГЛИКОВ

ВЫСТАВКИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

В НЬЮ-ЙОРКЕ

Существуют разные методы писания рецензий. Можно, указав где и кто выставляет свои картины или скульптуры, коснуться вкратце биографий художников, а затем описать характер работ, отметить наиболее яркие стороны, осторожно задать некоторые критические вопросы и закончить на приятно оптимистической ноте.

Или - другой прием - начав издалека, черпнуть немного из истории недавних дней или минувших лет и под острым углом собственных размышлений или идей осветить выставку, создав этим некоторую динамику в подходе и оценке. Есть и другие приемы.

Постараюсь избежать этих клише. Все трое - слишком хорошие художники для такого рода рецензий. Другая трудность в том, что творчество каждого крупного мастера всегда рассматривается на фоне чего-то - старой традиции, новых веяний, национальной культуры и т.д. А ведь нужно смотреть на творчество художника так, как будто ничто до него не существовало: ни древнего мира, ни современности. Тогда и только тогда художественное произведение воздействует с полной силой. И надо хотя бы сделать усилие так посмотреть. Постараюсь испол-

нить и это условие.

Но "фона" все же не убрать. "Фон" - это весь сложный, перенасыщенный острыми приправами мир западного искусства, где почти все уже кем-то испробовано и заиграно до предела. Как же выглядят Неизвестный, Шемякин и Целков на этом фоне?

Во-первых (это, конечно, мое личное мнение) у всех троих отсутствует какая-либо "русскость". Искать "ам слав" у них бесполезно. Творчество их наднационально и содержит в себе духовный и художественный опыт современности, не огражденный национальным барьером. Поэтому-то их творчество и может быть рассмотрено вне всяких рамок, в открытом пространстве, если можно так сказать. "Фон" отпадает, становится ненужным.

Следуя данному обещанию, сознательно избегаю описательной характеристики творчества каждого из них - Эрнст Неизвестный, Михаил Шемякин и Олег Целков достаточно известны в Европе и в Америке и прибавить ко всему тому, что было написано о них, было бы повторением общеизвестных истин и похвал.

Идя на вернисаж их выставки в галерее Нахамкина в Нью-Йорке, я старался "очистить" себя от всего, что я знал и что я видел из их работ и дать этой выставке повлиять на меня как-то заново. Удалось ли мне это - не знаю. Но вот мои впечатления: все трое - три разных темперамента, три разных сущности, которые я (конечно, очень условно) обозначил бы так:

Пророк - Эрнст Неизвестный

Маг - Михаил Шемякин

Актер - Олег Целков

Экспрессивность формы, монументальность концепции, духовный экстаз - хотя бы эти несколько определений, далеко не охватывающие всей сложности творчества Неизвестного, для меня лично могут быть выражены понятием "пророк".

Чародейство Шемякина - в линии, в цвете, в сложной и острой символике. Можно, при желании, найти сравнения и дать различные толкования его искусства, но все они были бы или слишком общими или слишком индивидуальными. Оставляю слово "маг". Магия бывает и черная, и белая, в ней есть эротика и молитва, жестокость и поэзия, философия и чистое мироощущение.

Определение Целкова как актера, возможно, наиболее спорное. Но я употребляю слово "актер" в самом глубоком и древнем смысле. "Театр" Целкова - трагикомедия, в которой участвуют маски-символы. Его сильные, яркие полотна фронтальны, обращены к нам. Голос громкий, дикция ясная, действие проектируется с предельной экспрессией. Задаю себе вопрос - насколько успешны могут быть эти художники в Соединенных Штатах? Понятны ли будут их голоса? Ценителям искусства, конечно, да. Но средний американец был в течение десятилетий приучен к двум видам искусства. Одно - это абстракция, экспрессионистическая или гео-

метрическая, где смысл сокрыт, где интерпретация может быть или сугубо философской или отсутствовать вообще. Другое искусство - это жестокий, сухой реализм, уходящий корнями в пуританскую вещественность, практическую обстоятельность. Он нагляден и не нуждается в пояснениях. Творчество Эрнста Неизвестного, Михаила Шемякина и Олега Целкова - другого плана. Оно требует эмоциональной широты и культуры, которой средний зритель не обладает. В Америке, однако, происходят большие сдвиги и мир американского искусства становится все более многогранным. В нем все больше места для художников, не принадлежащих к определенным, всем знакомым, школам.

Теперь несколько слов об устройстве выставки. К сожалению, несмотря на переделку, галерея Нахамкина мала для монументальных полотен Целкова. Еще труднее смотреть на скульптуры Неизвестного. Несмотря на малый их размер (или, может быть, именно поэтому), им нужно гораздо больше места и воздуха. Лучше всего смотрятся небольшие гуаши и рисунки Шемякина, они в правильной пропорции к помещению.

Прекрасно изданный каталог тоже, к сожалению, содержит ряд обидных погрешностей, легко объяснимых тем, что печатался он во Франции: английский текст в подзаголовках к фотографиям и репродукциям грешит орфографическими и стилистическими ошибками. Можно уловить также тенденцию к рекламному "нажиму" и пафосу.

Такие мастера, как Целков, Шемякин и Неизвестный, не нуждаются в этом. Американские каталоги такого же уровня сдержаннее, скупер и поэтому эффективнее. Но это - мелочи, о которых, тем не менее, следует сказать.

Оптимистическая концовка, о которой я сам себя предупреждал, все же напрашивается сама собой. Голос русского искусства, при всей нерусскости Целкова, Шемякина и Неизвестного, звучит сильно, чисто и индивидуально, и все, наделенные слухом, его слышат. "Фон", как я уже сказал, отпадает, сравнения - эстетические, исторические и политические, перестают играть роль. И эта очищенность от "фона", пожалуй, наилучшее, что может быть у художника, как вообще, так и в наше время в особенности.

Через несколько дней после открытия - "Выставки трех" в галерее Франка Марино состоялась вернисаж выставки скульптора Олега Соханевича. По американскому опыту он самый старший из новых эмигрантов - он прибыл в Соединенные Штаты в 1967 году. Другое его отличие в том, что творчество его целиком абстрактно. Свои металлические скульптуры он называет "стресс скульптур" - скульптуры напряжения, сопротивления, давления. Листы металла, балки и брусья сжаты и согнуты винтами и крючьями, образуя законченные в себе скульптурные единства большой экспрессивной силы и драматического напряжения. Это не первая, но, несомненно, лучшая выставка Олега Соханевича. Прекрасные, большие залы галереи дают возможность по-но-

воту увидеть его работы. Мне лично эта новая экспозиция и умелое освещение показали качество скульптуры Соханевича, раньше мною не замеченное в достаточной степени, а именно - особую, проистекающую из самого материала его скульптур металлическую грацию и динамику. Она создается совершенно естественно и обладает поэтому натуральной красотой. В то же время она целиком связана с нашим индустриальным и механическим веком, являясь его символом, абстракцией, уравнением. Можно представить себе эффект скульптур Соханевича в монументальных масштабах перед высотными зданиями американских индустриальных корпораций. Надо надеяться, что это вопрос недалекого будущего.

Сергей ГОЛЛЕРБАХ

"Русская Мысль"
19 апреля 1979

ВЫСТАВКА РАБОТ МАРКА КЛИОНСКОГО

ПОИСКИ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, НАХОДКИ

В галерее Эдуарда Нахамкина, 1070, Мэдисон авеню, между 80 и 81 улицами, открылась выставка работ большого и своеобразного художника Марка Клионского.

Когда Клионский жил в Советском Союзе, его произведения экспонировались в лучших музеях и галереях страны: в Третьяковской галерее, Русском музее, в коллекциях самых выдающихся деятелей науки, литературы, искусства. После эмиграции Клионского его работы прятались в запасники, и имя художника методически вычеркивалось из каталогов, справочников, картотек... Но Клионского знают и ценят в Европе, в Америке, в Израиле.

Марк Клионский широк и многогранен. Он может одновременно работать в самых разнообразных направлениях, неизменно оставаясь самим собой.

Когда смотришь его работы, кажется, что они созданы целым союзом свободных художников, а не бунтарем против официального искусства, отлученного от союза подъяремных художников в СССР.

Но Марк Клионский ни в коем случае и никоим образом не эклектичен: он никогда не терял своего лица, и различные фазы его творчества можно рассматривать как протест против нивелировки творческой индивидуальности. Выставка по-

казывает, что она - результат непрестанных поисков, неустанных экспериментов и счастливых находок.

И поиски, и эксперименты, и находки выявляют, насколько совершенен Марк Клионский и в рисунке, и в композиционном построении своих работ. Когда художник был еще в Советском Союзе, его работы доставляли радость многим благодаря человечности содержания и высокому мастерству. Конфликт с так называемым соцреализмом в творчестве Марка Клионского созрел давно.

"Революцию задумывают идеалисты и осуществляют фанатики, а пользуются ею мошенники", - гласит афоризм, который любил повторять Николай Второй, хотя и не претендовал на его авторство.

В истории революционного движения Марка Клионского особенно привлекали идеалисты, которые были в жизни, а не только на плакатах. И он, чуткий художник, не мог не почувствовать, что революционный идеализм как массовое явление давно угас, став анахронистическим достоянием одиночек. Не мог художник не почувствовать, что революция движется от идеализма и фанатизма к деспотизму. И не отсюда ли внутренний, подпольный, до поры до времени скрытый конфликт Марка Клионского с иллюзионизмом политического плаката, т.е. с соцреализмом.

В своих портретах Клионский сохраняет преемственную связь с классикой, с портретами мастеров "Мира искусства", стремясь заполнить ту

тягостную пустоту, которая образовалась в советском искусстве в связи с эмиграцией Добужинского, Сомова, Сорина и других, а также в связи с гонениями на Нестерова и его последователей.

Марк Клионский в своих портретах - самостоятельный психологический реалист высшего класса. Он показывает теперь ряд своих портретов, написанных уже в эмиграции. Показывает он себя мастером художественного портрета, написанного в духе и в стиле психологического реализма. Таких портретистов и за рубежом не так уж много, и не только среди зарубежных русских, но и среди американских и европейских мастеров.

В этом убедится любой искушенный и неискушенный человек, посетив выставку в галерее Эдуарда Нахамкина. Достаточно всмотреться на выставке в портреты митрополита Иринейя, бывшего долгие годы главой Православной церкви в Америке, Голды Меир, Гаррисона Солсбери и другие мужские и женские портреты, чтобы убедиться, что они сделаны мастером.

Несколько иной характер носят рисунки и офорты Марка Клионского, имевшие отношение к еврейской трагедии во Вторую мировую войну... Тут Клионский учится на опыте Кете Кольвиц и Марка Шагала. Только трагедийный характер содержания преобразил форму, сделав ее иной, чем у Кольвиц, и у Шагала.

И у Клионского, и у Шагала есть скрипачи и виолончелисты. У Шагала эти музыканты полны

творческих сил и жизненной энергии. На офортах Клионского это - тени шагаловских скрипачей и виолончелистов. Но их музыка не умолкает и в двух шагах от смерти. Марк Клионский показывает, что обреченный на физическую гибель продолжает жить духовно и творчески: смычки втоптаны в грязь, а звуки скрипок и виолончелей продолжают звучать, как бы оплакивая загубленных и убитых.

Красочный, живой Витебск Марка Шагала - то грустный, то веселый - становится у Клионского пепелищем.

Но художник в то же время показывает, что дух нации не сожжен, не истлел в ни в Бабьем Яре, ни в Варшавском гетто, этот дух, как феникс из пепла, вырывается из братских могил и из нечеловеческих страданий.

На офортах и рисунках такого рода временами можно увидеть пейзаж, крайне своеобразно выполненный Клионским. Колючая проволока нацистских лагерей воспринимается зрителем как терновый венец, камни разрушенных домов Варшавского гетто - как надгробные памятники и т.д.

При этом надо помнить, что еврейская тематика охватывает не все творчество Марка Клионского, а лишь часть его. Если подвести общий итог, то увидишь, что Марк Клионский скорее космополитичен, чем национален в своем искусстве.

У него, например, есть большая папка с рисунками и эскизами на характерно русские темы. И в этих рисунках искреннее сочувствие ху-

дожника к страданиям русского народа при Сталине и искреннее уважение к Православной церкви.

Прежде чем перейти к обзору зарубежных экспериментов Клионского, полезно остановиться на той примечательной особенности его творчества, которую еще в Советском Союзе называли "крылатым реализмом", то есть реализмом, окрыленным романтическими мотивами. А в "крылатом реализме" у Клионского было мало соперников, несмотря на множество претендентов. Пожалуй, среди пореволюционных мастеров рядом можно поставить покойного Самохвалова, крупного оригинального художника, творческий рост которого был задержан вынужденным служением соцреализму.

Зарубежные эксперименты и выросли из "крылатого реализма" его прежних работ. Под какой "изм" подвести зарубежные эксперименты Марка Клионского.

Андрей Седых писал о необычном сочетании реализма и сюрреализма. Сам Марк Клионский, отвечая Андрею Седых, назвал часть своих экспериментов "фантастическим реализмом". Можно было бы еще дополнить пестрый гербарий "измов", вспомнив предшествовавшую сюрреализму "метафизическую школу" или применить по отношению к Марку Клионскому американский термин "метафизический романтизм". Но вот, раздумывая над экспериментами Клионского, я вспомнил о глубоком и серьезном труде "Символизм и идеализм" немецко-австрийского искусствоведа Хофштеттера,

который говорил, что не стоит множить число "измов", а лучше договориться о применении единого, всеобъединяющего термина. И его сторонники предлагают термин "неосимволизм".

Мне кажется, что термин "неосимволизм" как нельзя лучше обобщает очень широко задуманные зарубежные эксперименты Марка Клионского. А эти эксперименты необыкновенно многогранны, и для описания их понадобилась бы отдельная большая статья. Поэтому укажем лишь на то, что представляется наиболее важным и наиболее характерным.

У Клионского есть замечательная картина "Полет в никуда". Фон ее составляет развернутый пейзаж: это волшебный островок с нежной прозеленью, золотистым прибрежным песком, синеватые очертания берегов неведомого материка, паруса в море и бледно-золотистые облака в выси, в небесном океане.

Фон "Полета в никуда" по технике и поэтическому воображению, поднимается до уровня лучших фантастических пейзажей Константина Богаевского, живописного двойника Александра Грина - редкого романтика и фантаста в русской художественной литературе, которого Юлий Ахенвальд назвал в свое время символистом.

Сюрреалист Рене Маргрит нередко заставляет парить в воздухе тяжелые каменные глыбы. Клионский изобразительно превратил такую глыбу в космический снаряд, в ракету, которая взмывает в воздух, не находится в движении, но застыла в состоянии покоя. Ракета сделана из металла

и чем-то напоминает тугие женские груди. Часть снаряда срезана, и зритель видит внутри лицо старой женщины и над ней подростка с поникшей головой.

В ракете - икона. Эта икона и есть символическое изображение беженских судеб и обращение к вере. Космические ракеты не упраздняют веру, как утверждает атеистическая пропаганда в Советском Союзе, а побуждают человека космической эры встать под защиту веры.

Пейзаж почти всех экспериментальных работ Марка Клионского построен так, что земное, реальное воспринимается как нездешнее, легендарное, фантастическое. Чувствуется, что Клионский учился на опыте мастеров Возрождения, пользуясь пейзажем как малым или развернутым фоном иконы, или портрета, или сюжетного изображения.

Хотелось бы отметить две особенности экспериментальной живописи Клионского: его фигуры необыкновенно пластичны и в то же время ритмичны; в них видна академическая выучка, приведшая Клионского к неоклассицизму, который нередко вообще бывает спутником символизма.

Счастливейшей находкой Марка Клионского на отчетной выставке следует считать картину "Раздумья". Думается, что в этой картине художник нашел новый путь, выйдя из лабиринта экспериментов. Если в прежних работах Клионский растворял реальное в фантастическом, то в работе "Раздумья" он, напротив, растворяет фантастическое в реальном.

Еще интереснее две другие картины Марка

Клионского, где он продвинулся дальше на своем новом пути.

Одна из них изображает женщину, в которой есть что-то от лучших женских фигур Лорена. Героиня картины затаенно страстно мечтает, к чему-то стремится, и эти мечтания и стремления превращают в сновидения наяву все окружающее.

На другой - мы видим девушку в белом одеянии с льняными волосами. Она сидит высоко над землей. Девушка окутана нежным негустым туманом, сквозь туман вдалеке и вверху чуть виден собор и несказанный свет в его освещенных окнах, в соборе слушают вечерню, и так, что звуки песнопений становятся неярким цветом, как в ризы облачаются в краски. Создается впечатление, что Марк Клионский писал эту картину под аккомпанемент "Девушки с льняными волосами" Клода Дебюсси.

В этих трех последних работах Клионский отказался от избытка фантастических образов и перешел к внешней сдержанности и благородной простоте.

Три последние работы устанавливают контакт с тем направлением американской живописи, которое называется "метафизическим романтизмом".

Краски Марка Клионского кажутся расплавленными драгоценными камнями, независимо от степени их яркости. Расплавленным золотом, порой смешанным с кровью, светится небо на его пейзажах. В своей светописи Марк Клионский - весь в поисках и находках.

Так, в последнее время его привлекают прозрачные розовые краски утренних зорь, светлосизые воды ручьев на рассвете и нежно-белые или золотистые кувшинки в воде.

Марк Клионский неистощим и изобретателен в своих исканиях и экспериментах. А о его находках мы еще услышим.

Вяч. ЗАВАЛИШИН

"НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО"

29 апреля 1979 года

ПАРИЖСКИЙ БАНК "КРЕДИ ЛИОННЭ" ПРИНИМАЕТ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ...

С 10-го по 31-е мая в помещении одного из крупнейших французских банков "Креди Лионнэ" проходит выставка современного свободного русского искусства, организованная галереей "Москва-Петербург". На ней экспонируются 53 работы 22-х живописцев и графиков, как живущих в СССР, так и недавних эмигрантов. Среди них: Эрнст Неизвестный, Дмитрий Плавинский, Владимир Немухин, Михаил Шемякин, Оскар Рабин, Марк Клионский, Вячеслав Калинин, Юрий Галецкий, Владимир Яковлев, Юрий Жарких, Анатолий Крынский, Анатолий Васильев, Владимир Рыклин, Владимир Баршай, Геннадий Нейштадт, Анатолий Путилин и другие. Если эта выставка пройдет удачно, то банк думает и впоследствии проводить выставки русского искусства.

дела домашние

О делах домашних писать печально. Карательные органы развертывают все шире и шире наступление на тех художников-нонконформистов и коллекционеров картин, которые не соглашались идти на компромиссы и уступки. До сих пор неизвестна судьба арестованного еще 21 января ленинградца, физика и коллекционера, одного из инициаторов выставки "Москва-Париж" Георгия Михайлова. Как нам сообщили из Москвы, гебис-

ты допросили по делу Михайлова около двухсот человек. Ввиду того, что никто из них не дал показаний, необходимых КГБ для осуждения Михайлова по статье 162 Уголовного Кодекса - "незаконный промысел" - наследники Дзержинского приняли решение бросить Михайлова в психушку. Гебисты вызывали мать Михайлова и пытались убедить ее, что сын ненормальный. На ее возражения, они отвечали "железным доводом": "Мы считаем его ненормальным, так как он отказывается отвечать на наши вопросы".

Ситуация московская не лучше. Угроза ареста по подложному обвинению нависает над художником-сатириком Вячеславом Сысоевым, о чем он недавно сообщил в открытом письме, опубликованном на Западе.

У члена инициативной группы по проведению выставки "Москва-Париж" коллекционера Людмилы Кузнецовой сначала отобрали выездную визу. Потом, в конце апреля, в газете "Московский художник", появилась статья, обвиняющая организаторов этой выставки в антисоветской деятельности, которая инспирируется с Запада отщепенцами Рабиным и Глезером. Когда и это не испугало Кузнецову, и она все же решила открыть экспозицию "Москва-Париж" у себя на квартире, то чекисты-гуманисты ее квартиру просто-напросто сожгли вместе с находящимися в ней картинами.

Перефразируя Ремарка, можно сказать: в стране советской без перемен. Пять лет назад милиционеры сжигали картины на Беляево-Бого-

родском пустыре после бульдозерного побоища. Теперь они сжигают картины в самом центре Москвы, близ площади Маяковского.

А в остальном, прекрасная маркиза,

Все хорошо, все хорошо...

И в общем, никаких претензий у нас к властям нет. Коммунисты остаются коммунистами, так же, как фашисты - фашистами. Впрочем, ни большой, ни маленькой разницы мы между ними не видим. Остается только сожалеть, что талантливые художники-нонконформисты, пошедшие на компромисс и согласившиеся войти в Горком художников, который - и это ни для кого не секрет - контролируется "искусствоведами в штатском", не нашли в себе мужества не только вступить за арестованных товарищей, но и выступить с протестом против такого варварства, как сожжение картин...

А. ГЛЕЗЕР

Дело Георгия Михайлова

В Ленинграде 21 февраля 1979 года арестован Георгий Николаевич Михайлов, 35-летний физик, преподаватель математической школы № 45 Ленинградского Государственного Университета, коллекционер современной русской живописи художников-нонконформистов. Ему предъявлено обвинение в "незаконных промыслах", - в том, что он изготовлял и продавал диапозитивы с картин нонконформистов. Возможно, к этому прибавят также обвинение в том, что в его доме продавались картины художников, которых он выставлял. Во всяком случае, для всех, кто знал Михайлова, ясно, что готовится еще одна комедия суда с целью опорочить человека, дезориентировать публику и расправиться с давно неугодным по подложной статье. Припугнув заодно остальных, тех, кто знает суть дела, знает, какая этому аресту предшествовала длительная персональная борьба, - единоборство Михайлова с КГБ, яростное многолетнее.

Человек высоко одаренный, и к тому же максималист с характером независимым и сильным, он имел еще несчастную способность во всем достигать того уровня совершенства, который делал его высокий рост раздражающе приметливым для блюстителей всеобщего равенства. Не удивительно, что рано или поздно на таких людей начинается охота гебистов.

Успехи в языках привели его с рекомендац

ями университета в Дом Дружбы. В 1972 году его стали вербовать для сотрудничества с КГБ, поскольку его зарубежные связи, его способность к общению интересовали эту организацию. Когда Михайлов категорически отказался, начались первые угрозы. Было сказано, что он не только не поедет больше никогда за границу, но и будет иметь неприятности на работе. Михайлов, однако, не воспринял урока. Он начинает добиваться своих прав, требует ответа от всех инстанций в течение нескольких лет: почему его лишают возможности выезда в гости к друзьям. И, наконец, получает ответ из Прокуратуры СССР, что его документы пересланы... в КГБ при Совете Министров СССР! Одновременно продолжается обещанная еще в 1972 году кампания травли на работе.

В 1975-1976 годах в досье Михайлова возникают новые сюжеты, многократно усугубляющие раздражение КГБ, связанные с историей движения художников-нонконформистов, вернее, с той исключительной ролью, которая постепенно складывалась там у Михайлова.

Ленинградские художники впервые "вышли на публику" в Ленинграде с четырехдневной выставкой во Дворце культуры имени Газа (после ряда выставок в квартирах, институтах, мастерских), - более полусотни художников, о которых до тех пор почти никто не знал.

Михайлова потрясло богатство возможностей, молодая сила этих людей. Он познакомился со многими из них лично, узнал чудовищные условия их жизни и все свободное время стал отдавать

этим художникам, которых он сам подчас находил, открывал, поддерживал, защищал, пропагандировал и устраивал их экспозиции в своей небольшой квартире, принимая посетителей по воскресениям. Это продолжалось почти пять лет.

Деятельность Михайлова становилась чрезвычайно обременительной для властей, соответственно сгущалась враждебная атмосфера вокруг него... Он не имел иллюзий на этот счет.

Первое, что делает КГБ, когда не удается запугать или склонить к компромиссу, — унижает и компрометирует клеветой. Затем — лишение средств к существованию. Затем — обыск, через две-три недели — компрометирующая статья, через две недели — увольнение с работы.

Для этой атаки было выбрано время самое глухое, самое удобное для расправ: конец июля — август 1977 года, время летних отпусков. В последние годы становится типичным "съедание" нежелательных людей в это время.

27 июля 1977 года у Михайлова был произведен обыск под предлогом, что украдены иконы в Новгороде и следы ведут сюда. Во время обыска были отобраны вещи — 39 названий — ни малейшего отношения к теме обыска не имевшие. В первую очередь забрали все фотопринадлежности. Михайлову был предъявлен документ на право обыска от имени прокурора г.Новгорода.

14 августа 1977 года "Неделя" опубликовала статью, направленную против американского переводчика И.А.Мамантова, который обвинялся в шпионаже: "У знакомых из научно-технических кругов

Мамантов старался выяснить сугубо специальные вопросы, а всякого рода шантрапа привлекала его полным отсутствием каких-либо моральных принципов, что, на его взгляд, облегчало использование этих людей в нужных Мамантову целях.

Вот живет, скажем, в Ленинграде некто Георгий Михайлов, большой любитель заморских вещей, начиная с жевательной резинки и кончая костюмами с заграничной этикеткой. Познакомился Мамантов с Михайловым совершенно случайно, но вскоре их уже связывала крепкая дружба. В каждый свой приезд Илья Александрович привозил Михайлову "подарки", тот платил ему все более усиливающейся привязанностью. И когда привязанность эта превратилась в крепкую привязь, он начал требовать у своего "молодого друга" добывать ему сведения отнюдь не безобидные. В конце-концов Михайлов попал в такую зависимость от "покровителя", что вынужден был даже уступить ему свою любовницу..."

Итак, обыск, клеветническая статья и следом, в начале сентября, увольнение с работы, цинично подстроенное дирекцией его школы.

А вот результаты его самозащиты.

1. Отрывки из протокола обыска и документ из Новгорода, свидетельствующий, что обыск был сделан по подложному ордеру.

"Город Ленинград, 27 июля месяца 1977 г.

По поручению прокуратуры г. Новгорода обыск произвели сотрудники ГУВД Иванов, Новиков ... На основании постановления о производстве обыска

ска прокуратурой Ленинского района гор. Новгорода "_____" июля месяца 1977 года в присутствии Калиновского Бронислава Владимировича, прож. ул.Трефолева 17-283, Синицкого Александра Константиновича, ул.Трефолева 37 комн.151.

.....
За всеми справками, указывая орган, вынесший постановление на обыск, день его вынесения и дату производства обыска, обращаться в прокуратуру гор. Новгорода."

Ответ из Новгорода:

"Прокуратура СССР, Новгородская городская прокуратура Новгородской области, 27.09.77.278

Гр-ну Михайлову Георгию Николаевичу, прож. г.Ленинград, шоссе Революции дом 43, кв. 142.

Прокуратура города Новгорода сообщает, что обыск в Вашей квартире, имевший место 27.07.77 г., при котором были изъяты вещи, нами не санкционировался.

1.08.77 г. следователь прокуратуры Ленинского района тов. ЕЖОВ С.Е.направлял отдельное поручение лишь о Вашем допросе в качестве свидетеля и Вы 30.08.77 г. были допрошены следователем Красногвардейской прокуратуры тов. Воробьевым Б.И.

Изъятые от Вас вещи к нам не поступали, по сообщению ленинградской милиции, они вам возвращены.

По вопросу законности произведенного обыска рекомендую обратиться в органы милиции, производившие обыск.

Прокурор города Новгорода, юрист

первого класса

В.П.Свизов"

С этими документами Михайлов обращается в Комитет по контролю за действиями органов КГБ Совете Министров СССР.

Пока Михайлов выясняет обстоятельства с обыском и клеветнической статьей, в его школе готовится инсценировка "законного" увольнения. Сюжет назывался "прогул занятия" и выполнен был элементарно: Михайлов приходит, чтобы узнать расписание своей работы в новом учебном году. Несколько часов ожидания, затем ему сообщают, что надо придти завтра - т.к. пока он свободен. Как только он уходит, вывешивается расписание, по которому он должен сразу же приступить к работе. А поскольку его нет, немедленно подписывается приказ об увольнении за прогул.

Михайлов пишет протесты во все инстанции, умея скрупулезно выискивать для аргументации своих обвинений необходимые статьи законов и требовать по законам ответа с тех, кто виновен. Он подает в суд на директора школы, он подает жалобы с требованием открыть уголовное дело на служащих КГБ за их незаконные действия, он требует сатисфакции от автора статьи, объявляя о своем намерении подать в суд за клевету, пишет письмо, позорящее главного редактора "Недели" за публикацию грязной статьи, бездоказательной и лживой, требует опровержения в газете.

Вот документы: Из заявления Генеральному Прокурору СССР:

"...14 августа сего года в газете "Неделя"

статья, в которой, повидимому, указывается и мое имя. Единственным фактом, который позволяет мне считать, что в статье идет речь обо мне, является то, что я действительно знал Илью Александровича Мамантова и был дружен с ним.

Вследствие этого, я хочу заявить следующее:

1. Познакомился я с И.А.Мамантовым совершенно не случайно, а выполняя работу, порученную мне штатными работниками Дома Дружбы.

2. За все время знакомства с Мамантовым — никаких данных, которые могли бы быть названы "небезобидными", я ему не сообщал, и сам Мамантов в своих разговорах со мной ничем подобным не интересовался, и тем более, не требовал добывать такие данные.

3. Все прочие грязные намеки об "уступке любовницы", моей "привязанности к заморским вещичкам, жевательной резинке и костюмам с иностранными этикетками" и о полученных мной якобы подарках представляют собой явную злонамеренную клевету, не имевшую под собой других оснований, кроме желания меня всячески скомпрометировать...

Что же касается событий со времени моей последней встречи с Мамантовым в апреле 1975 года до опубликования клеветнической статьи в "Неделе", то необходимо отметить, что за эти два с половиной года всяческие преследования меня продолжались непрерывно, 4 раза я был арестован, у меня произведен обыск, при

котором незаконно изъяты многие мои вещи, которые мне не возвращены по сей день. При этом мне грубо угрожали репрессиями и даже сроком заключения...

Была организована кампания давления на администрацию и парторганизацию школы, в которой я работаю, в результате которой состоялось закрытое партийное собрание, где был поставлен вопрос о моем увольнении. Эта кампания получила свое дальнейшее развитие и продолжение в связи с появлением статьи в "Неделе"... Пока я лишен своей нормальной педагогической нагрузки.

...Считаю необходимым заявить, что в отношении меня совершены грубые нарушения социалистической законности и должностные уголовные преступления.

Заявляя об этом, я прошу рассматривать мое заявление в порядке, установленном статьей 108 УПК РСФСР - как сообщение о совершенном преступлении и возбудить по нему уголовное дело, расследовать его для привлечения виновных в нарушении моих законных прав и социалистической законности к уголовной ответственности.

Я оставляю за собой право в соответствии с ст.ст. 130 и 131 УК РСФСР обратиться по этому делу в суд с требованием привлечь автора статьи к ответственности за клевету и требовать от редакции опровержения." 2 сентября 1977 г.

13 сентября он получил ответ, что его письмо переслано в КГБ при Совете Министров СССР, откуда должен получить мотивированный ответ. Ответ этот так и не пришел.

3 ноября 1977 года состоялся суд по делу об увольнении Михайлова - Михайлов победил! Он был восстановлен на работе и ему были оплачены месяцы вынужденного бездействия. Хотя после этого угрозы и оскорбления со стороны дирекции не только не прекратились, но стали заметно набирать силу.

В письме Прокурору РСФСР Б.В.Кравцову от 8 февраля 1978 года Михайлов указывает на то, что каждая его попытка призвать к порядку зарвавшихся в беззакониях деятелей КГБ лишь усиливает преследования. Он пишет о том, что не только, в нарушение существующих порядков, не получает ответа на свои заявления по существу дела, но, что в настоящее время обстановка вокруг него становится невыносимой. Все инстанции, с которыми так или иначе связан Михайлов, подвергаются давлению КГБ, и в настоящий момент ему угрожают физической расправой.

Вот выдержки из этого документа:

"Мои протесты и требования разобраться в деле приняты во внимание не были.

Перед педагогическим коллективом проблема была поставлена так: либо будет единогласно принято решение об увольнении Михайлова на основании статьи в "Неделе", либо школа будет закрыта.

Педагогам школы, которые проголосовали против или хотя бы воздержались, после этого было либо прямо предложено уволиться "по собственному желанию", либо прямо заявлено, что

переаттестацию для дальнейшей работы в качестве преподавателей они не пройдут.

...Я был восстановлен на работе решением народного суда от 4 ноября 1977 года по делу № 2-2344, признавшим мое увольнение незаконным.

Однако, обстановка на работе не улучшилась и теперь мне угрожают увольнением при переаттестации. С этой целью меня (только меня!) 6 раз "проверяли"...

Дальше - о незаконностях обыска и о нарушениях его процедуры - а у меня было изъято несколько сотен предметов 39 наименований, причем, изъятое не имело отношения к делу, на которое была ссылка в протоколе о производстве обыска. Все эти мои вещи, как затем утверждали работники прокуратуры г. Ленинграда, были якобы отосланы в другой город (ответ прокурора города Новгорода этот факт отрицает) и якобы поэтому их не возвращали... часть изъятых вещей не возвращена мне и по сей день.

Во время обыска мне неоднократно угрожали заключением в тюрьму на длительный срок. Так, конфискуя нож, старший лейтенант Иванов Б. заявил, что этого достаточно для того, чтобы осудить меня на пять лет.

Во время обыска майор Михайлов, несмотря на мои возражения, открыл в квартире стрельбу из стартового пистолета.

В результате обыска мне был нанесен материальный ущерб... Ущерб мне никем не возмещен и никто не ответил, кто же несет ответственность за нанесенный мне ущерб.

Факт обыска причинил мне тяжелый моральный ущерб, в частности, имел... значение при решении вопроса о моем увольнении.

По указаниям сотрудников КГБ и при их личном участии по моему (несуществующему!) "делу" были незаконно вызваны и допрошены несколько десятков человек. При этом использовались методы допроса, прямо запрещенные законом, в частности, обман: ряду свидетелей при допросе было прямо заявлено, что якобы я арестован и против меня возбуждено уголовное дело; угрозы последствиями, потерей работы и т.д.; понуждение к даче тенденциозных показаний: ряду допрошенных было заявлено, что судьба моя предрешена, мне не миновать суда и лишения свободы, а при этих обстоятельствах давать мне положительную характеристику для допрашиваемого лица невыгодно и небезопасно.

Изложенные выше нарушения будут подтверждены свидетельскими показаниями соответствующих лиц (такие показания у меня имеются).

После этого, работниками КГБ была развернута кампания давления на те инстанции, в которые я стал обращаться с требованием произвести расследование совершенных в отношении меня преступлений. Это привело к тому, что вместо расследования и наказания виновных эти органы пошли на новые правонарушения - во имя спасения репутации отдельных работников КГБ и "чести" своего мундира:

а/ жалоба Генеральному Прокурору СССР после неоднократных ее пересылок по разным инстан-

циям и ведомствам осталась без ответа по существу поставленных в ней вопросов в соответствии с законом: ст.139 УПК РСФСР;

б/ жалоба Военному Прокурору СССР была переслана сначала в Прокуратуру СССР, а затем, в Прокуратуру города Ленинграда. Ответ Прокурора г.Ленинграда С.Е.Соловьева не оставляет сомнения в том, что Прокуратура г. Ленинграда не только не заинтересована в сколько-нибудь беспристрастном расследовании преступлений, совершенных работниками КГБ и Прокуратуры Ленинграда, но и делает все возможное, чтобы замять дело. Копия ответа Прокурора г.Ленинграда прилагается.

в/ редакция еженедельника "Неделя" не отвечает на мое письменное заявление от 2.9.1977, нарушая тем самым п. 1 и 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12.4.68г.

г/ та же редакция не отвечает на письменное заявление, подписанное более, чем 100 гражданами, знающими меня (копия прилагается).

д/ редакция газеты "Известия" также не отвечает на это письмо.

е/ Народный суд Фрунзенского района г.Москвы вот уже два месяца не дает мне никакого ответа по моему исковому заявлению по поводу клеветнической статьи в "Неделе", что является грубым нарушением статьи 7 ГК РСФСР и 129 ГПК РСФСР.

Таким образом, каждая моя попытка добиться устранения допущенных по отношению ко мне нарушений социалистической законности вызывала

новые, еще более грубые нарушения законов, к тому же теперь угрожают моей жизни..."

9 февраля 1978 года

Г.Н.Михайлов

Прошел год. Год напряженной активной деятельности и борьбы за право и возможность ее осуществления. Он делает у себя выставки художников "нового призыва". Значит, их картины сняты на диапозитивы и свидетельствуют о новом этапе в истории нонконформизма. Михайлов устраивает на своей квартире выставку Михаила Шемякина. Более 700 человек принял у себя Михайлов за 12 дней этой выставки в октябре 1978 года. Бурные обсуждения и дебаты сопровождали дни этой экспозиции, она стала настоящим событием жизни искусства Ленинграда.

Вдруг - возвращение домой главы одной из первых - и, может быть, самой интересной - групп неофициального искусства, группы "Петербург", скандального и талантливое Михаила Шемякина. И, как ни в чем не бывало, дискуссии и самиздатовские статьи об его эволюции, о связи западной и русской традиций и прочее! Возврат "без визы", в нарушение всех законов. И не только выставка литографий, а еще квалифицированный, богатый монтаж материалов о художнике. Кто посмел?!?! Опять Михайлов в центре событий! Этак он и прочих эмигрантов у себя выставит!..

И действительно, в феврале 1979 года Михайлов объявляет о своем намерении поддержать идею выставки "Москва-Париж" - выставки нон-

конформистов по обе стороны советской границы. Ведь это одно искусство, оно порождено одними причинами и условиями, даже если некоторых его создателей вынудили покинуть родину.

Выставка должна была охватить впервые не только Москву и Ленинград. Несколько городов провинции впервые собрались публично показать свои силы "неофициального искусства". Для гебистов это был скандальный сюрприз! Острота ситуации дала дополнительные полномочия тем, кто их давно ждал, чтобы добраться до Михайлова. И первое, что они сделали, — решились! — набросились!

Скоро суд.

Судить будут не тех, кто взялся управлять творческими ресурсами в стране и не справился. И не тех, кто трудится на поприще уничтожения и замалчивания достояния народа — его искусства. Судить будут того, кто пытался это богатство сохранить, поддержать, культивировать. Кто нашел здесь свою миссию и выполнил ее без страха.

Виновные будут судить одного из тех, плодами чьих трудов потом не постесняются воспользоваться, как не раз бывало. Таков характер прогресса у нас, господа!

Например, в такой мирной сфере, как обмен экспозициями! Смотрим, например, Кандинского в Париже, в Центре Помпиду, и умиляемся: какой хороший культурный обмен! Это ли не успехи культурного сотрудничества!

А то, что по крайней мере двадцать из

тридцати картин этой экспозиции недоступны в СССР даже для специалистов — нас не касается! Не мы ведь терпим дискриминацию и не наше искусство!

Между тем, для тех, кто знает, что такое Кандинский в советских экспозициях и в советской литературе по искусству, выставку в Париже можно оценить, как еще одну разведку. Успешную! Если западные страны мирно проглотят это событие, как оно и вышло, и будут на него реагировать только как на очередную интересную экспозицию — значит, можно действовать дальше: можно строить престиж русского советского искусства на авторах, до сих пор запрещенных, преследуемых, подчас уничтожаемых, чьи произведения десятилетиями заперты в запасниках, а подчас, тихо разбазариваются.

Вряд ли кто-нибудь здесь знает, что с творчеством Кандинского, например, который всегда считал себя русским, писал свои теоретические работы по-русски, вышел из русской художественной среды, всерьез можно познакомиться только в иностранных книгах. А работы его после многолетнего отсутствия появились впервые два года назад (только в связи с проходившим в Москве и Ленинграде Всемирным конгрессом ассоциации музеев — ICOM) ... в немецком разделе искусства Эрмитажа!.. На полутемной лестнице! Интеллигенция поспешила смотреть эти три ранние работы, понимая, что не для них повесили, могут ведь и снять!

Одной рукой власти издают законы об охране духовных и материальных ценностей советской культуры, другой - создают отдел искусства в КГБ для травли тех, кто эти ценности производит или хочет их сохранить.

Сейчас существуют обширные программы обмена экспозициями с СССР в США, Англии, Франции и других странах. Не является ли долгом советской общественности этих стран соглашаться на подобное сотрудничество только при условии, что искусство и люди, с ним связанные, не будут жить в обстановке репрессий, при условии, что люди, подобные Михайлову, и, в первую очередь, сам Георгий Михайлов, будут на свободе и прекратится наконец их травля?!

Ирина БАСКИНА

Мюрель ГАНЬЕБЕН

О писании креста

"Это не только трагический конфликт человека и истории, который составляет мою жизнь. Это также сама по себе история, включенная в мой опыт."

Н.БЕРДЯЕВ "Автобиография"

"Никто с начала сотворения мира не знает, что значит прошлое, даже Бог этого не понимает".

В.РОЗАНОВ "Апокалипсис"

"Каждая работа уникальна как событие в духовной истории художника и во всеобщей Истории, благодаря горизонту ее обнаружения и воплощения. Горизонтом живописного события является динамическая жизнь Духа и его предметности".

Ю.ЖАРКИХ "Моя творческая позиция"

К сорока годам Юрий Жарких обрел для своих современных "икон" собственный стиль, одновременно соединяющий его с византийским искусством и с русской экзистенциальной мистикой Бер-

дяева, Розанова, Достоевского. Собственный, не поддающийся присвоению стиль. Ослепленный золотом, медью и багрянцем, горящими в глубине сот, клеенных наподобие веера, венца и даже сияния, - взгляд, замороженный теплыми отражениями горнов, труб и тромбонов, сразу ошеломлен: симфония, вибрирующая светом, как будто разорвана судорогами страданий.

Неизменный в своем горизонтальном или вертикальном положении Христос пронзает холст разодранными частями тела. Черная прорубь, скорбная трещина, космическое зияние. Крест прикрепляет взгляд и пригвозждает взор, внезапно расчлененный, израненный, погруженный в бездну, как в сухой, острый, даже рыхлый лабиринт. Изможденный скелет Христов является подчас лишь скорченным куском дерева, будучи искривленным, крест напоминает тогда разветвления узловатого корня или засохшие ветви витога дерева.

Пришедший из распятой страны, завет Жарких переливает через границы... Крупные капли света - соты - преобразовываются в такое же количество безмянных, беспокойных и немых лиц: словно история определенной судьбы открывается Истории. Сразу же становится понятной причина многочисленных трещинок, образующих ткань каждого полотна. Расщелины времени, древообразные нити, цветная ость, родословные слои: потеки масла или акрилика способствуют расчленению на квадраты пространства.

Будучи съезженной, хроматическая поверхность может показаться как убежищем, так и капканом-

паутиной. Органическая ткань-пространство становится плотью. Плотью страдания, как и плотью жизни. То, что было раньше свидетелем, овальным лицом, округленностью зениц, превращается в такое же количество ячеек, яиц, динамических зародышей. Прорываясь чаще всего из ребра Христа, женская тварь с гладким и выпуклым чревом, как будто является прежде всего началом генезиса: плодородная земля, свет-покровитель, нежное убежище. А между тем, там и сям, расцветание бледных полосок и тонких вен тут же напоминает о том, что в любом генезисе действует противоположное начало.

Всеобъемлющий реквием — живопись Жарких вся целиком пронизана порывами жизни и разрывами смерти. Более того, рана с видимыми рубцами, она не перестает утверждать жизнь в смерти.

Перевод с французского
И. и В. МАРКАДЕ

Февраль 1979

РУССКИЙ ИНСТИТУТ ГОЛУБОЙ ЛАГУНЫ

В Техасе, в городке у голубой лагуны, совсем недавно создан институт новой русской культуры. Директором-основателем института является англо-американский искусствовед Джон Болт — автор рецензии на книгу Игоря Голомштока и Александра Глезера о неофициальном искусстве в СССР, помещенной в пятом номере "Третьей волны". Книга эта, кстати, стала настольной для английских, американских и русских зарубежных искусствоведов, даже для тех, которые не во всем согласны с ее авторами.

В программе начинания у Голубой лагуны сказано:

"Институт новой русской культуры — независимая, некоммерческая организация, во многих отношениях не копирующая сложившихся академических порядков. Институт новой русской культуры не придерживается какой-либо политической ориентации и является международным научным центром для всех честных ученых, вне зависимости от их идеологических воззрений." К активному участию во вновь созданном институте привлечены представители всех трех эмиграций. Во главе отдела литературной практики, который будет ведать редактированием, изданием и рецензированием книг, стоит поэт Константин Кузьминский, хорошо известный редакции и читателям "Третьей волны". Новый эмигрант Илья Левин ведает в институте отделом ар-

живов и библиографии. Отдел истории культуры возглавляет Сидней Монас, отдел теории литературы - Майкл Холквист (оба - влиятельные американские славяноведы). Во главе отдела истории архитектуры стоит Милка Близнякова, американский искусствовед болгарского происхождения. В стадии организации находятся музыкальный отдел и отдел театра и кино.

Таким образом, институт задуман, как своего рода зарубежный координационный центр всестороннего изучения различных видов искусств в России-

В обширной программе института сказано, что "за пределами Советского Союза не существует научного цккетра, занятого этими вопросами. Одна из функций института новой русской культуры - быть признанным международным форумом для исследователей, занимающихся русским искусством 19-20 веков."

Цели, к которым стремится недавно созданный институт русской культуры у Голубой лагуны в Техасе, близки к целям и задачам Музея русского неофициального искусства в Монжероне и журнала "Третья волна", хотя они с момента основания существуют независимо друг от друга.

Вот почему так важно установить контакт института и с монжеронским музеем и с "Третьей волной"... Вот еще один пункт программы института, расположенного у голубой лагуны в Техасе, который свидетельствует в пользу такого контакта:

"Компаративный и синтетический подход к проблемам русской культуры крайне необходим. Основная цель института русской культуры - избегать стандартного ограниченного взгляда на вещи, свойственные многим академическим учреждениям, и не замыкаться в пределах отдельных научных доктрин..." Институт русской культуры в Техасе "намеревается", как сказано в программе, "рассматривать проблемы живописи, литературы, музыки и т.д. в свете ключевых для всех видов искусства вопросов формы, качества и стиля..." Пожелаем же руководителям института того, чтоб осуществляемое оказалось достойным задуманного.

Вяч. ЗАВАЛИШИН

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ГАЗЕТУ "РУССКАЯ МЫСЛЬ"

Господин ...Ский, он же М.Сергеев - неумомим. Не жалея сил и не покладая рук, обзореваает он книги и журналы. Выставляет оценки писателям и поэтам, и даже художникам. Большой молодец - во всем разбирается. Дай Бог ему здоровья! Порой он совершает открытия, как, например, рецензируя в 36-м номере "Время и мы" статью Вайля и Гениса о Владимире Высоцком. Оказывается, Высоцкий пишет не о России, а об СССР. И, оказывается, понимают его только недавние эмигранты, а бывшие россияне прямо-таки не воспринимают... Правда, наверное, не стоит говорить от имени всех россиян. Слишком уж много появляется любителей разглагольствовать от имени целых народов. Но, видимо, бывшему россиянину, бывшему эсеру, а ныне, так и хочется написать по Ильфу и Петрову, - "трудящемуся Востока", в действительности же, сотруднику "Русской мысли" господину Рафальскому (...Ский, М.Сергеев и еще К^О псевдонимов) Высоцкий действительно не по душе. Да и как может быть по душе, когда он пишет о той России, которую изнасиловали большевики, о той жизни, а ей уже более полувека, о которой наш давно осевший на Западе критик не имеет никакого представления. Невольно вспоминается Андрей Вознесенский:

Люблю я критиков моих -

На шее одного из них

Благоуханна и гола

Сияет антиголова.

Однако, не будем, не станем осуждать М.Сергеева, столь благожелательно разрешившего писать стихи одному из лучших современных московских поэтов Генриху Сапгиру. Правда, наш ценитель поэзии указывает, что стихи поэта, опубликованные в 5-м номере альманаха "Третья волна", да и другие его произведения - посредственны. Но все же снисходит до утверждения, что "этот автор имеет право писать стихи". Ну, спасибо, господин Рафальский, то бишь, Сергеев. Только оибно как-то, что никак Вы не оценили опубликованную в том же номере "Третьей волны" подборку питерских неофициальных поэтов и мы теперь не знаем, имеют ли право сочинять стихи такие, то ли талантливые, то ли бесталанные (не знаем - М.Сергеев не просветил) поэты, как Охупкин и Кривулин, Кузьминский и Афанасьева... Да ничего, может быть, мы сами в этом как-нибудь разберемся? А, может, господин Сергеев напишет об этом в следующий раз?

Что же касается раздела "Изобразительное искусство", то создается впечатление, что господин Сергеев его просто не прочел и посему предпочел по своему обыкновению (вспомните хотя бы его легендарный разбор 3-го номера журнала "Эхо" с употреблением столь высоких выражений, как нужник и экскременты) походя все обругать и называть обзоры выставок, статьи о творчестве художников, интервью с Оскаром Рабиным, которого лишили советского гражданства, заявление живущего в Москве и преследуемого КГБ сатирика В. Сысоева, выступление в поддержку борющихся за

свободу творчества в Москве нонконформистов и обсуждение принципиальных разногласий, ничем иным, как "полузаговорами и полуинтригами"... Эффектно, ничего не скажешь. К тому же, легче обругать, чем прочесть и понять. И вообще, стоит ли понимать? Мы же в свободной стране. Хотим и ругаемся: нужник, экскременты, полуинтриги... Набор у господина Сергеева хоть куда. И особенно хороши эти полу... Кстати, у московского начальника бульдозеров, которые давили картины неофициальных художников, фамилия была не менее эффектной, чем эпитеты Рафальского - Половинка. Нам почему-то кажется, что с таким Половинкой бывший эсер гораздо быстрее нашел бы общий язык, чем с Максимовым, Шемякиным и всеми прочими проклятыми эмигрантами из третьей волны, которые почему-то думают, что разбираются в русской культуре. А на деле, в ней разбираются не они, а Сергеев - Рафальский.

Александр ГЛЕЗЕР

P.S. "А почему он так плохо отзывался о стихах Шемякина?" - спросили непонятливые юноши, которым эти стихи понравились. Мы сначала хотели им это объяснить. А потом подумали: "Да хрен с ним! Пусть себе пишет. Ведь, как говорят на древнем и мудром Востоке - собака лает, а караван идет."

содержание:

Интервью с А.Гинзбургом	3
проза и поэзия	
Сергей Довлатов "Высокие мужчины" (рассказ)	8
Александр Глезер. Стихотворения....	22
Юрий Мамлеев. Два рассказа	
"Когда заговорят"	41
"Гроб"	49
Михаил Хейфец. Отрывок из книги "Место и время", часть III "Русское поле". "Демократ Сергей Солдатов"	62
Владимир Максимов "Сага о саге"....	145
Пек Серж Жюли "Солженицын и Зиновьев продули: Ленинскую премию отхватил Брежнев.....	158
Одна дискуссия. Евтушенко и другие... Дискутируют Марк Поповский, Наум Коржавин и Борис Парамонов.....	161
русские барды	
Владимир Высоцкий.....	198
КОНФЕРЕНЦИЯ "ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ"	
В НЬЮ-ЙОРКЕ.....	216

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

НОНКОНФОРМИСТЫ НА ЗАПАДЕ И ДОМА	
От редакции.....	231
Констанце Книтер "В Москве их искусство нежелательно".....	233
Сергей Голлербах. Выставки русских художников в Нью-Йорке.....	238
Вячеслав Завалишин. Выставка работ Марка Клионского.....	244
А.Глезер. Дела домашние.....	253
Ирина Баскина. Дело Георгия Михайлова.....	256
Мюрель Ганьебен. О писании креста. (О творчестве Юрия Жарких).....	272
В.Завалишин. Русский институт голубой лагуны.....	275
Александр Глезер. Открытое письмо в газету "Русская мысль".....	278

